Епископ Варнава (Беляев)

Основы искусства святости.
(опыт изложения
православной аскетики)

4 – том.

Издание братства во имя
святого князя Александра Невского
Нижний Новгород
1998

*«Путь святых состоит не во внешнем творении
добрых дел, чтобы их было как можно больше,
нет, а чтобы они были как можно ближе
к Божественной мысли и воле о них.
Нужно торговать добродетелями,
и какая в данное время
на житейском рынке идет,
ту и пускать в дело».
(Епископ Варнава)*

Содержание.

Отдел III. Душевный человек в борьбе с страстями (продолжение). 2
Глава 8..... 2
§ 1. Нестяжание..... 2
§ 2. О совести к вещам..... 7
Глава 9. Целомудрие. 9
§ 1. О целомудрии вообще..... 9
§ 2. Половой вопрос с точки зрения христианства и культуры (женщина как раба Господня[1] и как дочь диавола[2]. 21
Глава 10. Послушание.....39
§ 1. Послушание и старчество. 39
Глава 11. Смирение. 71
§ 1. Страх Божий.....71
§ 2. Память смерти. 76
§ 3. Молчание и безмолвие.....81
§ 4. Самоукорение. Плач. 87
§ 5. Смирение. 98
Глава 12. Молитва.....103
§ 1. Необходимость молитвы. 103
§ 2. Претрудность молитвенного подвига. 106

§ 3. Виды молитв: домашние и общественные молитвы. Иисусова молитва. 109
§ 4. Обрядовая сторона молитвы. 114
§ 5. Место молитвы (храм) и его внешняя обстановка. О хождении в храм и поведении в нем.....123
§ 7*. Продолжительность молитвы. О молитве непрестанной. 134
§ 8. Предмет молитвы. 139
§ 9. Условия действенности молитвы и бесовские козни и страсти расстраивающие. 143
Глава 13. О пришествии Святого Духа и Его действиях. 157
§ 1. Общие понятия. Какого человека называют святым сами святые. 157
§ 2. Внутреннее состояние человека, достигшего святости. 161
Приложение.....173
Умное делание подвижника.....173
Заключение. Православная эсхатология. 175
§ 1. Смерть (первая, телесная). 175
§ 2. Страшный суд и открытие Царства славы*. 188

Отдел III. Душевный человек в борьбе с страстями (продолжение).

Глава 8.

§ 1. Нестяжание.

"Начало пути жизни — поучаться всегда умом в словесах Божиих и проводить жизнь в нищете", — говорит преп. Исаак Сирин[1].

Таково значение нестяжательности. «Нестяжание есть отложение земных попечений, беззаботность о жизни, невозбраняемое путешествие, вера заповедям Спасителя; оно чуждо печали», — говорит св. Иоанн Лествичник[2]. Оно есть Божественное установление (Лк. 14, 26, 33). Добровольная нищета — выше милостыни. «Если возложишь на душу свою правило нищеты, — говорит св. Исаак Сирин, — и, по благодати Божией, освободишься от попечений и нищетою своею станешь выше мира, то смотри, не возлюби стяжания по нищелюбию, для подаяния милостыни, не ввергни души своей в смятение тем, что будешь брать у одного и давать другому; не уничтожь чести своей зависимостью от людей, прося у них, и не утрать свободы и благородства ума своего в попечении о житейском, потому что степень твоя выше степени милостивых. Нет, прошу тебя, не будь зависим. Милостыня подобна воспитанию детей, а безмолвие — верх совершенства. Ежели есть у тебя имение, расточи его вдруг. Если же ничего не имеешь, и не желай иметь. Очисти келью свою от роскоши и от излишнего, и это поведет тебя к воздержанию невольно, хотя бы ты и не хотел. Скудость вещей учит человека воздержанию; а когда дозволим мы себе послабление относительно вещей, тогда не в состоянии будем воздерживать себя»[3].

В «Древнем Патерике»[4] передается случай, показывающий, что святые строго помнили это положение (что нестяжание выше милостыни).

«Некто просил старца принять деньги на свои нужды. Он не захотел принять, довольствуясь своим рукодельем. Когда же тот не переставал упрашивать старца принять деньги хотя для нужд бедных, то он отвечал:

— Здесь будет двоякий стыд: я принимаю без нужды и тщеславлюсь чужим даянием».

Зная высоту добродетели нестяжания и ее преимущество пред милостыней, диавол на этом строит искушения подвижникам.

-7-

«Бес сребролюбия борется с нестяжательными и, когда не может их одолеть, — говорит св. Иоанн Лествичник[5], — тогда, представляя им нищих, под видом милосердия увещевает их, чтобы они из невещественных опять сделались вещественными».

И нередко успевает в этом и вводит в пагубу и лица[6] высокой духовной жизни.

Но все вышесказанное, прибавлю, относится к настоящим подвижникам, которые всецело предались Христу и уединенной молитве за себя и за весь мир. «Но кто занят делами житейскими, собственными своими руками работает и сам берет у других, тот тем более обязан подавать милостыню. И если не радеть ему о милостыне, то немилосердие это есть противление Господней заповеди. Ибо если кто не приближается к Богу втайне [т. е. чистым молитвенным созерцанием и умно-сердечным деланием] и не умеет служить Ему духом, но не заботится и о делах явных, которые возможны для него, то какая еще будет у такового надежда приобрести себе жизнь? Таковой несмыслен»[7].

Отсюда видно, что христианство против профессионального нищенства[8], хотя Христос постоянно учил заботиться о нищих (Мф. 19, 21; 26, 9; Мк. 10, 21; 14, 5; Лк. 14, 13; 16, 20; 19, 8; Ин. 13, 29; Деян. 4, 34)*. (*Но языческий мир допускал это ненормальное общественное явление, считая, что сами боги покровительствуют нищим и мстят их обидчикам. Ср.: *Гомер.* Одиссея. Песнь 17, 475. Песнь 18.)

II. Как приучать себя к добровольной ради Христа скудости?

«Никто не может приобрести действительной нестяжательности, если не убедит и не уготовит себя к тому, чтобы с радостью переносить искушения. И никто не может переносить искушений, кроме уверившегося, что за скорби, к участию в которых уготовил он себя, можно приять нечто, превосходящее телесный покой. Посему во всяком, кто уготовал себя к нестяжательности, сперва возбуждается любовь к скорбям, а потом приходит к нему помысл не быть стяжательным относительно вещей мира сего. И всякий, приближающийся к скорби, сперва укрепляется верою, а потом приближается к скорбям. Кто отрешается от

-8-

вещественного, но не отрешается от действенности чувств, разумею зрение и слух, тот уготовит себе сугубую скорбь и будет сугубо бедствовать и скорбеть. Лучше же сказать: какая польза лишить себя чувственных вещей, а чувства услаждать ими? Ибо от страстей, производимых этими вещами, человек терпит то же самое, что прежде терпел при обладании ими на деле, потому что памятование о навыке к ним не выходит у него из мысли. А если мысленные представления вещей без самых вещей воспроизводят в человеке болезненное чувство, что скажем о действительном приближении к ним? Итак, прекрасно отшельничество, потому что много содействует [достижению нестяжательности], сильно укрощает помыслы,

самым пребыванием в отшельничестве влагает в нас силы и учит великому терпению в постигающих человека необходимых скорбях»[9].

Таким образом, мы видим преемственность в добродетелях. Все устроено Богом так, чтобы путь спасения для человека не был трудным и тяжким, и чтобы можно было ему постепенно восходить от одной добродетели к другой, высшей, «и находить в этом для себя облегчение, и чтобы таким образом самые скорби, переносимые ради добра, соде-лались любезными, как нечто доброе»[10].

Но во всяком случае, приобретение нестяжательности есть великий труд.

«Да не подумает кто-либо, что без труда и легко достигается преспеяние в нестяжательности, — говорит св. Нил Синайский[11]. — Ибо называем теперь нестяжательностью не нищету невольную, которая, приключившись по необходимости, сокрушает дух и, как непроизвольная, почитается несносною, но добровольную решимость довольствоваться малым, приобретаемую самовластием помысла, однако же требующую труда, и до того именно времени, пока упражнение, обратившись в навык, не соделает сносным того, что долгое время казалось трудным и нестерпимым».

III. Польза нестяжания

«Пока человек пребывает в нестяжательности, непрестанно приходит ему на мысль преселение из жизни, и прилагает он всегда попечение свое о жизни по воскресении, во всякое время всячески готовится туда и приобретает терпение против всякой чести и телесного покоя... даже не боит-

-9-

ся и смерти, потому что ежечасно устремляет на нее взор как на нечто приближающееся и ожидает ее; попечение же его с несомненным упованием возвергнуто на Бога...

Если же случится ему... по какой-то причине приобрести что-либо преходящее, то в этот же самый час в душе его начинает пробуждаться любовь к телу; помышляет он о долгой жизни; ежечасно в нем возникают и приходят в силу помыслы о плотском покое... и изыскивает сам в себе, не возможно ли ему, каким бы то ни было образом, иметь у себя все, что составляет для него этот покой... отсюда при всяком случае останавливается он на мыслях, приводящих в боязнь, и придумывает причины к страху, потому что отнята у него эта твердость сердца, какую приобрел он, когда в своей нестяжательности был выше мира...»[12]

Поэтому — «если имеешь что лишнее сверх дневной потребности, раздай это нищим и иди с дерзновением приносить молитвы свои, т. е. беседуй с Богом, как сын с отцом. Ничто не может так приблизить сердце к Богу, как милостыня, и ничто не производит в душе такой тишины, как произвольная нищета»[13]. «Если веруешь, что Бог промышляет о тебе, к чему тебе беспокоиться и заботиться о временном и о потребном для плоти твоей? А если не веруешь, что Бог промышляет, и потому, помимо Его, сам заботишься о потребном для тебя, то ты самый жалкий из всех людей. Для чего и живешь или будешь жить? *Возверзи на Господа печаль твою, и Той тя препитает* (Пс. 54, 23)»[14].

О пользе нестяжательности сказал и Иоанн Лествичник:

«Ничто так не смиряет душу, как пребывание в нищете и пропитание подаянием. Ибо тогда больше всего показываемся любомудрыми и боголюбивыми, когда, имея средства к возвышению, убегаем оного безвозвратно»[15].

IV. Примеры истинной нестяжательности

Границы ее так определяет св. Симеон Новый Богослов[16]: «Покажи Богу, или, лучше сказать, пусть Сам Он увидит нищету твою и нестяжательность и несребролюбивый нрав твой, так что хоть бы, как река, текло к тебе откуда-либо богатство всего мира или попалось тебе брошенным безмерное множество золота (ибо и это бывает по козням диавола и клевретов его), ты не восхотел бы даже одним глазом взглянуть на то, при всем том, что взять не представля-

-10-

лось бы грехом, под благовидным предлогом раздать бедным».

Культурный мир или, точнее сказать, безбожники[17] упрекают монахов и духовенство, что они-то и есть капиталисты, а отсюда выводят заключение — вот смешная логика! — что и Бога нет, и религия — выдумка попов. Но те, кого они называют монахами и на кого нападают, по канонам Церкви, не есть монахи; сама Церковь, как мы видели выше, на таковых нападает и предписывает им законы нестяжательности. И Бог тут ни при чем, и религия также.

Путешествующий по египетским древним киновиям IV века преп. Иоанн Кассиан Римлянин вот что говорит о жизни тогдашних монахов, исполнявших заповеди Христа на деле, а не содержавших их только на церковном престоле в переплетах с золотыми крышками, усыпанными драгоценными камнями (хотя и такое благоговейное отношение тоже похвально само по себе, но для спасения недостаточно):

«Излишним считаю упоминать о том правиле их, чтобы никто не имел своей коробки, корзины и ничего такого, что должно бы было запирать как собственность. Знаем, что они живут в такой скудости, что, кроме рубахи, небольшой епанечки, полусапог, милоти (мантии. — Еп. Варнава) и рогожи, ничего не имеют. А в иных монастырях это правило столь строго соблюдается, что никто не смеет ничего назвать своим, и считается большим преступлением для монаха говорить: это — *моя* книга, *моя* письменная доска, *мой* грифель, *моя* одежда, *мои* полусапоги. За это он должен принести покаяние, если случайно, по неосторожности или по неведению, произнесет такое слово»[18].

Авва Исаак, пресвитер из Келий[19], говорил братиям:

«Отцы наши и авва Памво носили ветхую, со многими заплатами, а также пальмовую [т. е. из рогожи] одежду, а вы теперь носите одежду дорогую. Пойдите отсюда — от вас запустели здешние места».

Он же сказывал, что авва Памво говорил:

«Монах должен носить такую одежду, которую никто не взял бы, если бы выбросить ее из кельи [на целые три дня]»[20].

Еще приведу несколько примеров того, как смотрели на нестяжательность древние святые отцы и как следовали ей в своей жизни даже тогдашние миряне.

-11-

1. Брат просил авву Серапиона:

— Скажи мне одно слово[21].

— Что я могу сказать тебе? Разве то, что ты удержал у себя достояние вдов и сирот и положил его на этом окне, — отвечал старец.

А он видел на окне множество книг[22].

2. Некто из святых, именем Филагрий, стоял на торгу, продавал свое рукоделье[24]. Кто-то обронил кошелек с тысячью монет. Старец, нашедши его, остановился на том же месте, говоря: «Конечно, потерявший воротится». И вот

потерявший идет и плачет. Старец отвел его в сторону и отдал ему кошелек. Тот ухватил старца и хотел дать ему что-нибудь из денег, но старец не принял. Тогда потерявший закричал: «Пойдите, посмотрите, что сделал человек Божий!» Но святой уже скрылся и вышел из города, не желая обнародовать своего поступка и прославиться.

3. Некоторые из греков пришли однажды в г. Остраци-ны[24] раздать милостыню. Они взяли с собою людей, чтобы показывали им, кто в чем особенно нуждается. Те привели их к одному изувеченному[25] и предлагали ему подаяние, но он отказался:

— Вот я тружусь, плету эти молодые прутья и ем хлеб от трудов своих.

Потом привели их к хижине одной вдовы с семейством. Когда они постучались, откликнулась изнутри дочь ее. Она была нагая. А мать уходила в это время на работу — она была портомоя (прачка)[26]. Они предлагали дочери одежду и деньги. Но та не хотела принять, говоря:

— Когда пошла мать моя, то сказала мне: будь покойна, по милости Божией, я нашла ныне работу, теперь мы имеем пищу.

Когда пришла мать, они стали ее просить принять подаяние, но и она не приняла и сказала:

— Мой Промыслитель — Бог, и вы теперь хотите отнять Его у меня!

Видя такую веру, греки прославили Бога[27].

4. Следующий случай показывает, как грешно и бесполезно «копить денежку на черный день».

Один садовник трудился и весь свой труд употреблял

-12-

на милостыню, а себе оставлял только необходимое. Но по-мысл внушил ему: «Скопи себе несколько денег, чтобы под старость или в болезни не потерпеть тебе крайней нужды...» И он, собирая, наполнил горшок деньгами. Случилось ему заболеть (у него стала гнить нога), и он истратил деньги на врачей, не получив никакой пользы. Наконец приходит один опытный врач и говорит: «Если не отнять тебе ногу, сгниет все тело твое», и он решился на операцию. Ночью же, придя в себя и раскаявшись в том, что сделал, сказал с воздыханием: «Помяни, Господи, дела мои прежние, которые совершил я, трудясь в саду своем и доставляя потребное братиям!» Когда он произнес это, предстал ему ангел Господень и сказал: «Где деньги, скопленные тобою? И где эта надежда, которую ты питал на них?» Тогда, рассудив, он сказал: «Согрешил, Господи, прости мне! Отныне я ничего подобного не буду делать». Тогда ангел коснулся ноги его, и он тотчас исцелел. И встав утром, пошел в поле работать. Врач, по условию, приходит с инструментами, и ему говорят: «Он утром ушел в поле работать». Тогда врач, изумившись, пошел туда, где тот работал, и, увидев его копающим землю, прославил Бога, даровавшего ему исцеление[28].

Таковы заветы нестяжания, оставленные древним старчеством. А те, кто упрекают нынешних монахов в нарушении ими иноческих обетов, напрасно усматривают в этом свое особое достоинство (воображая, что они видят то, чего не замечают духовные люди). Если они хотят знать, то об этом предсказано было за 1500 лет до них отцом монашества Антонием Великим.

«Однажды некоторые ученики божественного аввы Антония, видя в пустынях бесчисленное множество монахов[29], прилежащих всем добродетелям, спросили его: "Отец! Долго ли будут продолжаться эти ревность и усердие к уединению, к

нищете, к смирению, к любви, к воздержанию и ко всем прочим добродетелям, которым так тщательно прилежит все это множество монахов почти без исключения?" Муж Божий так отвечал им, воздыхая и проливая обильные слезы:

— Наступит некогда время, сыны возлюбленные, в которое монахи оставят пустыни и вместо их устремятся к богатейшим городам. Там вместо вертепов и хижин, которыми усеяна пустыня, они воздвигнут, стараясь превзойти одни

-13-

других, великолепные здания, препирающиеся пышностью с царскими палатами. Вместо нищеты вкрадется стремление к собиранию богатства [продолжу и дальше слова Великого, хотя они и не относятся к теме параграфа], смирение сердца превратится в гордость; многие будут напыщенны знанием, но чужды добрых дел, предписываемых знанием; любовь иссякнет; вместо воздержания явится угождение чреву, и многие из монахов озаботятся о доставлении себе изысканных яств не менее мирян, от которых они будут отличаться только одеждою и клобуком. Находясь посреди мира, они не устыдятся неправильно присваивать себе имя монахов и пустынников[30]. Не престанут они величаться, говоря: *Аз есмь Павлов, аз же Аполлосов* (1 Кор. 1, 12), — как будто вся сущность благочестия заключается в значении предшественников, как будто позволительно и справедливо хвалиться отцами, как хвалились иудеи предком своим Авраамом! Однако между монахами тех времен некоторые будут далеко лучше и совершеннее нас, потому что блаженнее тот, *кто могл преступити, и не преступи, и зло сотворити, и не сотвори* (Сир. 31,11), нежели тот, который увлекается к добру примером многих добрых»[31].

§ 2. О совести к вещам.

Ничего не иметь своего, совлечься и самой воли своей — такова заповедь истинному христианину. Если же он проходит еще первые ступени подвижничества и живет посреди братии, в монастыре или в миру, и пользуется по необходимости вещами, то, естественно, и в этом случае он должен стараться, чтобы путь спасения его ни в чем не был опорочен. Поэтому он должен, живя в общежитии или отдельно, хранить *совесть к вещам.*

Об этом делании авва Дорофей так учит: «Хранение совести в отношении к вещам состоит в том, чтобы не обращаться небрежно с какою-либо вещию, не допускать ей портиться и не бросать ее как-нибудь, а если увидим что-либо брошенное, то не должно пренебрегать сим, хотя бы оно было и ничтожно, но поднять и положить на свое место. Не должно также обходиться нерассмотрительно со своею одеждою. Ибо случается, что иной мог бы

-14-

носить одежду[1] неделю, или две, или даже месяц, а он часто моет ее преждевременно и тем портит ее, и вместо того чтобы носить ее пять месяцев или более, он частым мытьем приводит ее в ветхость и негодность; а это против совести. Так же и в отношении постели, часто иной мог бы довольствоваться одной подушкой, а он ищет большой постели; или имеет власяницу, но хочет переменить ее и приобрести другую, новую или более красивую, по тщеславию или от уныния. Иной опять может обойтись одним покрывалом, а он ищет другого, лучшего, иногда даже и спорит, если не получит его. А если он еще станет примечать за

братом своим и говорить: "Зачем у него есть, а у меня нет?", то такой далек от преуспеяния. Также, если кто-либо развесит свою одежду или покрывало на солнце и поленится во время снять их и допустит им от зноя портиться, то и это против совести. Также и в пище, иной может удовлетворить своей потребности малым количеством какого-либо овоща, или чечевицей, или немногими маслинами, а он не хочет этого, но ищет другой пищи, вкуснейшей и лучшей: это все против совести»[2].

Вот как надо распоряжаться чужими вещами: «Если не хочешь впадать в раздражительность и злопамятность, то отнюдь не имей пристрастия к вещам и не заботься о них чересчур; но и не пренебрегай ими, как маловажными и ничтожными, но когда кто просит их у тебя, давай; если же он случайно или по небрежению разобьет или попортит что, не скорби. Впрочем, ты должен так поступать не по нерадению о монастырских вещах, ибо ты обязан всею силою и со всяким старанием заботиться о них, но из желания охранять себя от смущения и споров, постоянно являя пред Богом посильное твое старание. Достигнуть же сего ты можешь только тогда, когда будешь распоряжаться монастырскими вещами не как своими собственными, но как вещами, принесенными Богу и только вверенными твоему попечению. Ибо первое располагает нас к тому, чтобы не иметь пристрастия к вещам, а второе — к тому, чтобы не пренебрегать ими. Если же ты не имеешь в виду этой цели, то будь уверен, что не перестанешь подвергаться смущению и смущать себя и других»[3].

«На седмице одного брата эконом, проходя, увидел на земле три зерна чечевичные, которые у недельного проскользнули между пальцев, в то время как он промывал их

-15-

и готовил к варению. Когда донесено было игумену, то последний отлучил недельного, как небрегущего о *священном достоянии,* от молитвы и отпустил ему вину только по принесении публичного покаяния. Так поступлено потому, что они не только себя самих не считают своими, но и все принадлежащее им почитают посвященным Богу. Поэтому если что-либо однажды поступило в монастырь, то они считают долгом поступать с тем, как со священным, со всяким благоговением; потому что уверены, что Господь воздаст им и за самые маловажные дела, каковы, например: если они что-нибудь *с* места перенесут или лучше поставят, если кувшин наполнят водою и принесут в нем кому-нибудь пить, если маленький прутик вынесут из молитвенного дома (церкви. — Еп. Варнава) или кельи»[4].

Строго древние подвижники относились к вещам, хотя бы они, с нашей точки зрения, были «ничьи», неизвестно кому принадлежали — одним словом, свободны от чьих-либо притязаний.

Так, однажды авва Агафон, столь славный в отцах по подвигам в христианской любви и крайнем бесстрастии, шел со своими учениками. Один из них, нашедши на дороге небольшой зеленый стручок чечевицы, сказал старцу:

— Отец, позволишь ли мне взять его? Старец с удивлением обратился к нему:

— Разве ты положил его тут?

— Нет, — отвечал брат.

— Как же ты хочешь взять то, чего не клал? — сказал старец.

Еще подобный же случай.

Один брат, пришедши к тому же авве Агафону, сказал:

— Позволь мне жить с тобою.

Идучи же к нему, нашел он на пути немного селитры и принес с собою. Старец спросил его:

— Где ты взял селитру?

— Я нашел ее на дороге, когда шел сюда, и взял ее.

— Если ты шел жить со мною, то для чего взял то, чего ты не клал?

И послал его отнести селитру туда, где он взял ее[5].

-16-

Глава 9. Целомудрие.

§ 1. О целомудрии вообще.

I. Что оно такое?

В широком или, вернее сказать, в собственном смысле, «целомудрие есть всеобъемлющее название всех добродетелей»[1]. «Целомудрие, — говорит св. Петр Дамас-кин[2], — есть здравый (целый) образ мыслей, то есть не имеющий какого-либо недостатка и не допускающий того, кто его имеет, уклоняться в невоздержность или в окаменение, но хранящий собираемое мудростью доброе и отвергающий все худое; собирающий помысл к себе самому и собою возводящий его к Богу... Невоздержность же разумею не ту только, которая относится к чревоугодию и блуду, но — воздержание от *всякой* страсти и *всякого* помысла не по Богу, произвольно помышляемого». В более узком смысле, целомудрие есть чистота и незапятнанность души от блудных пожеланий.

«Целомудренным называем не того, — определяет и св. Василий Великий[3], — в ком невоздержные пожелания ослабели от старости, или от болезни, или от другого какого-либо случая. Ибо в таком человеке, хотя грех еще и живет, но деятельности его препятствует немощь членов. А целомудрие есть истинная, с сознанием соединенная сила, глубоко отпечатлевшаяся в душе и уничтожающая оставшиеся следы срамных движений».

Человек может достигнуть чистоты души даже по вкушении плотского греха.

«Не тот чист, — говорит равноангельный св. Иоанн Лествичник[4], — кто сохранил нерастленным сие бренное тело, но тот, кто члены его совершенно покорил душе». И еще:

«Некоторые говорят, что по вкушении плотского греха невозможно называться чистым; а я, опровергая их мнение, говорю, что хотящему возможно и удобно привить дикую маслину к доброй. И если бы ключи Царства Небесного были вверены девственнику по телу, то мнение оное, может быть, имело бы основательность. Но да постыдит умствующих таким образом тот, кто имел тещу, а был чист и носил ключи Царствия [Мф. 16, 19]»[5].

Отсюда понятно, почему св. Церковь дерзновенно прославляет св. Марию Египетскую наравне с непорочными и чистыми девами, когда поет:

-17-

«Блудами первее преисполнена всяческими, Христова невеста днесь покаянием явися» и далее: «...Сего ради *Царствия невеста* явилася ecu, Марие преславная»[6].

Но, наоборот, одно только девство тела не делает человека целомудренным и чистым в полном смысле слова, то есть святым, а иногда может повести даже на

дно ада (Мф. 25, 11—12). Святые отцы называют это состояние не целомудрием, а только *воздержанием* (разумеется от плотского греха). Оно показывает, что корни греха еще не исторгнуты и не уничтожены окончательно и человек еще подвержен искушениям и угрозе падения, тогда как в первом случае он *благодатию Христовою* (а не своими подвигами — это надо постоянно помнить, — хотя подвиги и необходимы, чтобы привлечь эту благодать) стоит непоколебимо, считает сильнейшие бесовские нападения за детские игрушки и смеется над бессилием демонов, подвергая себя добровольно, ради вящих венцов Царства Небесного, таким искушениям, которые неуклонно приводят к гибели всех прочих людей, не достигших высокой степени совершенства. (Примеры будут даны ниже.)

Вот несколько мест, показывающих недостаточность одной плотской чистоты для Царства Небесного.

«То называется не целомудрием, — говорит авва Херемон, египетский отшельник, — а воздержанием, когда еще остается противное ему услаждение (после истечений и всякого возбуждения похоти, душевного и телесного. — Еп. Варнава)...

Совершенство целомудрия от многотрудных начал воздержания отличается постоянным спокойствием. Ибо совершенство истинного целомудрия составляет то, что оно не только подавляет возбуждение плотской похоти (как это делает воздержание. — Еп. Варнава), но и со всем ужасом отвращается, постоянно сохраняет ненарушимой свою чистоту и не может быть ничем иным, как святостью»[7].

Таким образом, чистота телесная — вещь терпимая до тех пор, пока человек, хотя и не имеет совершенной чистоты духа, все же борется с помыслами и подавляет возбуждения чувственности. Но как скоро дело ограничится только хранением себя от плотского греха пли даже от прикосновений к своему или чужому телу (например, при поцелуях и объятиях), а сердцу при этом дозволяется увлекаться всем, чем оно хочет, то таковому человеку грозит мука.

-18-

«Иной может сказать, — говорит св. Симеон Новый Богослов, — благодарю Бога, я не осквернил тела моего никаким срамным делом (чего я, всякий грех соделавший, сказать не могу), — и говоря так, иметь некое от сего утешение, что-де чист от плотского греха. Но Владыка наш Христос в притче о пяти юродивых девах дает решительное удостоверение, что от одной чистоты телесной никакой не получим мы пользы, если не будем иметь и прочих добродетелей. Те пять дев имели и немного елея в своих сосудах, т. е. некоторые внешние добродетели, причастны были и некоторых дарований, отчего и лампады их горели некоторое время[8]; но за свое нерадение, невежество (в духовных делах) и леность были осуждены на вечное мучение. Они не позаботились очиститься от скрывавшихся в душе их страстей, которые были приводимы в движение бесами, и даже не познали их как следует. Оттого под бесовскими воздействиями были растлеваемы сердца их чрез сосложение с помыслами, с которыми скрытно имели смешение, бывая пленяемы ими и побеждаемы[9]. Но какие это бесовские действия? Страсти — зависти, ревнивости, ссоры, спорливости, осуждения и клеветы, ненависти, гнева, злопамятства, тщеславия, человекоугодия, самоугодия, сребролюбия, плотской похоти, коею услаждались и посредством сласти творили блуд в помыслах»[10], и

далее святым отцом перечисляется еще целый ряд страстей, которые я здесь опущу.

Оправдывались, подобно монахам в век св. Симеона, и девы, посвятившие себя Христу, в век священномученика Киприана, епископа Карфагенского (+ 258 г.). Таковым последний отвечал:

«Скажут ли они, что можно легко удостовериться в их девстве? Пустая отговорка! Рука и глаз акушерки постоянно в этом ошибается. Да если бы та часть тела, чрез которую наносят женщине бесчестие, и оказалась нетронутой, разве трудно деве допустить в отношении своего тела бесчестие, которое не сможет открыть и самое тщательное исследование? Я говорю о совместном возлежании девы с мужчиною, объятиях, собеседованиях!..

Если бы муж нечаянно застал свою жену на ложе с другим, то не пришел ли бы он в сильнейшее негодование и гнев?.. Что же, не более ли прогневается и вознегодует Христос, Господь наш и Судия, когда деву, посвятившую себя Ему и давшую обет святости, увидит на одном ложе с другим?»[11]

-19-

Речь здесь идет об одном распространенном обычае первохристианской Церкви, с которым вели сильную борьбу отцы Церкви. Он состоял в том, что девы, посвятившие себя Христу и пользовавшиеся большим почетом в древней Церкви, с течением времени (когда после эпохи гонений первоначальная чистота верующих была утрачена из-за прихода в Церковь массы язычников) стали нередко принимать обеты целомудрия не искренно, а по тщеславию, ради этого, воздававшегося им, почета и высокого положения в обществе. Причем они не только не гнушались принимать знаки почитания в виде проявления общего уважения к себе, председания на первых местах в церковных собраниях и иного прочего, но и в виде услуг от молодых людей, для этого поселявшихся с ними под одною кровлею ради удобнейшего и скорейшего исполнения их пожеланий. Дело, начинавшееся ради Господа, скоро переходило на почву личную и исполнялось из личного чувства. Завязывались близкие связи, при которых допускалось все, кроме одного. И когда в той или другой общине молва рождала подозрения <в наличии нечистой связи> между чествуемыми не в меру девственницами (по-нашему сказать, монахинями) и их «поклонниками», первые начинали оправдываться и говорить то, о чем сказывает св. Киприан.

Сколько боролся с этим злом со всей силою своею красноречия св. Иоанн Златоуст! В этом случае язык его пользовался и сатирою, чтобы подействовать и образумить и тех, и других — девственниц и их служителей.

Я приведу еще об этом же выдержку из письма блаж. Иеронима к Евстохии «О хранении девства» (ок. 384 г.)[12]:

«Стыдно указать на неприличные, печальные, но действительные события: откуда вошла в церкви язва Агапет?[13] Откуда именование жен без брака? Откуда новый род наложниц? Скажу более: откуда единомужние блудодейцы? Пребывают мужчина и женщина в одном доме, в одной спальне, часто на одной постели, и называют нас подозрительными, если мы думаем что-нибудь. Брат оставляет сестру девицу, девушка удаляет от себя неженатого родственника, называет братом чужого, и, притворяясь оба для одной цели, они ищут духовного утешения на стороне, чтобы дома иметь телесное общение. Таких людей изобличает Соломон в

притчах, говоря: *Вважет ли кто огнь в недра, риз своих не сожжет ли? Или ходити кто будет на углиях ог-*

-20-

ненных, ног же не сожжет ли? и проч. (Притч. 6, 27-28)».

Даже I Вселенский Собор занимался вопросом о *синизактах* — так назывались эти лица[14]. Правило 3 гласит: «...ни епископу, ни пресвитеру, ни диакону, и вообще никому из находящихся в клире, не позволено иметь сожительствующую — συνεισακτην — в доме жену, разве матерь, или сестру, или тетку, или те токмо лица, которые чужды всякого подозрения»[15]. Речь идет, конечно, о неженатых клириках, которые, как и девственницы, брали к себе в дом для услуг лиц противоположного пола.

Итак, физическое девство, не соединенное с духовным, не славу и похвалу за собою песет, а наказание. В житиях святых много рассказывается примеров такого рода.

Отсюда понятно, что целомудрие язычников, еретиков, сектантов — не целомудрие, и девство их — не девство, а что оно такое, определяет св. Иоанн Златоуст.

«Подлинно, — говорит он, — целомудрие еретиков хуже всякого распутства. Последнее причиняет обиду людям, а первое восстает против Бога и оскорбляет бесконечную премудрость; такие сети расставляет диавол своим служителям. А что девство еретиков, действительно, есть изобретение его лукавства, это говорю не я, а Тот, Кому не безызвестны его замыслы. Что же Он говорит? *Дух явственне глаголет, яко в последняя времена отступят нецыи от веры, внемлюще духовом лестчим и учением бесовским, в лицемерии лжесловесник, сожженных своею совестию, возбраняющих женитися...* (1 Тим. 4,1-3). Как же может быть девственницею та, которая отступила от веры, слушается обольстителей, доверяется демонам, почитает ложь? Как может быть девственницей та, у которой сожжена совесть? Девственница должна быть чиста не телом только, но и душою, если желает принять Святого Жениха, а та (дева еретическая) как может быть чистою, имея столько пятен?.. Хотя тело ее и остается нерастленным, но растлилась лучшая часть ее — душевные помыслы. А что пользы в том, что остаются ограды, когда храм разрушен?»[16]

II. Степени целомудрия

Кроме краткого замечания св. Иоанна Лествичника по этому вопросу, которое было приведено уже в начале этой книги[17], вот еще несколько данных (помогающих опреде-

-21-

лять достоинство своего подвига) из беседы аввы Херемо-на «О чистоте»[18]:

«...Лествицу совершенства целомудрия я разделю на шесть степеней, которые, впрочем, по высоте много отстоят друг от друга, так что некоторые средние, которых много, я опущу, которых тонкость неуловима для человеческих чувств, так что ни ум усмотреть ее, ни язык высказать не может, с какими успехами мало-помалу ежедневно возрастает совершенство самой чистоты...

Итак, *первая* степень целомудрия состоит в том, чтобы монах не подвергался возмущению плотской похоти в бодрственном состоянии;

вторая — чтобы ум не занимался сладострастными помыслами;

третья — чтобы от взгляда на женщину нимало не склонялся к вожделению;

четвертая — чтобы в бодрственном состоянии не допускал и простого движения похоти;

пятая — чтобы и самое тонкое согласие на сладострастное действие не помрачало ума, когда рассуждение или необходимость чтения приведет на память человеческое рождение, но должен смотреть на это спокойным и чистым взглядом сердца, как на дело простое и необходимо назначенное для размножения рода человеческого; при воспоминании о нем ничего больше не должен представлять, как действование чресл или другой какой-нибудь части тела.

Шестая степень целомудрия состоит в том, чтобы даже и во сне не было соблазнительных мечтаний о женщинах. Хотя этого мечтания мы и не считаем грехом, однако ж это бывает знаком того, что еще скрывается похоть в членах. Мечтания эти бывают различные. Смотря по тому, кто каким делом обыкновенно занимается или думает, тот тем и искушается во время сна. Иначе обольщаются те, которые узнали плотское совокупление; иначе те, которые не испытали совокупления с женщиною. Как у этих сны обыкновенно бывают простые и более чистые, то им легче, меньше труда приобрести чистоту. А те подвергаются обольщениям нечистых и более впечатлительных мечтаний, доколе мало-помалу по мере чистоты... дух даже и во сне возненавидит то дело, к которому прежде произвольно питал сочувствие, и ему дается от Господа то, что чрез пророка обещается храбрым мужам в высшую награду за труды: *лук и*

-22-

меч и войну сокрушу, выведу из земли вашей и упокою вас в безопасности (Ос. 2,18). И таким образом достигнет чистоты блаженного Серена[19] и немногих подобных ему мужей.

Эту чистоту я отделил от сказанных шести степеней целомудрия, так как не только приобрести, но даже и верить ей очень редкие могут...»

Я приведу несколько примеров из житий святых, достигших этой чистоты, тем более что о них редко где можно прочесть, ибо даже в популярной духовной литературе авторы, вероятно, боясь неверия, соблазна или насмешек, избегают говорить о них. Пусть ревностные и желающие положить душу свою ради чистоты знают, где ее предел и к чему им должно стремиться, а нечестивцы и неверы пусть не будут иметь никакого оправдания на будущем Страшном Суде (которого они и не признают даже), что им-де не говорили об этом, никто не научил, никто не показал картину и высоту добродетели, они бы-де тогда стали спасаться... Эта моя оговорка относится и ко всей книге: я нигде не утаиваю ничего и из высоких степеней прочих добродетелей, которые тоже могут соблазнить или привести в отчаяние. У нас так долго <благочестивые> произведения питали людей разведенной сладкой водицей (не исключая даже таких известных духовных писателей, как епископ Феофан Затворник)[20], что читатели совсем потеряли понятие о красоте и высоте духовного подвига. Думать стали, что вся духовная жизнь состоит в том, чтобы немного попоститься, немного помолиться (если угодно, Иисусовой молитвой), немного почитать, «не шибко рваться вообще на небо», не драться, не грабить, не богохульствовать. «Какие дела христианина? — сказал один старец-афонит известному оп-тинцу о. Клименту (Зедергольму). — Он не должен иметь двух жен и исполнять другие заповеди, а совершать такие дела, как Антоний Великий, не каждому дано»[21]. И получился — полный развал церковной России.

Совершать дела св. Антония — не каждому дано, это правда, а знать эти дела теперь — когда даже полуграмотные люди считают своим долгом знать все на свете, кроме относящегося к спасению, — для всех обязательно. Конечно, людей, искренно желающих спастись, но приходящих в отчаяние от высоты подвигов святых отцов, <духовник> может утешать и отдельно, наедине, всячески послаблять им в исполнении заповедей Христовых. Но в отношении

-23-

гордых, жестокосердых, полных сил и здоровья, необходимо проявлять настойчивость и требовать неуклонного следования заповедям: *настоять* не только *благовремение,* но и *безвременне,* когда им это не по вкусу и приводит их в огорчение[22]; нужно *обличать, запрещать, умолять со всяким долготерпением и учением* (2 Тим. 4, 2). Может быть, хотя бы только знание о подвигах святых, не говоря уже о малейшей попытке подражания <подвижникам>, приведет их в стыд и заставит, при помощи благодати Божией, заговорить их совесть. Если они хоть раз вздохнут о том, что не совершили ничего подобного и не могут совершить, — и то хорошо. И это смирение будет дорого в очах Божиих. А если они, так-то пребывая в гордости, да читая и слушая наши <елейные> проповеди по поводу житейских слабостей, будут думать, что «Бог милостив, все простит», что они ведь «не разбойники какие», то что будет в итоге?

Конечно, надо, повторяю, говорить каждому свое, но когда приходится обращаться к широким массам, надо предлагать и то, и другое, и сильное, и слабое средство, ибо нас слушает, может быть, сотня слабых людей, но среди них, возможно, имеется один с великими духовными запросами. Он один, если воспитывает себя как следует, духовно, будет стоить в очах Божиих десятков тысяч слабых. Хорошо, по заповеди Христа, облегчать *иго* спасения блудным сыновьям и делать его *благим* и *легким* (Мф. 11,29), но этого мало — надо пойти и дальше: показать *путь* спасения, *узкий* и *тесный* (Мф. 7, 11)> праведным, *старейшим* сынам (Лк. 14, 11-32), пока они еще молоды, и смирить одновременно тех из блудных, которые, кроме призрачной любви Христа к галилейским «лилиям» (Мф. 6, 28), к «вину», к «хорошо покушать» (Мф. 11, 19) и к «свободному веселью» (Ин. 2, 1-10), ничего более не видят в Евангелии и думают, что в этом и заключается христианство, а все остальное: подвиги, слезы, труды, совершенство — «выдумки монахов», хотя бы и «святых» по прозванью... Но прочь такое богохульство! Надо разъяснять в церковных книгах, пускаемых в общее обращение, все вопросы, начиная с того, как отправлять свои естественные нужды, и кончая тем, как преуспевать в молитве и чистоте. А в исповедальне, у аналоя духовника, наедине со смиренной душой всегда можно найти возможность облегчить труд кающегося и проявить к нему милость[23]. Это — другое дело.

-24-

Итак, приведу те случаи высочайшей чистоты, которой достигали некоторые из святых. Первый случай предупредит многие упреки невежественных и наглых людей, порочащих монашество за его якобы тунеядство, за то, что оно принципиально против принесения пользы обществу. Не принципиально, а только новоначальным старцы запрещают вмешиваться в мирские дела, которые те недавно оставили. А так как теперь почти все монахи, по своему духовному развитию, находятся на ступени новоначалия, что даже и седовласые за собой признают, то они и бегут от мирского общения по своей немощи. Но принцип тут

ни при чем. А всякий, кто вышел из возраста новоначалия, сейчас же начинал служить миру; таковы все святые и старцы-подвижники Амвросий Оптинский, Варнава Гефси-манский, Иона Киевский и многие другие. Мирские люди, вечно находящиеся в суете, — им даже некогда на минуту Евангелие открыть — хотят уверить себя и других, что они знают и понимают заповеди Христа лучше монахов, упрекая последних в тунеядстве и полагая, что сами-то они занимаются творением дел любви, — что, конечно, не так. Но приведу давно обещанный рассказ. Повествование ведет свидетель и современник событий Палладий, автор славного «Лавсаика». Речь идет об Элеимоне, монахе, великом, как увидим, в древних отцах.

«В этом же городе [Анкире Галатийской] мы встретили еще монаха, который отказался принять рукоположение в пресвитера. В монашество поступил он, пробыв прежде несколько времени на военной службе. Двадцатый год ведет он подвижническую жизнь, оставаясь при епископе города, муже отличной святости. Он столько человеколюбив и милостив, что ходит по городам с тем, чтобы помогать нуждающимся. Не оставляет без попечения ни стражи, ни больниц, ни странноприимниц, ни богатого, ни бедного, но всем подает помощь. Жестокосердым и немилостивым богачам преподает наставления о благосердии и милости. Заботится о каждом из бедных, чтобы у него было необходимое. Враждующих примиряет, нагим доставляет одежду, больным — средства к врачеванию.

Что обыкновенно бывает во всех больших городах, то есть и здесь. В преддверии храма лежит множество увечных, просящих себе насущной пищи, частью женатых, частью неженатых. Случилось однажды ночью жене одного из

-25-

них родить в преддверии и притом во время зимы. Когда она кричала и мучилась от этой невыносимой болезни, блаженный, молившийся тогда в церкви, услышав ее вопль, прекратил обычные свои молитвы, вышел посмотреть и, не нашедши никого, кто бы помог ей в этой нужде, сам занял место повивальной бабки и не погнушался нечистотою, какая обыкновенно бывает у рождающих жен, потому что глубокое его милосердие сделало его нечувствительным».

На этом я окончу описание его подвигов[24].

Еще приведу случай из жизни св. Серапиона Синдонита[25].

Прибывши однажды в Рим, он осведомился, кто в этом городе лучший подвижник или подвижница. Нашедши кого было нужно, он узнал от него об одной деве, пребывающей в безмолвии, которая 25 лет жила, заключившись в своей келье, и ни с кем никогда не виделась. Дальнейшая поучительная история показывает, как нужно подвижнику строго наблюдать за тем, чтобы не составить о своем подвиге превратного, тщеславного понятия, а проверять вопрошаниями опытных. Хорошо, что Бог, не желая погибели двадцатипятилетних трудов, прислал к этой обольщенной затворнице великого Серапиона...

Итак, этот славный муж, узнав дом, пошел туда и сказал прислуживавшей ей старице:

— Скажи девице, что один монах непременно желает с ней видеться.

Старица отвечала ему, что эта затворница много лет никого не видит. Но он повторил:

— Поди, скажи, что я должен с нею видеться, ибо меня послал к ней Бог.

Однако она и тут не послушалась. Пробыв три дня, Серапион наконец увидел ее и сказал:

— Что ты сидишь здесь?

— Я не сижу, — отвечала она, — а иду.

— Куда же ты идешь?

— К Богу моему.

— Жива ты или умерла? — говорит ей раб Божий.

— Верую Богу моему, что умерла для мира; ибо кто живет по плоти, тот не пойдет к Богу.

Услышав это, блаженный Серапион сказал:

— Чтобы уверить меня в том, что ты умерла для мира, сделай то, что я делаю.

-26-

— Приказывай, — отвечала она, — но только возможное, и я сделаю.

— Для мертвого, подобного тебе, все возможно, кроме нечестия, — отвечал он и потом сказал ей: — Сойди вниз и пройдись.

— Я не выхожу двадцать пять лет, как же теперь пойду?

— Вот, не говорила ли ты: я умерла для этого мира? Очевидно поэтому, что и мир для тебя не существует. А если так, то мертвый ничего не чувствует, и для тебя должно быть совершенно равно — выйти или не выйти.

Девица, услышав это, пошла.

Когда она вышла вон и дошла до одной церкви, блаженный, вошедши в церковь, сказал ей там:

— Если хочешь уверить меня в том, что ты умерла и уже не живешь для людей, чтобы угождать им, сделай то, что я могу сделать, и тогда убедишь меня, что ты действительно умерла для этого мира.

— Что же должна я сделать? — спросила девица.

— Сними с себя все платье, как вот я, — сказал он, — положи его на плечи и ступай по городу. А я без стыда пойду вперед тебя в таком же виде.

— Но если, — отвечала она, — я сделаю это, то многих соблазню таким бесстыдством, и кто-нибудь скажет, что это сумасшедшая или беснующаяся.

— А тебе что за дело, если это скажут? Ведь ты говоришь, что умерла для людей, а мертвецу нет никакой нужды до того, бранит ли кто его или смеется над ним, потому что он нечувствителен ко всему.

Тогда говорит ему эта девица:

— Прошу тебя, прикажи мне сделать другой, какой угодно подвиг, и я сделаю. Теперь я не дошла еще, а только молюсь о том, чтобы дойти до такой степени.

После этого раб Божий, бесстрастный Серапион, сказал ей:

— Смотри же, сестра, не величайся, будто ты святее всех, и не хвались, что умерла для сего мира. Ты вот узнала, что жива еще и угождаешь людям. Я могу быть более мертвым, нежели ты, и что я умер для мира, могу доказать делом — именно тем, что равнодушно взираю на него; ибо, не стыдясь и не соблазняясь, могу сделать то, что приказывал тебе.

Научив ее этими словами смиренномудрию и сокрушив ее гордость, блаженный оставил ее совершенною и удалился от нее[26].

-27-

Рассказывает еще следующее диакон один, современник св. Симеона, Христа ради юродивого, хорошо знавший его тайную подвижническую жизнь.

Этот диакон, муж богоугодный, увидев однажды старца, от долгого ли поста или от трудов, подъемлемых им ради своего блаженного жития, сильно изнемогшим телесно, и желая его, хотя бы под видом шутки, освежить водою, сказал ему:

— Пойдешь ли, юродивый, в баню мыться? Тот же, засмеявшись, ответил:

— Пойду, пойду.

И тотчас с этими словами снял с себя свою изодранную одежду и, свив ее, положил себе на голову. Диакон сказал ему:

— Оденься, брат, если нагой пойдешь, то я не пойду с тобою.

— Я дело прежде дела сделал, — отвечал св. Симеон, — а если не хочешь со мной вместе идти, я впереди тебя пойду.

И побежал вперед.

Было же две бани: одна мужская, другая женская. Пропустив первую, святой направился ко второй. Диакон же, догнав его, сказал:

— Постой, юродивый, не ходи туда, там женская ведь баня.

Тот обернулся и ответил:

— Все равно: там горячая и холодная вода и здесь горячая и холодная вода, и сверх этого ничего нет там, чего не было здесь.

С этими словами он побежал и вошел, как был, нагой, в баню в среду моющихся женщин. Те, понятно, бросились все на него, начали бить и выгнали от себя...

После диакон тот наедине спросил святого:

— Отец, как почувствовало себя твое тело, когда нагим ты вошел посреди голых женщин?

— Веру имей мне, брат, — отвечал великий, — что, как дерево посреди деревьев, так и я был посреди них и не чувствовал, что тело имею, да и не помышлял даже, что к телам вошел, но *весь ум мой был занят богомыслием»*[27].

Приведу наконец замечательный пример в этом роде из жития блаженного Андрея, Христа ради юродивого, — того самого, который видел *Покров Богоматери* над молящимися во Влахернском храме, — пример, говорящий тоже о величайшей степени бесстрастия этого святого.

-28-

Однажды, когда он шел, юродствуя, мимо публичного дома, одна из блудниц, увидя его, схватила его за полу рваной одежды, какую носил блаженный, и потащила внутрь. Истинный же посмеятель сатанинских козней без упорства вошел с нею. Тотчас окружили его и прочие блудницы и, смеясь, спрашивали:

— Как это с тобой случилось?

Праведник же только улыбался, ничего не отвечая.

Тогда начали его толкать и заставлять насильно сотворить блудное дело, всячески теребя его тайные члены. Другие же искушали целомудренного, поцелуями вызывая на срам. Иные с кощунственными матерними словами кричали ему: «Юродивый! С нами насыть *духовную свою по-хотпъ»*[28]. И дивное чудо можно было наблюдать в блаженном: среди стольких соблазнов — γαλισμοις, «ласк», — которые ему расточали блудницы, никак не могли они подвигнуть его и заставить пожелать скверного того дела. Почему, отставши, говорили: «Либо мертвый он, либо чурбан какой, что не чувствует, либо камень неподвижный — ведь как мы его нудили на похоть и ничего не могли поделать». Одна же из тех женщин сказала: «Дивлюсь вашему безумию, что так говорите... Глупый он,

бесноватый, голодный, разутый, не имеет где голову положить, откуда же у него быть похоти? Отстаньте от него, пусть идет творить свое безумие...»

Видел же святой блудного демона, стоящего посреди блудниц. По виду он был как эфиоп, губастый (χειλας), вместо волос на голове имел конский помет, смешанный с золой, с лисьими глазами, плечи его были покрыты драным лоскутом, и от него исходил страшный смрад... Святой, гнушаясь этого зловония, начал часто плевать и рубищем зажал свой нос. Демон же тот, увидя, как он отвращается блуда, пришел в неистовство и испустил громкий вопль. «Меня, — воскликнул, — люди за сладкий мед в сердцах своих принимают, а этот, ходя, посмеивается всему миру, брезгает мною, плюет на нас...»

Блаженный видел этого демона явно, блудницы же голос его слышали, но никого не видели. Сидя среди них, святой смеялся смраду и безобразию того беса. Видя, как святой смеялся, они сказали: «Видите, как смеется с своим демоном?» Одна же заметила: «Хороша еще у него одежда; возьмем, продадим, и сегодня будет на что выпить...» И тотчас вскочили, раздели его донага и платье продали, разделивши

-29-

деньги. Старшая же из них сказала: «Не пускайте его нагого, дадим ему хоть старую рогожку...» И прорезавши в средине ее для головы отверстие, накинули на блаженного вместо бывшей на нем одежды и в таком виде выгнали из дому[29].

Но это отсутствие стыда у совершенных людей, достигших состояния невинности детей (Быт. 2, 25)[30], нужно отличать от бесстыдства культурных людей, пришедших в состояние скотов, которые, как известно, тоже не стыдятся своей наготы и безнравственных поступков.

Вот цитата, описывающая это устроение, из дневника поэта К. Бальмонта во время пребывания его на островах Самоа[31]:

«Я просыпаюсь... надеваю на босые ноги туфли, а поверх ночной рубашки накидываю купальный халат, вздыхаю и в столь откровенном виде спускаюсь по главной лестнице. Иногда на ней стоят и разговаривают дамы и девицы. Что ж, немножко неловко, но в общем, по существу, мы все ведь здесь дети солнца, и стыдиться благородного своего тела зачем же?»

Не стыдятся и дикари, но сами ученые сознаются, что эта их нагота, как сперва можно подумать, якобы приучающая к бесстрастию и доводящая окружающих до того, что для них уже ничего в ней нет интересного и любопытного, на самом деле, нисколько не застраховывает от похоти[32]. А я сказал бы: кто слыхал хотя краем уха о тех формах ужасного противоестественного разврата, царствующего у дикарей, до которых не могут додуматься и европейцы, и документы о которых с рисунками и описаниями путешественников не подлежат печати, а хранятся в научных архивах, тот знает, что эта полная нагота-то во многих случаях и служит причиной для разврата. Кто знаком с содержанием подобных документов, тот поймет, о чем я говорю.

Таким образом, спасающимся должно различать:

Во-первых, период *борьбы с* демоном блуда. В это время последний изводит человека помыслами, похотливыми ощущениями, истечениями, но все это нисколько не вредит его целомудрию[33], если только человек борется с этим демоном, а не идет ему навстречу.

Но в миру всякие там литераторы, вроде В. Розанова, и такие ученые, как А. Вилла, П. Ковалевский и другие, сваливают все в одну кучу, борющихся смешивая с победивши-

-30-

ми и последних с побежденными. У них монахи, которые в действительности на протяжении десятков лет подвергались искушениям от демона блуда и которые не уступали ему ни пяди, получив за то от Бога неувядаемые венцы, являются психопатами, эротоманами, одержимыми половой горячкой, блудниками, наконец. Тот, кто сам обуреваем насылаемыми от беса блудными помыслами, не должен смущаться, но должен терпеть, молиться, будучи уверенным, что целомудрие его нисколько не оскорбляется, лишь бы душа не хотела всего того, что навевается на него демонами. Из многих имеющихся примеров приведу один.

Рассказывает о себе вышеупомянутый Палладий.

«Жил в скиту некто по имени Пахон; ему было уже около 70 лет от роду. Случилось, что, по наваждению демонскому, мучила меня блудная похоть, так что я не в силах был бороться с помыслами и ночными видениями. Сильно гонимый страстью, я от этого искушения уже готов был уйти из пустыни. Между тем, не сказывал об этом соседним отцам, ни даже учителю своему Евагрию, но тайно отправился в самую глубину пустыни и там 15 дней провел в беседе с отцами скита, состарившимися в пустынножительстве. Между ними встретил я и Пахона. Заметив в нем более искренности и духовной опытности, я осмелился открыть ему свое сердце. И вот что сказал мне этот святой:

"Не смущайся от сего искушения. Это терпишь ты не от беспечности; в пользу твою говорят место, скудость в необходимых потребностях и невозможность видеть здесь женщин; напротив, это навел на тебя враг за твою ревность к добродетели. Брань блудная — троякого рода: иногда нападает на нас плоть, преданная неге; иногда страсти возникают в нас от помыслов; а иногда сам диавол восстает на нас из зависти. Я узнал это из многих наблюдений. Вот я, как видишь, старый человек. Сорок лет живу в этой келье и пекусь о своем спасении; но, несмотря на мои лета, доселе еще подвергаюсь искушениям". И здесь он с клятвою присовокупил: "В продолжение 12 лет, после того как я достиг пятидесятилетнего возраста, ни дня, ни ночи не проходило, чтобы враг не нападал на меня. Подумав, что Бог отступил от меня и потому демон так мучит меня, я решился лучше умереть безрассудно, нежели постыдным образом предаться сладострастию плоти и, вышедши из своей кельи, пошел по пустыне и нашел пещеру гиены. Целый день лежал я в

-31-

ней нагой, чтобы звери, при выходе из пещеры, пожрали меня. И вот, как настал вечер, и, по писанному, *солнце по-зна запад свой; положил еси тьму, и бысть нощь; в ней же пройдут еси зверие дубравный, скимни (львы) рыкающий восхитити и взысками от Бога пищу себе* (Пс. 103, 19-21), — самец и самка, выходя в это время из пещеры, с ног до головы обнюхивали меня и облизывали. Я уже думал, что буду съеден; но они оставили меня. Итак, пролежав целую ночь и не быв съеден, я уверился, что, конечно, помиловал меня Бог, и тотчас возвратился в свою келью. Демон же, переждав несколько дней, опять восстал на меня еще сильнее прежнего, так что я едва не произнес хулы на Бога. Он принял вид эфиопской девицы, которую я видал в молодости своей, когда она летом собирала

солому. Мне представилось, что она сидит у меня, и демон до того довел меня, что я думал, будто уже согрешил с нею. В исступлении я дал ей пощечину, и она исчезла. Поверь мне: два года не мог я истребить нестерпимого зловония от своей руки. Я стал поэтому унывать еще более и наконец в отчаянии пошел скитаться по пустыне. Нашедши небольшого аспида[34], я взял его и стал подносить к своему телу, чтобы, как он ужалит меня, умереть мне. Но сколько я ни подносил его, он не ужалил меня, промышлением благодати. После сего услышал я говоривший моему сердцу голос:

— Иди, Пахон, подвизайся. Я для того попустил демону такую власть над тобою, чтобы ты не возмечтал, будто можешь победить демона сам[35], но чтобы, познав свою немощь, ты никогда не уповал на свое житие, а всегда прибегал к помощи Божией.

Успокоенный сим гласом, я возвратился в свою келью. С того времени ощутил я в себе бодрость и, не тревожимый более сею бранью, провожу, после борьбы, остальные дни свои в мире. Постыжденный демон, увидя мое презрение к нему, уже не приближался ко мне".

Этими словами святой Пахон укрепил меня на борьбу с сатаною, сделал более бодрым на подвиги, научил легко выдерживать брань с демоном блуда и, отпуская, велел мне всегда хранить мужество»[36].

Во-вторых, период *победы* над врагом. И как в первом случае подвижник тщательно хранит себя во всякой мелочи и тревожится малейшим скабрезным намеком, так и теперь, как чеканно выражаются жития, он «ругается»[37] миру и диаволу.

-32-

Как солнце, освещая нечистые места, не оскверняется, так не загрязняется и душа человека, достигшего вышеестественного бесстрастия. По благодати Божией, он непоколебим. Все мирское и плотское в нем умерло, ум его в Боге. Такого состояния были сподобляемы от Бога и молодые мученики за свой подвиг, любовь ко Христу и ревность, и целомудрие их оставалось непорочным при всех искушениях[38]. Но не пришедший в меру последних не имеет права позволять себе вредящих целомудрию вещей, и если они с человеком случаются, то это значит, что либо он пал и поруган бесами, либо отчаялся в своем спасении и впал в бесстыдство публичных женщин и «культурно» воспитанных людей[39].

III. Источники целомудрия

Их лучше всего уясняют те способы врачевания, которые предлагаются аскетикой против блудной страсти. Св. Иоанн Лествичник такие вкладывает слова в уста своей плоти, как бы олицетворяя ее и заставляя саму отвечать на предложенные вопросы, как достигнуть ему взаимного с нею мира и нетленной чистоты:

«Если явственно познаешь глубокую мою и твою немощь, то тем свяжешь мои руки.

Если гортань умучишь воздержанием, то свяжешь мои ноги, чтобы они не шли вперед.

Если соединишься с послушанием, то освободишься от меня.

А если приобретешь смирение, то отсечешь мне голову»[40].

Таким образом, можно сказать, перефразируя известные слова Пимена Великого: сокрушение сердечное, пост, послушание и смирение — вот «работные орудия» для осуществления чистой, целомудренной жизни[41].

IV. Награда за целомудрие

Она велика. Вместо всех святоотеческих выписок и примеров, приведу описание будущего блаженства святых из видения св. апостола Иоанна Богослова:

«И видех, и се, Агнец стояше на горе Сионстей, и с ним сто и четыредесять и четыри тысящы, имуще Имя Отца Его написано на челех своих. И слышах... поющих яко песнь

-33-

нову пред Престолом... и никтоже можаше навыкнути песни, токмо сии сто и четыредесять и четыри тысящы искуплени от земли.

Сии суть, иже с женами не осквернишася, зане девственницы суть; сии последуют Агнцу, аможе аще пойдет» (Откр. 14,1-4).

Вот честь их; они неразлучны с Богом.

Нужно еще упомянуть о целомудрии, хранимом в *браке;* разумею под этим здесь не просто воздержание в супружеских сношениях, но полный от них отказ. И больше того: как у состоящих в безбрачном состоянии одного телесного целомудрия недостаточно для спасения, так и в браке требуется воздержание, как выше сказал св. Петр Дамаскин, «от *всякого помысла* не по Богу». И в этом последнем случае подвиг является тогда едва ли не труднее и не выше[42].

В первые века христианства в исполнение прямой заповеди апостола (1 Кор. 7, 29) многие проводили такую жизнь. История сохранила нам имена св. Аммона, св. Магны Анкирской, благочестивого Малха, пресвитера Анастасия и Феонии, Пелагия Лаодикийского с супругою, мученика Юлиана и Василисы, св. мученика Конона Исаврий-ского и Анны, мучеников Цецилии и Валериана, башмачника Захарии и Марии[43] и многих других. У нас подобный подвиг нес Иоанн Кронштадтский.

И как в безбрачном состоянии подвижники (преимущественно юродивые) достигали иногда такого бесстрастия, что уже не боролись с демонами, а сами раздражали их, вызывая на борьбу, совершая безопасно для себя такие поступки, одна мысль о которых смертельна для всех прочих, так и в брачном состоянии хотя и редко, но находились столь великие чудотворцы и праведники, которые проводили жизнь, по виду зазорную, а на самом деле ангельскую, получая сугубые венцы и за трудность несения подвига целомудрия, и за несправедливое о себе мнение и осуждение со стороны людей[44].

Сила подвигов и молитвы этих святых настолько велика, что вполне уравновешивает тот соблазн, который они производят среди людей своими поступками; но с другой стороны, без подобных поступков она была бы слишком ярка для людских очей и они не смогли бы уберечься от славы.

-34-

§ 2. Половой вопрос с точки зрения христианства и культуры (женщина как раба Господня[1] и как дочь диавола[2].

В Библии содержится рассказ, как трое юношей, телохранителей персидского царя Дария, пока он спал после большого пира, а они стояли на часах при нем, для

того чтобы скоротать время и соединить приятное с полезным, придумали следующее: каждый должен написать, *что он считает самым сильным на свете,* потом записку запечатать и положить под изголовье царя. «И чье слово окажется разумнее другого, даст тому царь Дарий великие дары и великую награду».

Так и сделали. Один написал: «Сильнее всего вино», другой — «сильнее царь»; третий, самый умный из них, — «сильнее *женщины,* а над всем одерживает победу *истина».* Когда царь проснулся, узнал, в чем дело, и в совещательной палате, в присутствии всех государственных мужей и сановников, попросил каждого из них высказаться, то Зоровавель, так звали третьего юношу, сказал длинную речь, из которой я приведу только следующие слова:

«О мужи! не велик ли царь, и многие из людей, и не сильно ли вино? Но кто господствует над ними и владеет ими? не женщины ли? Жены родили царя и весь народ... и от них родились, и ими вскормлены насаждающие виноград, из которого делается вино... Люди не могут быть без жен. Если соберут золото и серебро и всякие драгоценности, а потом увидят одну женщину, хорошую лицом и красивую, оставив все, устремляются к ней и, раскрыв рот, смотрят на нее... Берет человек меч свой и отправляется, чтобы выходить на дороги и грабить и красть... льва встречает, и во тьме скитается; но лишь только украдет, похитит и ограбит, относит то к возлюбленной... Многие сошли с ума из-за женщин... Многие погибли и сбились с пути, и согрешили через женщин. Неужели теперь не поверите мне? Не велик ли царь властью своею? Не боятся ли все страны прикоснуться к нему? Я видел его и Апамину, дочь славного Вартака, царскую наложницу... она снимала венец с головы царя и возлагала на себя, а левою рукою ударяла царя по щеке. И при всем том царь смотрел на нее, раскрыв рот: если она улыбнется ему, улыбается и он; если же она рас-

-35-

сердится на него, он ласкает ее, чтобы помирилась с ним... Как же не сильны женщины, когда так поступают они?» (2 Езд. 3, 1-4, 32.)

Слова Зоровавеля никогда в любодейном нашем мире не переставали быть истинными. Страсть к женщине туманит голову ей самой и ее поклонникам. Весь мир кружится в диком экстазе вокруг обожествленного им кумира и все вокруг себя населяет его образами. Все здравые понятия смешались, и путь к восстановлению божественного порядка закрыт от людских очей туманом пороков и сластолюбия. Но, чу, слышится звон отдаленного колокола...

В церкви звучат гласы, вещающие истину о женщине... Внидем туда и послушаем.

Добро — καλον [3] *— человеку жене не прикасатися. Но блудодеяния ради кийждо свою жену да иматъ, и каяждо жена своего мужа да иматъ,* — глаголет св. апостол Павел (1 Кор. 7, 1-2).

Свящ. Писание и Церковь знают только два законных состояния для женщины (как и для мужчины, конечно): замужнее — в благословенном браке и девственное — ради Господа. Все остальное — от лукавого...

Такой порядок имеет свою историю, от неправильного понимания которой происходят все бедствия в мире и все блудное круговерчение.

Бог создал жену в *помощницы* первому человеку, в подругу, вполне *соответственную* ему (по духу[4], главным образом), создал так, чтобы первая чета составляла вместе — *плоть*[5], בשר (басар), σαρξ, то есть личность, *едину* (Быт. 2, 18,

20, 24; Мф. 19, 5). Это был самый крепкий духовный союз. Муж господствовал над женою честию и любовию, а не угрозами и насилием.

Но жена не устояла, впала в грех гордости и чувственности (Быт. 3, 6). И услышала тотчас же приговор Божий, грозно тяготеющий над ее потомками женского рода до сего дня: *Умножая умножу скорбь твою* — ицу^{е} вонех — *в беременности твоей; в болезни* — б^{е}эцэв — *будешь рождать детей; и к мужу твоему влечение* — т^{е}шука — *твое, и он будет господствовать над тобою* (Быт. 3, 16).

-36-

Не палачом Бог является здесь — да не будет этого богохульства, — а только, по Своему предведению, раскрывает Еве, какова будет ее судьба, что пожнет она по роду своего семени.

Ева согрешила гордостью — захотела сравняться с Самим Богом (Быт. 3, 5), и, без сомнения, было ей также приятно, что муж ее слушался и угодное делал ей (когда сорванный плод от нее принимал), теперь же она должна из помощницы и подруги обратиться в рабу и, вместо угождения с его стороны, испытывать над собой его власть и *господство,* в смысле самой жестокой тирании. И эта последняя еще до сих пор продолжается в магометанстве и у язычников, т. е. там, куда не проник свет Христовой истины.

Согрешила Ева чувственностью — и вот горький плод: отныне *скорбь* и *болезнь* (то и другое, по-еврейски, от глагола עצב — «резать»), т. е. родовые муки и боли, при которых утробу матери все равно как ножами режут, будут всегда[6] следовать за кратковременным минутным наслаждением. Непорочная привязанность к мужу обратилась в свою горькую противоположность, влечение (תשוקה, «страсть»), со всеми ужасными последствиями эксплуатации этого чувства мужчиною (в форме многоженства, проституции, развода).

И только христианство восстановило женщину в ее первобытных (Быт. 2, 18, 24) правах, подчинив мужу разве лишь во образ благодатного союза Христа с Церковью (Еф. 5, 24-24). Жена уже не раба теперь мужу, а — *слава* его и *сонаследница благодатной жизни* (1 Кор. 11, 7; 1 Пет. 3, 7). И обращение с нею теперь должно быть иное: не силою грубого страха должно привлекать и подчинять ее себе, а любовию, и не наслаждений от нее только искать и брать, а — *потаеннаго сердца человека в неистлении кроткаго и молчаливого духа* (1 Пет. 3, 4).

Вот несколько святоотеческих мыслей, развивающих и подтверждающих вышеуказанные положения. В жизни они должны иметь громадную практическую ценность, как содержащие учение церковное по вопросу брачных отношений между мужчиною и женщиною, а нам пригодятся, между прочим, и в дальнейшем, при выяснении вопроса об «эмансипации».

Якоже Церковь повинуется Христу, такожде и жены своим мужем во всем (Еф. 5, 24).

-37-

«Ты [муж] слышал о великом послушании, — говорит сладкогласный вития Церкви, св. Иоанн Златоуст[7], — ты доволен Павлом и рад, что он, как некий дивный и духовный учитель, учит нас порядку в жизни. Хорошо! Но послушай, чего он требует и от тебя... *Мужие,* говорит он, *любите своя жены, якоже и Христос возлюби Церковь* [Еф. 5, 25]. Видел меру послушания? Послушай же и о мере любви. Хочешь, чтобы жена повиновалась тебе, как Христу повинуется

Церковь? Заботься и сам об ней, как Христос о Церкви. Хотя бы нужно было пожертвовать за нее жизнью, хотя бы нужно было тысячекратно быть рассеченным или потерпеть и пострадать что бы то ни было, не отказывайся... Хотя бы ты видел, что она пренебрегает тобою, что развратна, что презирает тебя, умей привести к своим ногам твоим великим об ней попечением, любовию и дружбою... Слугу можно иногда связать страхом... но общницу жизни, мать детей и виновницу всех радостей нужно привязывать к себе не страхом и угрозами, но любовию и расположенностью. Что за супружество, когда жена трепещет мужа? Каким удовольствием может насладиться муж, который сожительствует с женою, как с рабою, а не как с свободной?

Жена — вторичная власть [«да боится мужа...» (Еф. 5, 33)]; значит, не должна требовать равенства с мужем, так как стоит под главою; и он не должен высокомерно смотреть на нее, как на подчиненную, потому что она — тело его, а если голова станет пренебрегать телом, то пропадет и сама; взамен послушания она должна привносить любовь... Нет ничего лучше такого супружества».

«И жена, хотя ей, по-видимому, наносится ущерб тем, что предписывается страх, ничего не теряет, потому что мужу предписывается то, что особенно важно — любовь. Но, скажут, что если жена не будет бояться мужа? Ты люби, ты исполняй свой долг; пусть другие не исполняют того, что следует, — мы должны исполнять. Укажу пример: *повинующиеся,* сказано, *друг другу в страсе Христове* (Еф. 5, 21). Что же? Пусть иные не повинуются, ты покоряйся Закону Божию. Так и здесь: хотя бы муж и не любил своей жены, она должна бояться его, чтобы не быть ей в долгу у него; равным образом и наоборот, если бы жена и не боялась мужа, он должен любить ее, чтобы ему не быть в долгу у нее. Каждый имеет свои обязанности. Таков брак о Христе, брак духовный и рождение духовное, не от кровей, не от болезней рождения»[8].

-38-

«А когда ты слышишь о страхе, то требуй страха, приличного свободной, а не как от рабы: ведь она — твое тело. А если будешь поступать не так, то позоришь себя самого, бесчестя свое тело. Что же это за страх? Чтобы она не противоречила, чтобы не выходила у тебя из послушания, чтобы не стремилась к первенству. Довольно возбуждать только такого рода страх. Если же ты любишь, как тебе указано, то достигнешь гораздо большего, и достигнешь этого не столько угрозами, сколько собственно любовью. Женский пол весьма слаб; ему нужна большая помощь, особенное снисхождение»[9].

Таким образом, в браке отображается в малых размерах и радужно светится, как солнце в капле росы, непостижимый и духовный мистический союз Христа с Церковью. И только. Больше в нем ничего не должно быть — ни внешних выгод, ни скрытого гнусного сладострастия. Самое деторождение и все, что с ним связано, должно быть упорядочено. Две величайшие добродетели в христианстве, ради осуществления которых приходил Сам Господь, — *смирение* (послушание) и *любовь* (Флп. 2, 8; Ин. 3, 16) — блистают, как два драгоценных крупнейших бриллианта в брачном венце, затеняя своим светом все прочие камни.

Продолжу из Златоуста раскрытие дальнейших сторон истинного христианского брака, цель которого — дух, а не плоть.

«Прежде всего ищи для девицы мужа, настоящего мужа и покровителя, — обращается златословесный учитель к матери, — ведь ты хочешь приставить к телу

голову, ведь хочешь отдать ему не рабыню, а дочь свою. Не ищи денег, ни знатности по роду, ни высокого происхождения, — все это неважно, — а ищи душевного расположения, кротости, истинного благоразумия и страха Божия, если хочешь, чтобы твоей дочке приятно было жить с ним. Если ты, мать, будешь искать побогаче, ты не только не принесешь ей никакой пользы, но причинишь еще вред, потому что сделаешь ее из свободной рабою. От золотых украшений она не получит столько удовольствий, сколько огорчений доставит ей ее рабское положение. Нет, ты этого не ищи, а всего лучше ищи ровню; если же нельзя, скорее ищи беднее себя, чем богаче, если только не хочешь отдать свою дочь господину, а хочешь отдать мужу. Когда достоверно разузнаешь о нравственных достоинствах человека и порешишь отдать, призови Христа, чтобы Он присутствовал при этом деле...

-39-

Молись и скажи Богу: "Кого Ты хочешь, того и определи мне". Поручи Ему это дело, и Он наградит тебя за то, что ты предоставишь Ему такую честь»[10].

Итак, не в богатстве мужа — счастье брака, и не в красоте жены также... «Не хвали ее [жену] и за красоту, — поучает святитель мужа. — Развратным душам свойственны такая похвала и такая ненависть, да и самая страстная любовь. Ищи красоты душевной; подражай Жениху Церкви. Телесная красота производит великую наглость и много неразумного; она возбуждает ревность и нередко заставляет подозревать тебя в гнусных поступках. Но она, скажешь, доставляет удовольствие? Один месяц или два, много, если год, но не далее; от привычки диво это скоро теряет свою прелесть. А то, что вследствие красоты бывает дурного, остается навсегда: ослепление, безумие, высокомерие. В удовольствии же, доставляемом не этой красотою, ничего нет подобного; там любовь, начавшаяся надлежащим образом, остается постоянною, как любовь к красоте душевной, а не телесной... А если приключится болезнь, то тотчас все улетает... Будем же искать в жене благоразумия, умеренности, кротости: таковы признаки истинной красоты, — а телесной красоты не будем искать и не станем укорять ее за то, что не от нее зависит, или, лучше, и вовсе не станем укорять, потому что это свойственно дерзости, не будем огорчаться и негодовать... Не станем искать денег, ни внешнего благородства, но благородства душевного. Пусть никто не думает разбогатеть через жену: постыдно и позорно такое богатство... Не ищи от жены больших денег, и ты легко найдешь все другое»[11].

Так как брак свят и духовен, то нельзя оскорблять его чистоту внешними связями.

«Тело мужа уже не принадлежит мужу, но жене. Пусть же он хранит в целости собственность ее, пусть не уменьшает и не повреждает ее. Итак, когда ты видишь блудницу, соблазняющую, увлекающую, жаждущую твоего тела, то скажи ей: "Это тело не мое, но принадлежит моей жене, я не смею злоупотреблять им и отдать его другой женщине". Так пусть поступает и жена. В этом между ними совершенное равенство, хотя в других отношениях Павел отдает большее преимущество мужу [Еф. 5, 22; 23, 33; Быт. 3, 16].

Как невозможно, чтобы человек целомудренный презирал свою жену и когда-нибудь пренебрег ею, так невозмож-

-40-

но, чтобы человек развратный и беспутный любил свою жену, хотя бы она была прекраснее всех. От целомудрия рождается любовь, а от любви — бесчисленное множество благ. Итак, считай прочих женщин как бы каменными, зная, что если ты после брака посмотришь похотливыми глазами на другую женщину, хотя бы общественную, хотя бы замужнюю, ты делаешься виновным в грехе прелюбодеяния. Каждый день повторяй себе эти слова; и если увидишь, что в тебе возбуждается похоть к другой женщине, и затем твоя жена от этого кажется тебе неприятною, то войди во внутреннюю комнату и, раскрыв эту книгу [Библию], взяв в посредники Павла и непрестанно повторяя эти слова, погаси пламень»[12].

Но нельзя осквернять супружество нечистыми отношениями и удовольствиями сверх дозволенного и внутри него самого. Скажу об этом словами учителя первохристиан-ской Церкви Климента Александрийского.

В своем «Педагоге» он пишет:

«Природа... в отношении законного брака позволяет пользоваться лишь тем, что естественно, целесообразно и благопристойно. Она дозволяет страстное стремление к произведению детей, но всякая чрезмерность и неумеренность идут уже против законов природы: неестественными связями допускающие их вредят сами себе... Поэтому Моисей и с женою, находящеюся в очищении, сходиться запрещает (Лев. 20, 18)... Не следует посему же природу, уже занятую, еще беспокоить из границ выходящим бесчинством. Ибо и без того пустым будучи, это удовольствие, если кто им пользуется и в браке [во время беременности], становится нечестивым, не соответствующим идее брака и про-тиворазумным... Брак одобряется и допускается, ибо Бог хочет, чтобы род человеческий умножался [Быт. 1, 28], но Он не говорит: "Будьте похотливы"... Для тех, которым брак обстоятельствами дозволен, необходимо советоваться с Педагогом [т. е. с Богом], чтобы во время бела дня им не справлять беспутных оргий, чтобы, например, из церкви или утром, с рынка домой пришедши, не набрасываться им на жен, подобно петухам в то время, когда следовало бы молиться, или читать, или обязанностями своего призвания заниматься. Вечером, после ужина, и по принесении Богу благодарения за испытанные благодеяния, следует ложиться спать. Но помнить следует указание уже самой природы,

-41-

что не всегда время удобное для совершения супружеских сношений... Но и ночью не следует бесстыдными быть на том основании, что темно. Следует и на ночь стыдливость в сердце удерживать, чтобы она и в это время освещала наши помыслы... Если стыдливость есть постоянная обязанность, то тем более рядом с супругой должно ее обнаруживать, не доходя в любовных объятиях до забвения благопристойности... Любовь, падкая до удовольствий, отцветает быстро и блекнет вместе с телом; а иногда минует и ранее того с увяданием желания, когда брачная воздержанность жестоко подорвана добрачным распутством... Посему ничем между нами не должны быть напоминаемы бесстыдные слова, постыдные образы [совокупления], имеющие отношение к практике публичных женщин, их поцелуи и подобные виды любострастия. Мы должны быть послушны апостолу, который ясно говорит: *А блуд и всякая нечистота и любостяжание не должны даже именоваться у вас, как это прилично святым* (Еф. 5, 3). Верно посему, как кажется, сказал некто[13]: "Совокупление пользы не принесло еще никому; счастлив тот, кому оно не повредило". Ибо и в законном браке оно влечет за собой

опасности, если не имеет единственной цели — рождения детей... Некоторые грехи свои считают за удовольствия, согласные с природой; другие же, которые будут несколько поприличнее этих, хотя и признают в таких склонностях грехи, но побеждаемы бывают своими пожеланиями, и ночь становится покровом их пороков. Но тот, кто злоупотребляет своим браком, чрез это оскверняет оный все равно что прелюбодеянием. Не слышит ли он, что Педагог говорит: *Человек, восходящий па свою постель и говорящий в душе: "Кто видит меня? Кругом меня тьма, стены служат мне покровом, и никто не видит грехов моих: к чему бояться мне, как бы не вспомнил о мне Всевышний?"* (Сир. 23, 24-25), — такой человек жалок, потому что он только глаз человеческих страшится, а от Бога думает укрыться. *Ибо он не знает,* говорит Писание, *что очи Господа Всевышнего в тысячу раз светлее солнца, что они все пути человеческие назирают и в сокровенные вещи проникают* (Ис. 29, 15)...

Со снятием с себя одежд да не покидаем посему стыдливости, так как праведному и вообще никогда не следует расставаться с мудрой воздержностью[14]... *В этом мире женятся и замуж выходят* (Мф. 22, 30), а когда дела плоти

-42-

будут отменены, то хотя и этой плотью облеченные, но, по чистоте ее подобясь ангелам, достигнем мы бессмертия»[15].

Однако супругам не должно впадать и в другую крайность без обоюдного согласия, то есть совсем отказываться от ложа.

«Та, которая воздерживается *против воли* мужа, — говорит св. Иоанн Златоуст[16], — не только лишится награды за воздержание, но и даст ответ за его прелюбодеяние, и ответ более строгий, чем он сам. Почему? Потому что она, лишая его законного совокупления, низвергает его в бездну распутства. Если она не имеет права делать это и на короткое время без его согласия, то какое прощение может получить она, постоянно лишая его этого утешения?»

Но вернусь к тому, с чего я начал, — к духовности брака. Приведу мнения и других великих отцов Церкви. Эти же выдержки послужат к обличению и тех людей, о которых уже говорилось: думающих, что если они не монахи, а в браке находятся, то им уже все позволено.

1. Св. Игнатий Богоносец: «Подобает женящимся и выходящим замуж, чтобы союз их совершался по благословению епископа[17], — да будет брак о Господе, а не по вожделению»[18]

2. Св. Кирилл Иерусалимский: «Да пребудут в благой надежде брачные, кои живут, как должно в браке, кои вступают в брак по закону, а не по любострастию, следуя необузданной воле [ср. наши браки «по страстной любви»!]; кои знают время для воздержания, дабы свободно заняться молитвой; кои в церковных собраниях с чистыми одеждами имеют и чистые тела; кои вступили в брак для деторождения, а не по любострастию»[19].

Хорошо поучал на этот счет Посошков, крестьянин, сочинения которого мы когда-то изучали еще в сельской школе: «И не токмо похоти своя плотская исполняти [в первый день свадьбы], но и песней скверных не попусти воспети, но в духовных песнех да проводиши весь той день. Не дерзни прогнати от себя низшедшаго на вы Духа Святаго»[20].

3. Св. Амвросий Медиоланский: «...вовсе не лишением девства обусловливается супружество, а брачным договором. Вообще, супружество для девицы наступает с момента

-43-

заключения брачного союза, а не с момента совокупления с мужем»[21].

4. Блаж. Августин: «В нашем (христианском) браке более имеет силы святость таинства, нежели плодородие матери»[22].

Таким образом, мы видим, что Церковь хотя дозволила брак, но всячески[23] старается отвлечь внимание супругов от плоти в сторону духа. •*«Соединен ли ты с женой? Не ищи развода. Остался ли без жены? Не ищи жены,* — говорит она и прибавляет относительно брачных: — *Я вам сказываю ... имеющие жен должны быть, как не имеющие»* (1 Кор. 7, 27-29). Ибо до пложенья ли детей было первым христианам, когда каждую минуту могли за исповедание Христа бросить ко львам, распять, отсечь голову? Что стало бы тогда *с* его детьми? Но и в наше время, помня слова мудрого Екклезиаста (Еккл. 2, 18-19) и трудность воспитания детей, кто из благоразумых не примет к сердцу этого поучения Церкви?[24]

Итак, уже из всех предыдущих цитат и заключений легко понять, что брак сам по себе не является, по учению церковному, идеалом для человека.

«Я не порицаю, конечно, и супружества, — говорит св. Амвросий Медиоланский[25], — но только преимущество отдаю девству. *Изнемогали,* сказано, *зелия да яст* (Рим. 14, 2). Одно терплю — exigo, другому удивляюсь».

Христос, Которого *Царство несть брашно и питие, но правда и мир и радость о Дусе Святе* (Рим. 14, 17), не мог, конечно, приходить на землю только для того, чтобы благословить человеку остановиться в своем духовном развитии на этой низшей степени. Когда саддукеи придумали Ему чисто логическую задачу на основе законоположения о так называемом левиратном браке и преподнесли Ему как нечто очень остроумное и неопровержимое, Господь опрокинул все их хитросплетения одним словом: «Заблуждаетесь, не зная [как следует] Писаний, ни силы Божией. Ибо *в воскресении ни женятся, ни выходят замуж; но пребывают, как Ангелы Божий на небесах»* (Мф. 22, 30). Другими словами, и вопроса такого задавать и ставить нельзя, он лишний, так как имеет смысл лишь в земной человеческой жизни, длящейся краткое время. Но ведь *наше житие на*

-44-

небесех есть (Флп. 3, 20). И Сам Господь благоволил в показание истинного пути человеческого, высокого и совершенного, остаться безбрачным.

«Блаженна жизнь счастливых девственников, которые, отрясши плоть, близки к чистому Божеству», — восклицает св. Григорий Богослов[26]. И еще: «Лучше девственная жизнь; подлинно лучше! — Но если она предана миру и земному, то хуже супружества».

На последнюю половину фразы нужно обратить особенное внимание. «Не довольно быть святою телом, — говорит блаженный Феофилакт[27], — но должно быть таковою и по духу. Ибо в этом, т. е. в чистоте души, состоит истинное девство. Но есть много таких дев, которые телом чисты и непорочны, а душою запятнаны. *И на то еще обрати внимание, что та уже не девственница, которою владеют попечения мирские. Посему, когда увидишь, что какая-либо дева, девство восприявшая, вдается в мирские попечения, знай, что ничем не разнится она от*

замужней. Павел точно определил черты [1 Кор. 7, 34], по которым их различать должно, — это *не брак только и безбрачие,* но многопопечительность и беспопечение, так что *многопопечительная уже не девственница:* ибо чем тогда разнится она от замужней, многопекущейся о том, как угодить мужу и другим суетностям?»

Это теперь особенно относится к монахиням, которым, в силу этих слов, нельзя заводить в кельях целое «хозяйство» с его суетой, заботой, скорбями, постоянными думами, какие можно найти в голове разве только у мирской многосемейной женщины.

«Девы — это цвет церковного отростка, — вторит Григорию Киприан Карфагенский[28], — высокое украшение благодати духовной, природа веселая, чистое и неповрежденное создание хвалы и чести, образ Божий, соответствующий святости Божественной, — это светозарнейшая часть стада Христова».

Со всех сторон, следовательно, досточестность девства преимуществует пред супружеством — и по существу, и по удобству в жизни. И естественно предполагать, что если Церковь все время старается и плотское устроение в браке свести к духовному, то каким же языком неземной радости и одухотворенного веселия она должна говорить в тех случаях, когда дело коснется самого девства. Я уже привел кое-что из отзывов ее о девстве. Если же обратимся к книж-

-45-

ным сокровищам Церкви, то увидим, что девству поется сплошной, дивный, восторженный гимн чуть ли не всеми святыми отцами древней Церкви. Каждый из них превозносил его и чудными стихами и прозой, посвящая ему целые книги. Св. Мефодий, епископ Патарский, пишет «Пир десяти дев» («Συμποσιον η περι αγνειας»), где говорит о высоте девства и о превосходстве его пред супружеством; св. Кип-риан Карфагенский пишет «Об одежде девственниц»; св. Григорий Богослов воспевает девство в стихах; св. Григорий Нисский пишет ему похвалу в прозе («О девстве»); св. Иоанн Златоуст, по обычаю, самым блестящим образом развивает мысль апостола (1 Кор. 7, 38), прославляя девство («О девстве»); св. Амвросий Медиоланский посвящает несколько книг восхвалению этой же добродетели: «О девственниках», «О девстве», «О воспитании девственницы и приснодевстве Св. Марии», «Увещание к девству», «О падении посвященной девственницы» и другие. Нет возможности изложить в нескольких строчках их сочинения, нет сил не имущему их дара представить молниезрачную красоту непорочного, ангельского сего состояния... Жаждущий пусть идет на указанные источники и пиет досыта.

Да и какие похвальные венцы в состоянии украсить сию царицу[29] добродетелей? «Девству достаточно одной похвалы — объявить его добродетелию выше всяких похвал и выражать удивление к его чистоте более жизнию, нежели словом», — говорит св. Григорий Нисский[30].

Как хлеб дается в пищу младенцу после того уже, как он бывает вскормлен молоком, так и человек, который хочет преуспевать в божественном и стяжать девственную чистоту души, должен «прежде всего устранить себя от мира, как младенец от объятий и сосцов материнских. *Телесное делание предшествует душевному,* как персть предшествовала душе, вдунутой в Адама. *Кто не снискал телесного делания, тот не может иметь и душевного,* потому что последнее

рождается от первого, как колос из пшеничного зерна. А кто не имеет душевного делания, тот лишен и духовных дарований»[31].

Поэтому выпишу из святых отцов — Киприана Карфагенского и Амвросия Медиоланского — правила, руководствующие внешнее поведение дев, решившихся спасаться ради Господа и быть в числе мудрых, а не *юродивых* — μωραι, «безумных», или «глупых»[32] (Мф. 25, 2). *Но и юноши не должны говорить, что это к ним не относится.*

-46-

1. Прежде всего, самый вид уже должен говорить о добродетели. «Девственница должна не только быть, но и другим представляться по наружности таковою, так, чтобы всякий, при взгляде на нее, не оставался в недоумении, действительно ли она девственница»[33].

2. «Непорочность должна являть себя одинаково во всем, и одежда тела не должна порочить добродетели души. Да и к чему ей выставлять себя в убранстве и нарядах, как будто имеющей мужа или ищущей его? Она должна, скорее, опасаться нравиться другим, если действительно блюдет свое девство, и не подвергать себя искушениям, стремясь к лучшим и божественным целям»[34].

В частности, вот как св. Киприан учит не увлекаться нарядами. «Неприлично девственнице для украшения лица своего прибегать к изысканной прическе волос и тщеславиться своим телом и его красотою, когда ей предлежит самая большая брань противу плоти и самый трудный подвиг в одержании над нею победы... Но есть из них богатые и с достаточным имуществом, которые, высоко ценя свое богатство, говорят, что они должны же пользоваться своими благами... Но не все то, что можно делать, и должно делать... (1 Кор. 10, 23.) Притом же, когда ты, роскошно и пышно наряжаясь, открыто являешься в народные собрания, обращаешь на себя взоры юношества, увлекаешь за собою вздохи молодых людей, питаешь в них похоть любострастия, воспламеняешь ко греху, то хотя бы сама ты и не погибла, но потому, что тем губишь других и как бы мечом или ядом становишься для тех, которые на тебя смотрят, — ты не можешь уже оправдать своей духовной чистоты и целомудрия. Самый наряд твой наглый и убранство твое бесстыдное изобличают тебя, и ты не можешь уже считаться в числе отроковиц и дев Христовых — ты, которая ведешь себя так, что можешь внушать к себе страсть любви.

...Говоришь, что ты достаточна и богата, и твердишь, что тебе следует пользоваться теми благами, коими Господь наделил тебя. Пользуйся ими, употребляй, но на дела спасительные; употребляй для добрых целей; употребляй, но на то, на что Бог заповедал, на что Сам Господь указал. Пусть чувствуют твое богатство бедные, пусть ощущают твой достаток неимущие. Отдай свое имущество для приращения Богу, напитай Христа. Чтобы удостоиться тебе достигнуть

-47-

славы девства и сподобиться получить воздаяния от Господа, умоляй Его молитвами многих... *ты и тем уже самым грешишь* против Бога, что *думаешь, будто богатство дано Им тебе на то, чтобы иждивать и расточать его без пользы.* Ведь и голос дан от Бога человеку, однако, не для того, чтобы петь любовные и срамные песни [ср. наши романсы, оперу и т. п.]; и железо благоволил Бог сотворить для возделывания земли, но, конечно, не для человекоубийства...

Божие ли изволение — делать на ушах язвы и мучить ими невинное еще младенчество, злу мирскому непричастное, чтобы потом к проколотым язвинам привешивать дорогие зерна [жемчуга или еще что-либо в таком же роде] тяжелые, если не своим весом, то заплаченными за них деньгами? *Все это изобрели своим коварством согрешившие и от Бога отпадшие ангелы,* когда, оставив свои пренебес-ные жилища, низверглись долу. Они-то... научали чернить брови, на щеки наводить поддельный румянец, красить волосы в несвойственный им цвет, искажать подлинные черты лица и головы.

Здесь, в этом именно месте, побуждаясь страхом, который внушает нам вера, и любовию, которой требует от нас братство, нужным считаю преподать *совет не одним только девам или вдовицам, но и замужним и всем вообще женам:* то, что есть делом Бога, Его творением и произведением, отнюдь не должно быть искажаемо примесью ни золотистого цвета, ни черного порошка, ни румян, ни, наконец, другого какого бы то ни было состава, скрадывающего природные черты... Ты не можешь видеть Бога [в будущем веке], когда глаза у тебя не те, какие дал тебе Бог, но какие подделал диавол. Ему ты последовала; ты подражала злато-цветным и раскрашенным глазам змия; враг убирал твои волосы — с ним и гореть тебе!»[35]

3. «Не могу я умолчать и о том, — говорит святой отец, — что не стыдятся некоторые бывать на свадьбах... Уместно ли являться на свадебных пирах той, у которой нет расположения к брачной жизни, или какое может быть удовольствие, какое наслаждение там, где и склонности и желания совсем другие? Чему она [девственница] там научится? Что увидит? Что услышит?.. Хотя бы она и телом и душою пребыла девою, но взором, слухом, языком она много умалила в себе те качества, какие имела»[36].

-48-

4. «А что сказать о тех, которые ходят в общие бани...»[37] Правда, у нас общих бань для мужчин и женщин в городах не существует, но девам следовало бы избегать и тех, какие есть. Ибо: 1) кто ощущает хотя сколько-нибудь духовного аромата небесного целомудрия, тот и лиц своего пола и даже самого себя стыдится[38], где уж ему в голой толпе показаться; 2) богатый и бедный одинаково могут удовлетворить необходимой потребности омыть тело и наедине, дома. Если ванна не у всех есть, то таз с ведром горячей воды у всех найдется. Что же касается того, что нежиться не придется, париться и т. п., то за это должно истинному христианину еще благодарить Бога, что он освобождается от плотоугодия; 3) современные бани с отдельными номерами и «особой» публикой представляют немного меньше искушений для души внимающего себе человека, чем общие. Чего-то только целомудренная душа может не наслушаться и не наглядеться за время ожидания своей очереди.

5. «Юность подозревают иногда даже и в том случае, когда верность обету пребывает ненарушимой». Поэтому, чтобы не дать претыкания брату (1 Кор. 8, 9-13) и не возбудить в себе чувственности, нужно воздерживаться от вина. «Две вещи одинаково возжигают человека — это вино и молодость»[39].

6. «По моему мнению, — продолжает св. Амвросий Ме-диоланский, — нужно также умеренно употреблять всю ту пищу, которая производит возбуждение в членах... Посему дева пусть не знает стремления к излишеству в мясе»[40].

7. «Уклоняйтесь торжественных собраний, избегайте и приветственных посещений. Я хочу, чтобы самые посещения у молодых девушек были по возможности не часты и допускались только к родителям (если девица в общине, приюте, институте находится. — Еп. Варнава) или сверстницам. Ибо, при существующих условиях городской жизни, притупляется должная стыдливость, проявляется наглость, подкрадывается смех и исчезает скромность. Не отвечать на вопросы — это, конечно, ребячество; а отвечать — пойдет дурная молва. Поэтому я желал бы лучше, чтобы девственницы лишены были дара слова, а не обладали им в избытке... *Молчаливость охраняет* стыдливость»[41].

-49-

8. «Велика добродетель молчания, особенно в церкви... Никакого слова, которое ты желала бы сказать, не износи из уст твоих... И ты, Божья дева, удерживайся во время таинства от шума, плевания, кашля и смеха»[42].

9. «Деву, прежде всего, должна обнаруживать ее *строгость,* выражающаяся в очевидной стыдливости, тихой походке и скромном выражении лица... Не совсем достойна похвалы та дева, при виде которой приходится еще взвешивать ее добродетельность»[43].

10. «Точно так же и частая молитва пусть приводит нас в общение с Богом. Ибо если пророк, занятый государственными делами, говорит: *седмерицею днем хвалих Тя* (Пс. 118, 164), то как должно поступать нам, о которых написано: *бдите и молитеся, да не внидете в напасть* (Мф. 26, 41)? Конечно, должно приносить обычные молитвы с выражением благодарности, [1] когда пробуждаемся от сна, [2] когда выходим из дома, [3] когда намереваемся принять пищу, [4] когда беремся за дело, [5] когда воскуряем фимиам[44] и [6] когда, наконец, ложимся в постель. Я желаю, чтобы и в самой постели ты читала псалмы вместе с употребительной молитвой Господней — и когда пробуждаешься, и перед тем, как тело твое погружается в сон... чтобы он застал тебя размышляющей о божественном»[45].

11. «Радость должна твердо согласоваться с разумом, а не навеваться беспорядочными пиршествами и свадебной музыкой; ибо не безопасна скромность и очевиден соблазн там, где чрезмерная пляска является спутницей веселья. Я желаю, чтобы девы Божий были вдали от этого»[46].

12. Наконец св. Амвросий заключает все словами, что девство нужно хранить до самой смерти, <последовавшей> хотя бы и от своих собственных рук. У всех еще свежи были в памяти от только что окончившейся эпохи гонений случаи, когда на последнее решались некоторые мученицы, лишь бы не подвергнуться поруганию. Св. отец со своей стороны находит благоприятный повод, чтобы высказаться по этому вопросу в положительном смысле от себя и от лица всей Церкви. «Как же нужно думать о поступках тех дев, которые, чтобы не попасть в руки преследователей, броса-

-50-

лись со скалы или кидались в воду; между тем как Божественное Писание запрещает христианке причинять себе насилие?» «Но именно по отношению к девственницам, — отвечает учитель Церкви, — *мы находим в постановлениях ясный и утвердительный ответ* в приложении к случаям крайней необходимости самоохраны»[47]. Св. Амвросий приводит и несколько примеров подобного рода из жизни святых мучениц[48].

Факт помещения святых мучениц для поругания в дома терпимости (и сохранение ими там своего девства невредимым) в настоящее время вызвал к себе в науке глубокий интерес и подвергся тщательному исследованию[49]. Из документов той эпохи видно, что такой конец не непременно ожидал каждую мученицу по римским законам, но что происходило это от личного произвола и развратности[50] отдельных государственных чиновников, прикрывавшихся чрезмерной ревностью к своему служебному долгу[51] или лицемерным милосердием, заменяющим смертную казнь якобы менее жестоким наказанием[52]. Однако нельзя сказать, чтобы такие наказания встречались редко, скорее, наоборот. Особенно часто их применяли в эпоху жестоких гонений на христиан при Диоклетиане. Оставляя в стороне фактическую историю, нужно сказать, что для нас поучительны здесь только два вопроса: 1) как относились сами святые девы к сему, какова была их психология в это время, что они чувствовали, в чем находили выход и внутреннее успокоение и 2) как сила Божия вспомоществовала угнетенной душе.

Первое положение разъясняет нам св. мученица Ирина. Когда мучитель сказал, что велит ее «нагу отвести в блудилище, да тамо поругаема будеши даже до умертвия», то она ответила ему: «Тело мое сице [так же] страдати будет от блудника, якоже от пса кусающа, или от волка, или от медведя, или от змеи угрызающия» (то есть от наказаний, к которым обычно приговаривали всех христиан)[53]. «И изволеннее [лучше] мне есть страдати осквернение тела, неже осквернити душу идолопоклонением: нечистота бо неволею бываемая, ейже душа не соизволяет, не поставляется во грех пред Богом», и многое еще прочее говорила, что очень заинтересовало с *богословской* точки зрения даже самого мучителя, но что за недостатком места не могу привести[54].

Подобный же характер носят мучительные думы пред выставлением на публичное поругание той девицы-христианки,

-51-

о которой говорит св. Амвросий Медиоланский[55], чрезвычайно наглядно описывающий, как происходило все дело.

Вообще же нужно сказать: хотя для первых христианок вышеуказанное наказание было ужаснее самой смерти, как свидетельствовал выше Тертуллиан, они — за исключением некоторых случаев самоубийства ради избежания позора — соглашались скорее на него, чем на принесение жертвы идолу (пусть она заключалась даже только в горсти ладана, которую нужно было бросить на жертвенник, или в нескольких каплях вина, которые необходимо было выпить), и, воодушевленные верою, шли на мучения, «не боясь растления и публичных домов» (corruptelas et lupanaria non timentes), как с радостью и восторгом говорит о своих духовных дочерях св. Киприан Карфагенский[56].

И эта вера их спасала. Не было случая, чтобы дева-христианка — невеста Христова — была поругана, несмотря на то что мученицам волей-неволей приходилось все же познакомиться и побывать в ужасной обстановке вышеуказанных государственных учреждений. В последнюю минуту, когда все шансы на освобождение бывали, казалось, исчерпаны и когда только одна вера мученицы в неусыпное провидение своего Небесного Жениха облекала ее душу и тело, помощь всегда являлась. Но так как Бог явные и поразительные чудеса понапрасну не делает, а совершает их только в самых крайних случаях, то и

помощь Он посылал — иногда явно чудесным образом, но иногда чрез премудрое и благодатное воздействие на обычные человеческие силы и обстоятельства. Так, священномученицу Феодору[57] спасает переодетый солдатом христианин (после святой мученик Дидим), св. Антонину — посланный ангелом мученик Александр[58], мучениц Ирину[59], Агнию[60] — спасают ангелы, посредством ярких сверхъестественных чудес или преображаясь в обыкновенных людей; коринфская мученица, про которую рассказывается в «Лавсаике»[61], некоторое время спасается тем, что распространяет про себя слух о существовании у ней якобы злокачественной половой язвы и заразной болезни, а потом, после слезных усердных молитв за это время, получает помощь от Бога в лице св. мученика Магистриана. И подобных примеров можно привести много[62].

Не освобождались от наказания отдачей в дом терпимости и юноши. Блаж. Иероним[63] в «Жизни Павла Пустынника» подробно[64] описывает, как мучитель (во время

-52-

гонения при Деции и Валериане) отдал, предварительно связавши, одного юношу красивой блуднице в полное ее распоряжение и как тот, находясь в безвыходном положении и «вдохновленный свыше, откусил язык и выплюнул его в лицо» насилующей.

Последний случай дает мне повод снова повторить высказанное в начале положение, что охрана своего целомудрия пред Богом лежит одинаково как на девах, так равно и на юношах — что почему-то у нас забывается и даже не признается[65] — и что первые христиане свято это соблюдали.

В заключение этого отдела о поведении девствующих нужно еще упомянуть, потому что писать подробно нет возможности, об образе жизни христианских вдов. Последние в древности приравнивались к девам и пользовались нарочитым уважением и попечением в общине. Все, что написано о девах, подойдет и к ним. Св. Амвросий Медиолаский («De viduis»*) (*«О вдовицах» (лат.))

и другие подробно выясняли в свое время значение их подвига и необходимость строгой охраны их добродетели[66].

Диавол гонит людей по двум направлениям. Людей, одержимых умственными (интеллектуальными) или вообще душевными страстями — гордостью, ненавистью, тщеславием, гневом, он склоняет к тому, чтобы они представлялись покровителями, раскрепостителями, освободителями, защитниками женщин, внушает всем, что они делают это якобы по каким-то особо «чистым» побуждениям и на высоко нравственных основаниях, в каковых нетрудно всякому разумному узнать христианские начала, но только по сути дела исковерканные, а по имени замолчанные.

Людей, одержимых плотскими и скотскими склонностями, он приводит к противоположным убеждениям, заставляет относиться к женщине как к «остроумной машине для наслаждения» и как к простой рабыне.

Так произошли, с одной стороны, *эмансипация, с* другой — *проституция.* Оба направления ненавидят друг друга и спорят[67], и в то же время каждое порознь считает себя правым.

-53-

За каждым из них стоят самые лучшие и знаменитые имена человечества[68]. А страдает между этими двумя ужасными тисками или тяжелыми молотами все одна и та же бедная женщина...

Многострадальная, только Христос даст тебе успокоение и освободит от тиранства прислужников врага рода человеческого, как бы они ни действовали — посредством ли нашептывания тебе в уши льстивых речей о каком-то «господстве» и «равноправии» (вспомни старые нашептывания змия в раю: Быт. 3, 5) или посредством грубого предложения. Не видишь ли, что в том и другом случае у них дело сводится к одному — только в первом случае это «одно» прикрывается красивыми словами вроде «свободной любви», во втором — оно называется прямо по имени (как в письмах Пушкина и других писателей), но в обоих случаях — налицо грубая эксплуатация[69].

...Нет совершенно необходимости подробно выяснять несостоятельность двух вышеуказанных позиций, или, собственно, одной в двух видах, вокруг которой вертится, как на оси, весь род человеческий[70]. Это за нас сделала сама наука, в лице своих более или менее беспристрастных исследователей. Гораздо полезнее сказать здесь несколько слов о том, *почему и зачем* все это происходит, то есть какая цель у врага рода человеческого мутить и направлять свое стадо в двух данных направлениях.

Кое-что приведу из фактических данных по вопросу эмансипации. Знаменитый лозунг «Дорогу женщине!», конечно, прекрасен, но куда именно ее надо провести и посадить? К сожалению, в большинстве случаев места для нее находятся на недосягаемой высоте, и если, вскарабкавшись посредством подсаживания, женщина иногда занимает их, то после оказывается, что она за это время много потеряла из своих природных женских качеств или изначально была ненормальной в известном смысле, то есть приближалась больше к типу мужскому или страдала психической неуравновешенностью[71]. Защитники прогресса со своим катехизисом Дарвина и догматами полового подбора и борьбы за существование, в которой побеждает всегда более сильный и приспособленный субъект, сами себе вырыли яму. Что-нибудь одно — либо их теория есть мыльный пузырь, на что они никогда не согласятся, либо женщина есть самое слабое существо в мире и безусловно ниже мужчины

-54-

в физическом и умственном отношениях, раз она за все время своего существования не смогла пробить себе дорогу. Во имя какой же причины и в чьих интересах — с эволюционной точки зрения — она всегда уступала место мужчине? И если она выдержала жестокую жизненную борьбу за счет мужчины, то по какой логике после этого можно привлекать ее в первые ряды сражающихся, отуманивая и дразня ее тщеславие недостижимыми победами и почестями? Впрочем, сами женщины более скромного о себе мнения, чем сбивающие их с толку мужчины. «Какой толк во всех статьях и речах о равноправии полов, — говорит известная датская писательница Карин Михаэлис, — пока мы каждый месяц, одну неделю из четырех, рабыни природы, против которой мы бессильны»[72]. Но вот уже не литературные данные. Ида Клуг[73] на женском празднике в память столетия со дня рождения Песталоцци сказала: «В женщине преобладает сердце... у мужчины — сила разума, при посредстве которого он все понимает и побеждает. Поэтому-то женщина и не может вторгаться в область науки и искусства с той силой и

уверенностью, которые свойственны уму мужчины. Она достигает тут только известной высоты, дальше которой для нее начинается непреодолимая снеговая линия, между тем как мужчина в состоянии добраться до наивысших высот»[74]. То же самое, со свойственною ей грубостью, выразила знаменитая Жорж-Занд[75], когда сказала, что «женщина от природы дура», и когда отвергла, как «бессмысленную выдумку мужчин», сделанное ей в 1848 году предложение выставить свою кандидатуру во французское национальное собрание!

Действительно, медицина и статистика окончательно установили факт физической слабости женщин. Последние, в частности, изнемогают от непосильно напряженной работы в высших учебных заведениях или в таких учреждениях, как телефонные станции, телеграфы, кассы и прочие. <«Krafft-Ebing говорит... что женская эмансипация немало способствует происхождению нервозности... "Служащие женщины, в особенности женщины-бухгалтеры, конторщицы, телеграфистки, почтовые чиновники — наиболее часто страдают чрезвычайно тяжелыми формами нервного расстройства и нервной слабости"... В Швеции недавно имели возможность убедиться, как тяжко отзывается на здоровье цивилизованных наций постоянно возрастающие требования к школьному образованию молодых девушек. >

-55-

Axel Key сообщает о следующих результатах исследования 3000 девушек из высших классов общества, посещающих школы в Швеции: "Болезненность среди посещающих школы девушек, будущих матерей грядущих поколений, оказалась просто ужасающей. Все они принадлежат к состоятельному классу населения и, в общем, не менее 61 % из них больны или страдают серьезной хронической болезнью. 36 % больны бледной немочью, столько же страдают постоянной головной болью. Не менее чем у 10 % искривлен позвоночный столб и так далее"»[76].

Каждый мужчина и каждая женщина хорошо знают свои собственные силы, и если эмансипаторы *ломятся* в открытую дверь, то надо, говорю, исследовать, что это за причины, которые побуждают их играть эту комедию пред людьми и доказывать, что надо дать женщине полное равноправие, до ружья солдата и кепи милиционера включительно.

Эмансипация должна не в этом проявляться. «Духа не угашайте», — говорит апостол (1 Фес. 5, 19). На Востоке в гареме, у нас в средневековый период женщины могли себя свободнее чувствовать, чем ныне, посреди какой-нибудь конторы с эмансипированными от всего личностями.

Жена — все же немощнейший сосуд. И там, где она на своем месте, мужчина оказывается ниже ее. Не нужно лезть только в гении.

Поэт писал женщине:

...А женский ум — простите ль вы меня?
Почти всегда — пустая болтовня[77].

Как все это мелко, ничтожно по сравнению с учением христианства! Люди гоняются за какими-то привилегиями и достоинствами, которых нет у женщин и которые подходят ей, как корове седло, то есть являются, с точки зрения здравых, не сумасшедших людей, оскорблением и насмешкой над ней, и не хотят видеть (или развивать) в женщине действительные достоинства; хотят сравнять ее по телу и плотскому разуму (посредством «гимнастики» притом!) с мужчиной, чему быть

невозможно, и не видят, что Бог давно уже сравнял женщину с мужчиной *по духу,* что — несравненно досточестнее, достохвальнее, превосходнее. Женщина, «слабое существо» и остающееся таковым — что бы там ни говорили — дотоле, пока она сама себя (или другие ее) тащит к

-56-

«культуре», к «служению человечеству» и тому подобному, делается действительно сильной, крепкой, как скоро переходит на служение Богу, «спорящей с мужами в мужестве», как говорит св. Григорий Богослов[78]. Оставаясь слабой по телу, она приобретает одинаковый по силе дух с мужчиной; такой же, при даре бесстрастия, глубокий, прозорливый, световидный духовный разум, как и у самых славных из мужей человечества. Таковы все наши святые жены, древние и новые подвижницы. И дорога к этому состоянию давно открыта, даже больше — Господь зовет, не дозовется...

В заключение, что сказать о многих девушках-*христианках,* служащих в общественных учреждениях и обязанных, в силу бытовых условий, пройти весь трудный путь жизненной школы? Мне кажется — если меня только правильно поняли, — что предыдущие слова к ним не относятся. Раз они занимаются своим делом на поприще учительниц, конторщиц и где бы то ни было как *поделием,* то есть как послушанием в монастыре, занимаясь этим, как пред лицом Самого Бога, — психологию подобного устроения хорошо вскрыл св. апостол Павел в Еф. 6, 5-8, — то они благонадежны, и пусть не смущаются и не думают, что и на них попала грязь из-под оной колесницы, называемой «эмансипацией». Грязь не попала. Они уже «эмансипировались» и вошли, по апостолу, *в свободу славы чад Божиих* (Рим. 8, 21). Они ведь служат не обществу и культуре как таковым, до которых им и дела нет, а Христу. Раз они решили себя посвятить девству (говорю не о старых девах, оставшихся таковыми *поневоле)* и не могут почему-либо пойти в монастырь, но и должны, с другой стороны, исполнить заповедь божественного апостола (которую присвоили себе даже неверующие, так она им понравилась), что «кто не хочет трудиться, тот и не ешь» (2 Фес. 2, 10), то как же им *по силе своей* не работать?

«Вот вдова, — восклицает св. Амвросий Медиоланский, воздавая похвалу ветхозаветной пророчице Деворе (Суд. 4, 4), — управляет народом, вдова предводительствует войском, вдова избирает вождей, вдова руководит войной и раздает триумфы!»[79] Лишь бы все это было с благословения св. Церкви и ради Бога делалось, а не по страсти, ради мирских выгод, отвлеченного идеала.

Итак, что же надо врагу рода человеческого?

Две у него цели в мире — погубить человека и водворить

-57-

антихриста. Та и другая удобно совмещаются. Простое рассуждение, не мудренее сложения и вычитания, приводит к следующему заключению: чтобы поставить антихриста над всем миром, надо создать для него Всемирные Соединенные Штаты или Всемирный Союз республик, как бы подобное учреждение ни называлось. А чтобы достигнуть этого, надо убрать с пути две вещи: главным образом, присутствие благодати Св. Духа в сердцах людей (религию) и затем государство как самодовлеющую единицу. Но так как последнее состоит из отдельных семей, как соты из ячеек, то, следовательно, нужно лишить *духовной* силы последние в каждом отдельном случае, нужно вынуть духовный стержень (благодать, церковное начало), который их спаивает и скрепляет. Раз это

сделано, то все распадется само собой, как распадается жемчуг и бисер, когда выдергивают нитку, на которую они нанизаны. Идея государственности уже не имеет тогда смысла. Иногда все это высказывается явно, иногда прикровенно[80].

Чтобы достигнуть гибели человека и разложения семьи и государства, существует очень простой способ — погрузить ум и сердце людей в чувственность[81]. От нее уже один раз погиб весь мир (Быт. 6, 4-7 и след.), погибнет и в другой. «Отчего блудная похоть так сильно воюет в человеке?» — спросили в древности одного старца. «Потому что диавол знает, — ответил тот, — что *блуд делает нас чуждыми Духа Святого,* как говорит Бог: *Не иматъ Дух Мой пребывати в человецех сих, зане суть плоть* (Быт. 6, 3)»[82].

Осуществить же это всеобщее развращение при настоящих культурных условиях человечества всего удобнее, как я уже сказал выше, врагу двумя родами действий: кто еще не может блудить в открытую, для тех он ставит ширмы с надписью: «Здесь эмансипация», а кто освободился и от этих последних «предрассудков», тому прямо пишет заманчивую вывеску большими буквами: «Публичный дом» или, например, — «Яр» (знаменитый ресторан в Москве). Но не все ли это равно?[83]

Что в основе эмансипации и проституции лежит одно и то же побуждение, понятно само собою.

Как я уже заметил, эмансипаторы ломятся в открытую дверь, клеймят своих противников позорными кличками «рабовладельцев», защитников «кабалы» и «Домостроя». И все это в то время, когда женщина уже *целых сто* лет за-

-58-

нимает свободно общественные должности, «взбирается на Монблан и летает по воздуху»[84]. И если в идею общественного служения женщин внести некоторые поправки с точки зрения Евангелия, то мы видели, что и сама Церковь благословляет их делание на пользу ближним ради Христа. В чем же тут дело? Почему никак не могут успокоиться эмансипаторы? Почему все еще кричат о даровании свободы женщине и ее эмансипации? Эмансипация значит с латинского e-man-cip-atio (буквально — ex manibus captio — «из рук чьих-либо ловлю», да при том еще *обманным* способом), «отпуск на волю, освобождение из-под чего-нибудь». Но из-под какого же ига? Ведь в руках женщины находится громадная область, именно — воспитание детей, то есть будущих граждан, настолько ответственная, что вполне уравновешивает все дела мужчин в этом мире, и притом, не могущая быть управляемая никем иным, как только ею самою, если не хотят сознательно сделать из человека духовного калеку. На какую волю отпускать ее, когда она сама себе у себя госпожа и полная хозяйка там, где сам мужчина занимает рабское и беспомощное положение и перед чем он сам склоняется, когда сознается, что для человека самым дорогим в жизни является слово «мать»? Вот в этих-то вопросах и ключ к разгадке. Женщину хотят выпустить на волю *страстей.*

Нужно (под различными лозунгами) выманить ее из твердого и тихого оплота семьи на общественную «арену», как выражаются (как будто она цирковая лошадь какая-нибудь), а детей отнять и поместить в приюты, «детские сады». Затем, отуманивши ей голову круговоротом жизни, можно уже делать с ней в целях дарвинского «полового подбора» что угодно.

Все это лучшие и из самих интеллигентов и представителей общественной прессы сознают[85].

Что же касается проституции, то вопрос понятен и ясен сам собой. Это необозримое море литературных нечистот даже для привыкших в нем барахтаться кажется не совсем чистым. Нужно ли хоть одно слово прибавлять для разъяснения того, *кому* служит женщина в обоих вышеуказанных случаях? Христианину понятно.

-59-

Глава 10. Послушание.

§ 1. Послушание и старчество.

I. Общие положения

1. Что такое послушание? «Послушание есть совершенное отречение от своей души, показуемое телесными действиями, или, наоборот, послушание есть умерщвление членов телесных при живом уме. Послушание есть действие без испытания, добровольная смерть, жизнь, чуждая любопытства, беспечалие в бедах, неуготовляемое пред Богом оправдание, бесстрашие смерти, безбедное плавание, путешествие спящих.

Послушание есть гроб собственной воли и воскресение смирения...

Послушный, как мертвый, не противоречит и не рассуждает ни в добром, ни во мнимо худом, ибо за все должен отвечать тот, кто благочестиво умертвил его душу (т. е. духовный отец. — Еп. Варнава).

Послушание есть отложение рассуждения и при богатстве рассуждения»[1]. Отсюда следует:

«Не знают себя и своей пользы те послушники, которые, заметив благосклонность и снисходительность своего наставника, просят его назначить им служения по их желаниям. Пусть они знают, что, получивши их, они совершенно лишаются исповеднического венца, потому что послушание есть отвержение лицемерия и собственного желания»[2].

Но послушание необходимо предполагает и требует подле себя старческого духовного опыта или окормления. Ведь надо, чтобы было лицо, которому человек нес бы послушание и пред которым отсекал бы волю. Правда, мы обязаны и можем отсекать свою волю пред евангельскими заповедями, но новоначальный их не понимает. В этом каждый, начинающий свое спасение, должен быть убежден.

2. О необходимости послушания в духовной жизни

«Старцы [разумеются здесь древние подвижники Востока] говорили:

— Бог ничего так не требует от новоначальных монахов, как труда послушания»[3].

А преп. авва Антоний Великий, отец всего монашества, так учил о старчестве и послушании:

-60-

«Твердо знайте, что ни преуспеть, или возрасти и сделаться совершенными вы не можете, ни уметь верно различать добро от зла вы не будете, если не будете повиноваться отцам вашим. Отцы наши сами так поступали: повиновались отцам своим... оттого преуспели, возросли и сделались сами учителями» (ср.: Сир. 8, 11-12).

Преп. Феодор Освященный, ученик аввы Пахомия Великого[5], говорит:

«Поистине мы имеем дело со врагом хитрым и злокозненным, который часто сбивает нас с пути, прикрывая ложь и зло призраками истины и добра. И надо иметь особый дар *рассуждения духовом* [1 Кор. 12, 1], или всеваемых помыслов, чтобы не попасться в его сети. Но как этот дар не всеобщ, то нам дано другое, доступное всем правило для обретения истины: покорствуя Богу, покоряйся и святым Его. Возьмите во внимание, братия мои, что Господь и Спаситель наш, на земле явившись и с человеки поживши, не благоволил Сам Своим лицом возвестить всему миру истину Свою, но вознесся на небо, а вместо Себя проповедниками истины оставил апостолов, ниспослав им Духа Святого — Духа Истины. Они пронесли истину Божию во все пределы земли и хранителями ее в Церкви по себе оставили преемников своих, епископов. Ныне, кто хочет знать глас Господа Спасителя, слушай св. Церковь, как говорит она устами пастырей своих, и пребудешь незаблудно в истине. Так в отношении к истине вообще, так и в отношении к истине в частнейших случаях. Что влагается тебе в ум, повеждь пастырям, и они решат, истина ли тут или прикрытая ложь; и никогда не попадешь в сети врага».

Без руководства и послушания невозможно простираться вглубь таинственной духовной жизни так же, как невозможно не умеющему плавать заходить в глубину морскую или слепому ходить по стремнинам и вьющимся над пропастями горным тропинкам. «Ибо и те, — говорит великий Исаак Сирин[6], — у кого зрение здраво, будучи исполнены света и приобретя себе вождей благодати, день и ночь бывают в опасности, между тем как очи у них полны слез, и они в молитве и в плаче продолжают служение свое целый день, даже и ночь, по причине ужасов, ожидающих их в пути и встречающихся им страшных стремнин и образов истины, оказывающихся перемешанными с обманчивыми призраками оной»[7].

-61-

Если святые день и ночь трепетали за потерю своего спасения и подвигов, то безумны те люди, которые думают, что они собственным разумом плотским войдут во *святая святых* духовной жизни. Да и кто их пустит туда? Ибо Начальник последних — Бог, а Он отметает гордых.

Но безумцы эти были всегда, довольно их и теперь, не перестанет большое множество подобных безумцев плодиться и после нас. Ибо диавол себе ищет таковых, а *человецы возлюбиша паче тьму, неже свет,* как сказал Сам Господь Никодиму в ночной беседе (Ин. 3, 19). И объяснил, почему это так бывает (Ин. 3, 20-21).

Кто читал в подлиннике Рабле — ибо до сих пор никто, кажется, этого знаменитого французского сатирика не осмелился или не удосужился перевести полностью на русский язык, да, кажется, это по цензурным соображениям и невозможно, — всякий, говорю, кто читал Рабле, тот, конечно, помнит его язвительное осмеяние жизни неких монахов, которые постановили проводить ее «не по закону, уставам или правилам, но по их собственному хотению и свободной воле»[8]. И на фронтоне монастыря телемитов (1'abbaye des Thelemites) — так назывался этот монашеский орден — был начертан следующий девиз:

Fay [fais] ce que vouldras[9].

Подобный же монастырь описывает и нахваливает у нас в России доктор богословия, проф. Московской духовной академии М. Тареев[10]. То, что для еретика

и охальника Рабле казалось крайним проявлением монашеской разнузданности, то для профессора по нравственному богословию является теперь верхом евангельского совершенства.

Если кто спросит меня, как это возможно, чтобы такие «доктора богословия» являлись наставниками пастырей и архипастырей Православной Церкви, и как они ею не были в свое время если не отлучены, то, по меньшей мере, подвергнуты публичной епитимий[11], и не потому ли она перенесла столько гонений на себя за последнее время, что допускала таких лиц (а их довольное число) марать чистоту Христова хитона и своей веры, — я не сумею ответить на эти вопросы.

«Однако иной может подумать: если кто не имеет человека, которого он мог бы вопрошать, то что в таком случае должно ему делать? Правда, если кто хочет истинно, всем

-62-

сердцем, исполнить волю Божию, то Бог никогда его не оставит, но всячески наставит по воле Своей. Поистине, если кто направит сердце свое по воле Божией, то Бог просветит и малое дитя сказать ему волю Свою. Если же кто не хочет искренне творить волю Божию, то хотя он и к пророку пойдет, и пророку положит Бог на сердце отвечать ему, сообразно с его развращенным сердцем, как говорит Писание: *и пророк аще прельстится и речет слово, Аз Господь прельстих пророка того»* (Иез. 14, 9)[12].

3. Основы старчества и послушничества

Кроме той практической пользы, которую доставляют старчество и послушание, их необходимость обусловливается и теми основами, на которых они построены и держатся. А основы эти велики и освящены Самим Спасителем нашим, Господом Иисусом Христом.

С малых лет Он повиновался отцу земному, мнимому, и Отцу Небесному, родному (Лк. 2, 51; Ин. 6, 38; Мф. 26, 39; Флп. 2,8). И своим ученикам и последователям прямыми и косвенными наставлениями заповедал исполнять то же самое: послушание и исповедование грехов старцам. Приведу примеры. Почему Христос Сам приказал очищенному им прокаженному показаться священникам (Мф. 8, 4)? Зачем Лазаря, воскрешенного через четыре дня после смерти, приказал развязать другим (Ин. 11, 44)? Разве Он не мог и повязки умершего развязать тем же словом, которым повелел мертвому, возвращенному к жизни, выйти из гроба? Зачем взывавших к Нему слепцов спрашивал, чего они хотят (Мф. 20, 32)? Разве Он мог не знать желания сердца их — Тот, Кто в силах был возвратить их глазам вожделенный свет?[13] Все эти деяния Господом совершены не по иной какой причине, но чтобы показать необходимость пастырского руководства с одной стороны и беспрекословного повиновения — с другой. Хотя Действующий здесь Сам Бог, но действует Он чрез поставленную Им иерархию и избранных мужей.

Если мы обратимся к священной истории Ветхого Завета, то увидим чудную картину домостроительства Божьего, сказавшуюся в Божественном руководстве богоизбранным народом посредством духоносных мужей и даже жен (теократия). Мы увидим, что основы старчества от начала мира освящены Богом, Который, *«многократно и многообраз-*

-63-

но говоривший издревле отцам в пророках, в последние дни сии говорил нам в Сыне», как свидетельствовали и апостолы (Евр. 1, 1-2). Пока люди были невинны и

святы и находились в раю, так сказать, «старцем» и «духовным отцом» был им Сам Бог (Быт. 3, 8); после их падения они, хотя и лишились непосредственного руководства, но получали откровения через духоносных и достойных лиц. Это, говорю, продолжалось во все ветхозаветное время, продолжается в новозаветное и будет продолжаться до конца мира, когда с открытием Царства Славы, по слову пророков и Самого Христа, спасенные *будут* опять непосредственно *еси научены Богом* (Ин. 6, 45).

Вот несколько отрывков из истории старчества в Ветхом Завете, приобретающих, на основании всего вышеупомянутого, догматическое значение.

• «Сыновья в утробе ее [Ревекки] стали биться, и она сказала: если так будет, то для чего мне это? И пошла вопросить Господа» (Быт. 25, 22). Чрез кого же пошла вопросить? Св. Ефрем Сирин говорит, что это был Мелхиседек[14].

• Известная история с гаваонитянами произошла именно потому, что израильтяне поступили самочинно, «а Господа не вопросили», как это требовалось (Ис. Нав. 9, 14).

• Как ничего израильтяне не делали без Божьего благословения, хорошо показывает история с наказанием жителей Гивы Вениаминовой за их надругание (до смерти) над наложницей левита (Суд. 20, 18, 23-27).

• Также, когда Саул со слугою безуспешно искал пропавших ослиц и хотел вернуться домой, слуга предложил ему: «Вот, в этом городе есть человек Божий... все, что он ни скажет, сбывается; сходим теперь туда...» (1 Цар. 9, 6.)

Причем приложена некоторая характерная особенность, и не один раз в Библии она сообщается (3 Цар. 14, 3; 4 Цар. 5, 15).

«И сказал Саул слуге своему: вот, мы пойдем, а что мы принесем тому человеку? ибо хлеба не стало в сумах наших, и подарка [евр. תשורה, тешура (от глагола *шур* — являться, приходить на любовное свидание: см. Песн. 4,8; Ис. 57, 9), означает вообще «гостинец», «подношение», приносимое гостем, но никак не плату] нет, чтобы поднести человеку Божию; что у нас?

-64-

И опять отвечал слуга Саулу и сказал: вот в руке моей четверть сикля серебра [по-нашему двугривенный][15]; я отдам человеку Божию, и он укажет нам путь наш» (1 Цар. 9, 7-8).

Отсюда следует, что, по закону Божьему, священнослужители должны не на жалованье у государства (как мечталось когда-то некоторыми) состоять, а на добровольные приношения жить. Так Бог чрез апостола и в Новом Завете повелел (1 Кор. 9, 13-14; Мф. 10, 10), так и Сам Господь жил и питался (Лк. 8, 3; Ин. 12, 6). Кто, как чиновник, мечтает о жалованье или плате, совершает, не думая о сем (а надо бы думать!), величайшее кощунство, богохульство — одним словом, так называемую *симонию* (Деян. 8, 18-20), за которую виновный, по апостольским правилам, извергается из сана и отлучается от Церкви[16]. Дары Св. Духа не продаются и не оплачиваются!.. И христианин, идя к прозорливцу или к св. причащению и неся с собою деньги, не за принятую благодать платит — прочь такое богохульство!

— а исполняет только заповедь Божию, повелевающую чадам заботиться о своих родителях, тем паче о духовных. Посему лучше бы (особенно в последнем случае, при совершении так называемых треб) не совать священнику деньги в руку, когда другая его рука еще держит св. крест,

— получается, для неверующих и слабых, как будто бы он продает Христа, — а установить в общине порядок иной. Библия не раз, говорю, отмечает, что деньги эти — *не плата,* а дар, гостинец, приношение любви (1 Цар. 9, 7; 4 Цар. 5, 15). Да и то пророки и апостолы от него отказывались.

• «И вопросил Давид Господа, говоря: идти ли мне, и поражу ли я этих Филистимлян? И отвечал Господь Давиду: иди, ты поразишь Филистимлян, и спасешь Кеиль» (1 Цар. 23, 2).

И несмотря на то что успех был сомнителен и окружающие Давида отговаривали его от этого предприятия, так что ему для подкрепления своей уверенности пришлось снова вопросить Господа, дело окончилось удачно, и город был взят(1 Цар. 23, 1-5).

И еще много таких случаев, причем каждый содержит в себе что-нибудь новое, и отличительное, и полезное для желающих идти по правильному пути старческого руко-

-65-

водства (3 Цар. 22, 7 и след.; 4 Цар. 3, 11; 8, 8; 22, 13-20: об Олдаме-пророчице).

Заключу всеположительным учением пророков или Самого Бога о необходимости и богоучрежденности духовного руководства.

«Горе непокорным сынам, говорит Господь, которые делают совещания, но без Меня... не вопросив уст Моих, идут...» и так далее (Ис. 30, 1-2).

«И простру руку Мою на Иудею... истреблю с места сего... и тех, которые... не искали Господа и не вопрошали о Нем» (Соф. 1,4-6).

Пророчества, как каждый может теперь убедиться, исполнились в точности.

Насколько идея старчества органически связана с духовным и вообще религиозным развитием человека — а я бы сказал, насколько последний вообще хочет проводить на земле осмысленное житие, хотя бы оно называлось просто «культурным», — показывают многие факты из внешней истории. Из них видно, что идея старчества, иногда в ужасно искаженном виде, все же служит стержнем социально-религиозного быта народов.

Припомним, как древние язычники вопрошали своих богов чрез свои прорицалища и оракулов. Они всегда ходили к ним вопрошать, как поступить в том или ином случае, несмотря на то что ответы давались если не двусмысленные, как обычно, которые можно толковать и так и сяк, то прямо бесстыдно ложные и что Пифию можно было подкупить. И все-таки вопрошали. В девяти небольших книгах «отца истории», как стали называть Геродота с легкой руки Цицерона, находится более ста изречений Пифии[17].

Причем обращались к оракулу очень почтительно, и форма обращения со стороны язычников очень трогательна. Их ревность служить и быть благодарным своим богам едва ли не может и для христианина нашего времени послужить хорошим примером, а то и укором. Вот, например, как обратились афинские послы к Дельфийскому оракулу, умоляя его милостиво призреть на их судьбу ввиду грозящего нашествия полчищ Ксеркса:

«О, Владыка — Ωναξ = ω ανα[ξ], о, Вышний, — скажи нам что-нибудь утешительное о нашей родине, воззри на молитвенные ветки, с которыми мы пришли к тебе, или же мы

-66-

не уйдем из храма и останемся в нем до конца жизни — αν και τελευτησωμεν»[18].

Признаться, и у нас, христиан, о таких обещаниях (пожизненных обетах) не часто приходится слышать. А чтобы корпорация общественных деятелей давала обет пойти в монастырь в случае спасения их государства — не знаю, что и сказать на это...

Однако усечение свободы воли в пользу отдельных лиц или программ проповедуется и в среде таких обществ, которые преследуют, как они говорят, цели самые свободные и притом нисколько не стеснены религиозными убеждениями. Итак, даже эти сообщества, чуждые всякой евангельской основы, во имя своих собственных интересов, не могут предоставить своим членам жить и проповедовать как и что угодно, но всячески окружают их «железной дисциплиной» или так называемой «диктатурой», смотря по тому, касается ли дело только известной партии или всего общества. И, как показал гений культурного мира Эдгар По[19], такая «свобода» может быть жесточе всякого рабства.

4. Значение послушания в ряду других добродетелей

Авва Моисей, знаменитый из отцов египетских, бывший разбойник, сказал[20]:

«Монах постящийся, будучи под началом духовного отца, но не имеющий послушания и смирения, не приобретет никакой добродетели, потому что не знает, что такое монах».

Здесь обращают на себя внимание слова «под началом» и «не имеющий послушания». Сколько живущих и теперь *под началом* духоносных старцев и стариц, а по существу дела исполняющих волю свою, то есть диаволову!..

В «Достопамятных сказаниях»[21] передается следующий случай из жизни древних отцов:

«Пришли однажды к великому Памво из скита Четыре брата, одетые в кожу, и каждый из них рассказывал ему о добродетели другого. Один постился много, другой был нестяжателен, третий стяжал великую любовь, о четвертом они говорили, что он уже двадцать два года прожил в повиновении отцу.

Авва Памво отвечал им:

— Скажу вам, что выше всех добродетель последнего: каждый из вас по своей воле приобрел ту добродетель, которую имеет, а этот, отвергшись своей воли, исполняет волю другого.

-67-

Такие люди подобны исповедникам, если они до самого конца пребудут в послушании».

Сказала блаженная мать Синклитикия:

«Живя в киновии [εν κοινοβιω, в общежительном монастыре], мы должны предпочитать послушание подвижничеству: ибо последнее научает высокомерию, а первое — смиренномудрию»[22].

Также авва Иперехий[23], один из отцов египетских, говорил:

«Драгоценное украшение для монаха есть послушание: кто имеет послушание, тот будет услышан Богом, и с дерзновением предстанет пред Распятым, ибо распятый Господь *послушлив был даже до смерти* (Флп. 2, 8)».

Закончу, наконец, словами преп. Феодора Студита[24], игумена знаменитого Константинопольского монастыря и исповедника во время иконоборческого движения:

«Добра слеза сокрушения, точащаяся из очей, добра чистая молитва нощная и денная, добро терпение прискорбностей, добро занятие рукоделием, добро

бденное слушание чтений, добры не скорость на слова и беседа без смеха, добро мерное воздержание, добро памятование о смерти и житию святых посильное подражание, добро бегание страстной продерзости и блюдение божественного смиренномудрия; но добрее всего этого — безжалостное к себе откровение и исповедание помыслов. Вся же искушающе, добрая держите (1 Фес. 5,21)».

Похвалу послушанию пели даже язычники. И из них самые древние.

«Любим богом послушный, непослушный ненавидим богом», — говорит папирус Prisse[25].

Или вот отзвук пятой заповеди Моисея:

«Хорошо слушаться для послушного сына. Прекрасно, если сын воспринимает ту правду, которую сообщает ему отец: он за это получит долголетие»[26].

Или еще:

«Неразумный и неслушающийся — убог; он не различает между знанием и незнанием, между хорошим и дурным...»[27]

Можно сказать, что это учение более высокое, чем даже учения нынешних философов: здесь верно подмечено то прибавление разума (христианин сказал бы в подобном случае *духовного),* которое стоит в прямой связи с преуспеянием в добродетели послушания.

-68-

II. Некоторые частности в учении о старчестве и послушании

5. *Как и какого выбирать себе духовного отца?*

«Когда мы, в намерении и разуме смиренномудрия, желаем покорить себя ради Господа и без сомнения вверить наше спасение иному, то еще прежде вступления нашего на этот путь, если мы имеем сколько-нибудь проницательности и рассуждения, должны рассматривать, испытывать и, так сказать, искусить сего кормчего, чтобы не попасть нам вместо кормчего на простого гребца, вместо врача на больного, вместо бесстрастного на человека, обладаемого страстьми, вместо пристани в пучину, и таким образом не найти готовой погибели»[28].

«По качествам страстей наших должно рассуждать, какому руководителю отдаться нам в повиновение, и сообразно с тем такого и избирать. Если ты невоздержен и удобопреклонен на плотскую похоть, то да будет твоим обучителем подвижник, и в отношении к пище неумолимый, а не чудотворец, и который готов всех примирить и угощать трапезою. Если ты высокомерен, то да будет твоим руководителем человек суровый и неуступчивый, а не кроткий и человеколюбивый. Не должно искать таких руководителей, которые бы имели дар пророчества или прозрения, но прежде всего истинно смиренномудрых, и по нраву и местопребыванию своему приличных нашим недугам»[29].

Св. Иоанн Савваит сказал однажды просившему дать ему наставление, как и где ему проходить монашескую жизнь:

— Непрестанно помни сие слово Господа: *претерпевый до конца, той спасется* [Мф. 24, 13]. Иди, и если возможно, избери себе наставника о Господе из всех людей суровейшего и строжайшего, и укрепившись терпением, ежедневно пей от него поругание и уничижение, как мед и молоко.

— Отче, — сказал великому Иоанну брат этот, — а если он пребывает в нерадении, то что мне делать?

Старец отвечал:

— Если бы ты даже увидел, что он блуд творит, не оставляй его, но говори сам себе: друже, зачем ты сюда пришел? Тогда увидишь, что возношение истребится в тебе и похоть плотская в тебе увянет[30].

-69-

Преп. Петр Дамаскин[31]:

«Весьма хорошо о всем вопрошать, но опытных, а неопытных опасно, потому что они не имеют рассуждения... Если же найдется человек, имеющий рассуждение, то он бывает руководителем слепых и светом для находящихся во тьме, и к нему должны мы во всем обращаться и принимать от него все, хотя, может быть, по неопытности нашей, и не то находим, чего желаем».

Св. Симеон Новый Богослов[32]:

«Если захочешь отречься от мира и научиться евангельскому житию, то отдай себя не неопытному и не нечуждому страстей учителю, чтобы вместо евангельского диавольскому не научиться житию. Ибо у добрых учителей и уроки бывают добрые, а у худых — худые, от худых же семян и произрастения бывают всегда худые».

Еще сказал:

«Молитвами и слезами умоли Бога послать тебе руководителя бесстрастного и святого. Исследуй и сам Божественные Писания и особенно деятельные писания святых отцов, чтобы, с ними сличая то, чему учат тебя учитель и настоятель, мог ты, как в зеркале, видеть, насколько они согласны между собою, и затем согласное с писаниями усвоять и удерживать в мысли, а несогласное, рассудив добре, отлагать, чтобы не прельститься. Ибо знай, что в наши дни много явилось прелестников и лжеучителей»[33].

«Поэтому, — продолжает он в другом месте[34], — надлежит нам со всем усердием и вниманием... и многими молитвами блюстись, чтобы не напасть на какого-либо прелестника, или обманщика, или лжеапостола, или лжехриста, но обрести руководителя истинного и боголюбивого... Если взыщем, конечно, и найдем, ибо не неправеден Бог и не радуется Он о погибели человеческой... Если Он на смерть предал Сына Своего Единородного, да мы спасены будем чрез Него (Ин. 3,16), то возможно ли, чтобы, когда мы просим Его послать нам или, лучше, явить нам какого-либо истинного раба Своего, который поруководил бы нас в деле спасения и научил знать волю Его, возможно ли, говорю, чтобы Он скрыл от нас такого человека и лишил нас чрез то неложного руководства? Нет, нет! Это никак невозможно. Сему веровать да научит нас случившееся с сотником Корнилием... (Деян. 10, 2-6)...

-70-

Заметь, что говорит Писание: Корнилий муж *благогове-ин и боялся Бога со всем домом своим.* Не себя только одного держал он в страхе Божием, но и всех, живущих в доме его, научил бояться Бога. И сие *добро есть и приятно пред Богом* (1 Тим. 2, 3), да печется всяк не о том одном, что ему, собственно, полезно, но и о том, что полезно всем, живущим вместе с ним. Таким образом, сотник тот, прежде чем научен был апостолами, уже исполнял заповедь апостольскую, которая повелевает: *никтоже своего си да ищет, но еже ближняго кийждо* (1 Кор. 10, 24). Творил он также и милостыни многи, и Богу молился день и ночь... Видишь, что делал этот не верующий еще во Христа и почти язычник? Не слышал еще он слова благовестия, а уже усердно исполнял заповеди евангельские...

Если и ты хочешь показать себя истинным учеником Христовым, живи такою же жизнью... Только тем, которые бывали усердны к Богу и... начинали сами от себя делать все способствующее сему спасению, сколько то было для них возможно... только таким как всегда являл, так и теперь являет Бог апостолов, пророков, праведных и святых...

А тех, которые презирают других и, думая о себе, что они крайне мудры, пребывают в беспечности и нерадении и не просят Бога, как Корнилий и подобные ему, в усердных молитвах, с милостынями и постом... Бог оставляет пребывать в том самопрельщении, в которое впали сами по своей вине. Они, будучи омрачены тьмою своих страстей... на таких же и учителей нападают. И естественно. Потому что властитель тьмы имеет, конечно, у себя учеников и слуг таких, которые ходят в этой тьме; на них-то попадают подобные же им и принимают их с радостью, находя их по мыслям себе...

И ты, духовное чадо мое в Господе, слыша Божественное Писание, которое говорит: *горе, иже мудри в себе самих, и пред собою разумны* (Ис. 5, 21), со страхом и трепетом внимай тому, что здесь изрекается: ибо слово это к душевному спасению. И если хочешь улучить истинного учителя, мужа святого и духовного, не рассчитывай, что можешь узнать его сам собою, своим рассмотрением, потому что это невозможно. Но прежде всего другого, как я сказал уже, подвизайся в добрых делах, в милостынях, в лощении, в молитве и молении непрестанном, да будет тебе помощником и содействователем в этом Бог.

-71-

...Итак, покажем наперед плоды истинного Св. Духа; тогда объявятся сами собою и плоды противоположного Ему духа злого. А по плодам этим мы очень хорошо можем потом распознавать, какие учители суть истинные, святые... и какие не таковы, а лишь притворяются таковыми».

Отсюда можно заключить о глубине духовного делания и необъятности Христовых заповеданий (Пс. 118, 96). В миру жизнь, подобная той, которую вел Корнилий до своего крещения, считается сама по себе уже святой, и для христианина нынешнего, сказали бы, ничего больше и не нужно, а по определению Божьему и мысли святоотеческой, она (жизнь) считается только еще преддверием к жизни. Жизнь настоящая, духовная, только еще начнется после всех этих молитв, лощений, милостыни.

Сколь же велики, следовательно, познания в духовной жизни наших святых, когда они то, что у нас почитается чуть ли не совершенством, считают за подготовку к новоначалию или новоначалием и дальнейший успех дела обозначивают не иначе, как при условии руководства святым мужем. И справедливо. Путь к святости может указать святой человек только, а не грешный. И как жалки и убоги после этого рассуждения ученых и великих мира сего, кичащихся своим знанием и почитающих писания отцов за «благочестивые проповеди, всем известные». Сила-то их неизвестна, и дух-то неприступен...

6. Чего требует от послушника правда старчества? Двух, главным образом, вещей: исповедания помыслов и отсечения воли, то есть послушания в собственном смысле.

• *Исповедание помыслов*

«Прежде чем вступит монах в это судилище (покаяния — монастырь) и откроет лежащее на сердце его, может быть, можно ему говорить кое-что против и, одно по

неведению, другое по замышлению, скрыть иные свои дела. По открытии же и искренней исповеди своих помыслов, уже нельзя ему никогда противоречить своему по Богу судье и владыке, даже до смерти»[35].

Св. Иоанн Лествичник также говорит, что до тех пор пока человек не поступил к кому-нибудь под руководство, он может судить и испытывать слова и действия своего будущего наставника с целью узнать, что это за муж, благочес-

-72-

тивый или нечестивый. «Но по вступлении на поприще благочестия и повиновения уже отнюдь не должны мы испытывать или судить в чем-нибудь доброго нашего наставника и судию, хотя, может быть, в нем, как в человеке, и увидим некоторые малые согрешения. Если же не так, то сделавшись сами судиями, не получим никакой пользы от повиновения»[36].

«Кто неизгладимо сохраняет это в уме своем, тот никогда не подвигнется сердцем на недолжное, когда его учат, вразумляют и обличают. Ибо впадающий при этом в пагубный грех прекословия и неверия духовному отцу своему и учителю, еще живой бедственно низводится в глубину ада и становится жилищем сатаны и всего его нечистого воинства, как непокоривый сын погибели»[37].

Еще несколько о сем искушении, о впадении послушника в ров осуждения своего духовного отца, будет сообщено ниже. Теперь скажу о том, *что* и *как* именно нужно открывать своим старцам.

«Каждый из подчиненных, — говорит св. Василий Великий[38], — если хочет оказать значительный успех и привести жизнь свою в состояние, согласное с заповедями Господа нашего Иисуса Христа, должен ни одного своего движения душевного не оставлять в скрытности, ни одного слова не пропускать без испытания, но тайны сердечные обнажить пред теми из братии, кому поручено...»

«Не скрывайте никаких помыслов, смущающих вас, — учил своих учеников авва Исаия, отшельник египетский[39], — ни скорбей, ни желаний, ни зазрений ваших (касательно ближнего); но все оные открывайте авве своему и принимайте с верою то, что от него услышите».

Преп. авва Дорофей так еще, премудро и одновременно просто, говорит об этом же:

«О тех, которые открывают свои помышления и поступки и делают все с советом, Писание говорит: *Спасение есть вомнозе совете* (Притч. 11, 14). Не говорит: "В совете многих", т.е. чтобы с каждым советоваться, но что должно советоваться обо всем, конечно, с тем, к кому имеем доверие, и не так, чтобы одно говорить, а другое умалчивать, но все открывать и обо всем советоваться. Такому и есть верное спасение *во мнозе совете.* Ибо если человек открывает не все, что до него касается, и особенно если он был обладаем худым навыком или был в худом сообществе, то Диавол

-73-

находит в нем одно какое-либо пожелание или одно самооправдание и им низлагает его»[40].

Открывать надо не только каждую мелочь[41], но и без утайки, или умаления греха, или самооправдания.

«О, сын и послушник Господень! — заклинает св. Иоанн Лествичник[42]. — Не прельщайся духом возношения и возвещай учителю твоему свои согрешения не так, как от иного лица; потому что *без самопосрамления невозможно избавиться*

от вечного стыда. Обнажай струп твой врачу сему и не стыдись сказать ему: "Отче, моя эта язва, моя эта рана. Она произошла не от иного кого-нибудь, но от моей собственной лености. Никто не виновен в ней — ни человек, ни злой дух, ни плоть, ни другое что-либо, но только мое нерадение"... [Ибо] бесы имеют обычай часто внушать нам или совсем не исповедовать согрешений отцу, или исповедовать, но как бы от лица иного, или складывать вину своего греха на других...

Во время исповеди будь как наружным видом, так и внутренним чувством и мыслью, как осужденный преступник, поникши лицом на землю. И если можно, то омочай слезами ноги судии и врача твоего, как ноги Самого Христа».

Часто смущаются некоторые на исповеди, когда речь заходит о сообществе их с другими лицами в грехе или просто о грехах чужих лиц, и считают неудобным о них говорить. Некоторые доходят даже до таких извращенных понятий, что самое исповедание помыслов, то есть все старчество, целиком отрицают из-за этого, называя его кощунственно наушничеством и доносительством[43]. Таковые не понимают ни существа дела спасения, ни учения евангельского, во имя которых будто бы их подвигает ратовать бес.

Св. Василий Великий[44] разъясняет этот вопрос так:

«Всякий грех должен быть открываем настоятелю или самим согрешившим, или узнавшими о грехе, когда сами они не могут уврачевать его по заповеди Господней (Мф. 18, 15). Ибо грех умолчанный есть гнойный вред в душе. Как благодетелем называем не того, кто задерживает в теле вредоносное, а напротив, того, кто болезненными средствами и надрезываниями вызывает это наружу, или посредством рвоты исторгает вредившее, или вообще через обнаружение болезни делает и способ излечения известным, — так, очевидно, скрывать грех значит готовить больному смерть.

-74-

Ибо сказано: *жало же смерти грех(* Кор. 15, 56); *лучше обличения откровенна тайныя любве* (Притч. 27, 5). Поэтому не скрывай грехов один другого, чтобы из братолюбца не сделаться братоубийцей. Не скрывай и у себя самого. Ибо сказано: *не исцеляяй себе во своих делех брат есть погубляющему себе самаго* (Притч. 18, 9)».

«Прежде всего исповедуем доброму судии нашему согрешения наши наедине, если же повелит, то и при всех, ибо язвы объявляемые не преуспевают на горшее, но исцелеют»[45].

О силе и значении публичного покаяния было сказано в другом месте, а сейчас я приведу один случай, какую погибель себе готовят те, которые замалчивают грехи, стараются на исповеди проговорить их так, чтобы не только духовнику, но и самому-то почти не было слышно, или не договаривают дела, прикрашивают его и вообще тысячу уверток допускают, стараясь пройти между двух огней, — и чтобы себя показать с хорошей стороны, «не уронить себя в глазах духовника», и чтобы долг исповеди пред Богом исполнить, — но это невозможно. Опять повторю слово Лествичника: «...без Самопосрамления невозможно избавиться от вечного стыда».

«Пришедши в некоторое общежитие, — рассказывает сей равноангельный отец, — видел я страшное судилище доброго судии и пастыря [настоятеля монастыря, дивного во святых]. В мою бытность там случилось, что один разбойник пришел, изъявляя желание вступить в монашество. Превосходный пастырь оный и врач повелел ему семь дней пользоваться совершенным покоем и только рассматривать

устроение обители. По прошествии седьмого дня пастырь призывает его и спрашивает наедине: желает ли он остаться с ними жить? И увидев, что он со всею искренностью согласился, опять спрашивает его, что он сделал худого, живя в миру. Разбойник немедленно и со всем усердием исповедал ему все грехи свои. Тогда пастырь, искушая его, сказал:

— Хочу, чтобы ты объявил все это пред всем братством. Он же, истинно возненавидевши свой грех и презревши

весь стыд, не колеблясь, обещался исполнить это, говоря:

— Если хочешь, то сделаю это даже посреди Александрии.

Тогда пастырь собрал в церковь всех своих овец, которых было 330, и во время совершения Божественной литургии (ибо день был воскресный), по прочтении Евангелия, повелел ввести этого непорочного осужденника.

-75-

Некоторые из братии влекли его и слегка ударяли. Руки были у него связаны сзади. Он был одет в волосяное врети-ще, и голова его была посыпана пеплом, так что от одного этого зрелища все ужаснулись и воскликнули с плачем; ибо никто не знал, что все это значит.

Потом, когда он был близ святых дверей, священный оный и человеколюбивый судия воззвал к нему громким голосом:

— Остановись! Ибо ты недостоин войти сюда!

Пораженный исшедшим к нему из алтаря гласом пастыря (ибо, как он после с клятвою уверял нас, ему казалось, что он слышит гром, а не голос человеческий), разбойник пал на землю, трепеща и весь потрясен быв страхом.

Когда он, таким образом повергшись на землю, омочил помост слезами, тогда сей чудный врач, который всеми мерами устраивал его спасение и всем подавал образ спасения и действительного смирения, повелел ему объявлять *пред всеми, подробно,* все сделанные им беззакония. И он с трепетом исповедал один за другим все возмутительные для слуха свои грехи, не только плотские, по естеству и против естества сделанные с людьми и с животными, но и чародеяния, и убийства, и другие злодеяния, которые не следует ни слышать, ни предавать писанию.

Тотчас после этой исповеди пастырь повелел его постричь и причислить к братии».

«Удивляясь премудрости сего преподобного, я спросил его наедине, — заканчивает св. Иоанн Лествичник свой рассказ, — для чего он употребил столь странный образ покаяния?[46]

— По двум причинам, — отвечал сей истинный врач. — Во-первых, для того чтобы исповедавшегося настоящим посрамлением избавить от будущего; что и сбылось, ибо он, брате Иоанне, не прежде встал с помоста, как получивши прощение всех согрешений. И не сомневайся в этом, ибо один из братии, присутствовавших при сем, уверял меня, что он видел некоторого страшного мужа, державшего писанную бумагу и трость. И как только лежащий выговаривал какой-нибудь грех свой, то он тростию своею изглаждал его. Да и справедливо, ибо Давид говорит: *рех исповем на мя беззаконие мое Господеви, и Ты оставил еси нечестие сердца моего* (Пс. 31, 5).

Во-вторых, как в числе братии моих есть и такие, которые имеют согрешения неисповеданные, то я хотел этим примером побудить их к исповеданию, без которого никто не может получить прощения»[47].

-76-

Вообще, польза от исповедания грехов и помыслов очень большая.

«Душа, помышляющая об исповеди, удерживается ею от согрешений как бы уздою; ибо грехи, которые не исповедуем отцу, делаем уже как во тьме и без страха»[48].

Исповедовать грехи и помыслы нужно не только, впрочем, пред духовным отцом, но и непосредственно перед Богом. И Церковь это заповедует, когда после молитв «на сон грядущим» прилагает и *Исповедание грехов повседневное,* начинающееся словами: «Исповедаю Тебе, Господу Богу моему и Творцу ... вся моя грехи, яже содеях во вся дни живота моего, и на всякий час, и в настоящее время, и в прешедшия дни и нощи, делом, словом, помышлением, объядением, пиянством, тайноядением, празднословием, унынием, леностию»[49] и прочее и прочее.

• *Отсечение воли, или послушание в узком смысле*

Отсечение воли у подвизающегося должно быть полное, беспрекословное, во всякой мелочи. Именно чрез такое послушание преимущественно приобретается дар прозорливости[50]. У древних отцов оно простиралось даже до спрашивания позволения, чтобы выйти для удовлетворения естественных телесных потребностей.

Св. Иоанн Кассиан так описывает современную ему жизнь египетских общежитий в IV веке:

«Что касается до послушания, то младшие без ведома или позволения старца не только не смеют выходить из кельи, но не решаются самопроизвольно удовлетворять и общей естественной нужде. Поэтому все, что ни приказывает старец, они без всякого исследования спешат исполнить, как божеское повеление, так что иногда с полным доверием, усердием, без всякого колебания принимаются за исполнение невозможных приказаний и из уважения к своему старцу не думают о невозможности его приказания»[51].

Готовность их идти на любое послушание, на какое только позовут, была удивительная.

«Сидя в своих кельях и занимаясь рукодельем и размышлением, — продолжаю выписывать из преп. Иоанна Кассиана, — как скоро услышат звук ударяющего в дверь, который зовет их на молитву или к какому-либо делу, то

-77-

каждый тотчас выходит из своей кельи, так что занимавшийся письмом бросает писать на том месте, где застанет призыв, не смея даже докончить начатой буквы, потому что они не столько пекутся о совершении дела и своей пользе, сколько о том, чтобы доказать свое послушание, которое они предпочитают не только рукоделию, чтению, молчанию, покою в келье, но даже всем добродетелям, так что они готовы претерпеть все невзгоды для того, чтобы только ни в чем не нарушить доброго послушания»[52].

Так воспитывались те величайшие подвижники, которые заключали небо и землю, воскрешали мертвых, пророчествовали о будущем! Потому-то теперь среди нас и нет подобных людей в таком множестве, что нет той добродетели, посредством которой эти дары снискиваются. Диавол, зная о великой пользе и значении послушания, внушил культурному миру так построить свое общество, чтобы при воспитании его членов как можно больше было бы «свободы» для

«проявления личной индивидуальности», чтобы царствовало с малых лет в сердце ребенка своеволие, самочиние и полное непослушание...

Но продолжу свою речь о послушании древних отцов. Приведу примеры.

Вот, например, чудное повиновение Иоанна Фиваидского. Сам старец изумлялся его добродетели, которая его прославила на весь тогдашний мир и стяжала ему дар пророчества. Со стороны приходили видеть его подвиги, и старец для приходящих не раз испытывал Иоанна. Так, однажды «приказал ему выбросить за окно небольшую склянку с маслом, которая была только одна во всей Пустыне... Иоанн, мало думая, выбросил ее за окно, где она и разбилась. От исполнения сего приказания не могли удержать его ни несообразность приказания, ни нужда в склянке, ни немощь телесная, ни недостаток денег, на которые можно бы было купить новую, ни то, что в их пустыне, хотя бы и были деньги, ничего нельзя было купить.

Однажды еще другие братия хотели из примера Иоаннова научиться послушанию. Старец, призвав его, приказал скорее прикатить огромный камень, которого и много народа не могли сдвинуть с места. Иоанн с таким усердием стал напирать на камень, что от пота не только одежда его промокла, но и камень смочился. И принялся он за испол-

-78-

нение приказания со всем простосердечием и не думая о несбыточности его, ибо он был уверен, что старец ничего не может приказывать ненужного и неосновательного»[53].

Еще пример. В одном египетском монастыре получили в дар смоквы от некоего христолюбца, вещь совершенно у них невиданную. Эконом тотчас же послал двух молодых послушников с ними к одному больному старцу за 18 миль от монастыря, во внутреннюю пустыню, где тот пребывал. На пути вдруг случился густой туман, и они сбились с пути. День и ночь блуждали они по непроходимым местам пустыни, но никак не могли отыскать келью больного старца. Изнуренные и утомленные как от пути, так и от голода и жажды, став на колени, отроки на молитве предали дух свой Господу. Те, которые после этого очень долго искали их по знакам следов их, обозначавшихся на песчаных местах, нашли, что они сохранили смоквы нетронутыми, как получили их, избрав потерять лучше жизнь свою, чем нарушить верность послушания и заповедь пославшего их старца[54].

Говорили об авве Силуане, что у него был ученик по имени Марк, который имел великое послушание и был хороший писец. Старец любил его за его послушание. Было же у него еще 14 учеников. Они были недовольны, что старец любил Марка более их. Старцы, услышав, также опечалились. В один день они пришли к нему. Авва Силуан, взяв их, вышел и начал стучаться в двери келий, говоря: «Брат такой-то, поди сюда! Ты мне нужен», — и никто из них не последовал ему тотчас. Старец подошел к келье Марка, постучался, говоря: «Марк!» Этот, услышав голос старца, тотчас выбежал к нему, и старец дал ему поручение. Силуан сказал старцам: «Где же, отцы, прочие братия?..» Потом он вошел в келью Марка, взял тетрадь его и увидел, что он начал писать букву ω (омегу), но, услышав голос старца, бросил перо, не докончив ее. Тогда старцы сказали Силуану: «Справедливо, авва, ты любишь его, и мы возлюбим его, потому что и Сам Бог любит его»[55].

В другой раз, прогуливаясь в скиту со святыми отцами, Силуан захотел показать им послушание Марка. Увидев небольшого вепря, старец сказал Марку:

— Видишь ли ты, сын мой, этого малого буйвола?

— Вижу, авва, — отвечал он.

— Как хороши у него рога!

— Так, авва, — сказал Марк.

-79-

Старцы подивились ответу его, и назидательно было для них послушание его[56].

Такие лица рано созревают в духовной жизни, и Бог нередко берет их молодыми к Себе, награждая дарами предведения и проч. Так было и с Марком.

Когда авва Силуан хотел идти *в* Сирию, он в первый раз в жизни воспротиворечил ему, как равный:

— Отче, я не хочу выходить отсюда и тебя не пущу. Авва! Пробудем здесь еще три дня!

А на третий день авва Марк почил[57].

Нечего удивляться, что Бог и чудеса творит руками таковых послушников, ибо иначе они, исполняющие послушание *до смерти,* давно бы лишились жизни раньше времени.

Рассказывали об авве Иоанне, ученике аввы Павла.

В одном месте была гробница, и там жила злая гиена. Старец увидел около этого места навоз и говорит Иоанну:

— Поди и убери его.

— Что же я сделаю, авва, с гиеною? — спрашивает Иоанн. Старец с улыбкою говорит ему:

— Если она нападет на тебя, свяжи ее и приведи сюда. Брат пошел туда вечером. И вот напала на него гиена.

По повелению старца, он бросился схватить ее, но гиена побежала от него. Иоанн погнался за ней.

— Авва мой сказал, чтобы связать тебя, — закричал он ей и, поймавши, связал.

Авва же беспокоился о нем и сидел, дожидаясь его. И вот он пришел, держа гиену связанной. Старец, увидев это, удивился; но желая смирить Иоанна, ударил его, говоря:

— Глупый! Какую ты притащил ко мне глупую собаку? Потом великий развязал гиену и отпустил ее на волю[58].

Еще случай из жизни аввы Мавра, любимого ученика преп. Венедикта, знаменитого основателя бенедиктинского ордена монашествующих на Западе. Однажды, когда преподобный сидел в своей келье, отрок Плакида, один из его учеников, взял водонос, отправился на реку за водой. Почерпая же с берега, сорвался и упал в воду. Его понесло быстрым течением. Преподобный, видя это духовными очами, закричал Мавру:

— Беги, беги, Плакида упал в реку и уже далеко унесен волнами.

Мавр побежал и, увидя, что Плакида далеко от берега тонет, бросился бежать по реке, как по суху, и, схвативши

-80-

отрока за волосы, вытащил его на берег. Потом оглянулся и понял, что по реке ходил, как по суше, потому что в волнении и ревности исполнить послушание этого раньше не заметил, но думал, что бежит по земле, а не по воде. Итак, пришел в ужас и, вернувшись с Плакидою, обо всем рассказал отцу. Последний же

приписывал это не себе, но силе тщательного послушания Мавра, а Мавр приписывал то отеческим его молитвам. Плакида же сказал:

— А я видел над своею головою мантию отца, и казалось мне, что ты сам, отче, схватил меня за волосы и вытащил на сухое место, но на берегу увидел Мавра[59].

Мы уже видели, как воспитывались древние святые. Нынешним людям даже непонятна их психология, больше — блазнительна. Как это можно, скажут, воспитать себя так, чтобы поросенка, когда прикажут, принимать за буйвола с рогами и не верить собственным глазам при взгляде на солнце, что это действительно солнце, если не подтвердит того старец?[60] Не сумасшествие ли это и не психоз ли? Как бы ни называть подобное состояние, пусть будет и безумие, но без этого безумия нельзя быть святым, а пожалуй, и вообще христианином. Об этом говорит положительная заповедь апостола или, что одно и то же, Господня (1 Кор. 3,18). Все, что открывает мне райские двери, я лобызаю...

Но и то, что сказано, — еще не все. Они не только тогда слушались старцев, когда им что-либо казалось непонятным, но и когда — тяжко греховным. Раз вверившись духовному отцу, они уже управляли жизнь свою не по евангельским заповедям, своевольно истолкованным, а по старческому ведению. Ибо старец — живое воплощение этих заповедей.

«Если кто имеет веру к другому и самого себя отдает в подчинение ему, — говорили им святые их наставники, — тот не имеет нужды внимать заповедям Божиим, а должен волю свою предать отцу своему — и не останется виновным пред Богом»[61].

И бывали случаи, что со стороны приказывающего, действительно, были послушания, противные, при обычном порядке вещей, воле Божией. Но и они исполнялись сими блаженными послушниками. В подобных случаях обычно чудо помогало и исполнить волю старца (например, бросить сына в горящую печь), и не быть убийцей (ибо печь угасала и тут же прохлаждалась)[62].

-81-

Но из самой Библии мы знаем, что иногда в особых высших промыслительных целях, без всяких поправок и оговорок, давались людям (пророкам и простым) и такие послушания, как: «иди и сотвори блуд, и не один раз» (велено было пророку Осии: Ос. 1, 2); «убей человека или бей до крови» (см.: Исх. 32, 27, где Моисей приказал левитам: «Пройдите по стану... и убивайте каждый брата своего, каждый друга своего, каждый ближнего своего», и за то, что они перебили 3000 человек, «посвятили руки свои» <Господу>, по выражению Моисея, за это последний благословил их именем Божиим: «да ниспошлет Он вам сегодня благословение»; ср. еще: 3 Цар. 20, 35-37)[63].

Для людей, неверующих и не признающих святости Библии, но, по странной логике, из самой же Библии приобретающих понятия о нравственности и использующих их в своих суждениях о ней, все это, конечно, болезненно непостижимо и неприемлемо[64]. А ум христианина немеет перед этими действиями Владыки жизни и смерти, перед Тем, Который сказал: *Аз убию и жити сотворю* (Втор. 32, 39), немеет в благоговейном страхе, *пленяя свой разум в послушание Христово* (2 Кор. 10, 5) и восклицая вместе с самим апостолом: *О, глубина богатства и премудрости и разума Божия! Яко неиспытани судове Его и неизследовани путие Его* (Рим. 11,33).

Из всего этого следует в отношении древних времен, что тогда как старцы, так и ученики были живыми сосудами Духа Святого и их крайнее послушание было плодом Божественного дара, а не личного произволения и смышления, потому и послушания и приказания тогда были во всех случаях святы; а в отношении наших времен — так как мы не можем похвалиться и поручиться, что действует в нас Дух Божий, то, сознавая свою немощь, *должны послушание так же нести до смерти,* но только до тех пор, пока оно не противоречит ясной заповеди Божией, по слову аввы Антония Великого:

«Если тебе будет что повелено согласно с заповедями Господа Бога нашего, соблюди и исполни это с тщательностью, чтобы совершилось над вами сказанное апостолом: *повинующеся друг другу в страсе Божии* (Еф. 5, 21). Напротив того, если будет приказано что-либо противное Божественным заповедям, тогда должно отвечать приказывающему: *повиноватися подобает Богови паче, нежели*

-82-

человеком (Деян. 5, 29); *аще праведно есть пред Богом вас послушати паче, нежели Бога, судите* (Деян. 4, 19). Будем помнить слова Господа: овцы Мои *по чуждем не идут, но бежат от него, яко не знают чуждаго гласа* (Ин. 10, 15). Подобно этому небесный Павел увещает нас и говорит: *аще мы, или ангел с небесе,* или кто бы ни был другой, *благовестит вам паче, еже благовестихом вам, анафема да будет* (Гал. 1, 8-9). Не примите его»[65].

Итак, каждый пусть смотрит <на пример святых> и наблюдает свою пользу.

7. *Козни бесовские и собственные преткновения подвизающихся при прохождении добродетели послушания* «Когда помысл склоняет тебя испытать или осудить твоего наставника, — говорит св. Иоанн Лествичник[66], — как от блуда отскочи от него; не давай этому змию никакого послабления, ни места, ни входа, ни приступа, но говори ему: "О, прелестник! Не я над наставником, а он надо мною получил суд; не я его, а он мой судья"».

«В простоте повинующиеся ради Господа благополучно совершают путь свой, не навлекая на себя коварства бесов своими тонкими исследованиями»[67].

«Кто в беседе упорно желает настоять на своем мнении, хотя бы оно было и справедливо, тот да знает, что он одержим диавольским недугом, и если он так поступает в беседе с равными, то, может быть, обличение старших и исцелит его; если же обращается так с большими себя и мудрейшими, то этот недуг от людей не исцелим»[68].

«Находящийся в повиновении, когда победит следующие два обольщения врагов, пребывает уже рабом Христовым и вечным послушником.

Диавол старается находящихся в повиновении иногда осквернять телесными нечистотами, делает их окаменелыми сердцем и сверх обычая тревожными; иногда наводит на них некоторую сухость и бесплодие, леность к молитве, сонливость и омрачение, чтобы внушить им, будто они не только никакой пользы не получили от своего повиновения, но еще и назад идут, и таким образом отторгнуть от подвига послушания. Ибо он не попускает им разуметь, что часто промыслительное отнятие мнимых наших духовных благ бывает для нас причиной глубочайшего смиренномудрия.

-83-

Однако некоторые многократно отражали сего обольстителя *терпением;* но когда он еще не перестал говорить, другой вестник лжи, представ, другим образом покушается нас обольстить»[69].

«Видел я послушников, — говорит св. Иоанн Лествич-ник, — исполненных сердечного умиления, кротких, воздержных, усердных, свободных от браней, страстей и ревностных к деланию, которые сделались таковыми чрез покров отца своего. Бесы, приступивши к ним, тайно вложили в них мысль, будто они уже сильны к безмолвию и могут достигнуть чрез него совершенства и бесстрастия. Обольщенные сим, они пустились из пристани в море, но когда буря постигла их, они, не имея кормчего, потерпели бедственное крушение в этом скверном и соленом море»[70].

«Кто иногда слушается, а иногда не слушается отца, тот подобен человеку, который к больному своему глазу в одно время прикладывает целебную мазь, а в другое — известь. Ибо Писание говорит: *един созидали, а другий разоряяй, что успеет более, токмо труд* (Сир. 34, 23)»[71].

«Мы не должны удивляться, если и после исповеди бываем боримы, ибо лучше бороться с нечистотами [т. е. скверными помыслами или срамными снами], нежели с возношением»[72] (которое несомненно появилось бы у новоначального, если бы ничто его не бороло).

«Не восхищайся и не увлекайся повествованиями о безмолвствующих отцах и отшельниках, и не увлекайся вслед их: ибо ты подвизаешься в воинстве первомученика Стефана[73]. Даже падая, не отступай от сего поприща: ибо в то время наиболее нужен нам врач. Кто и с помощью путеводителя преткнул ногу, тот не только преткнулся бы, но, без сомнения, и до смерти разбился бы, если бы ходил без помощи»[74].

«Когда духовный врач наш признает себя недостаточным для исцеления нас, тогда должно идти к другому, ибо редкие исцеляются без врача»[75].

Но: «Всякого наказания достойны пред Богом те больные, которые, испытавши искусство врача и получивши от него пользу, из предпочтения другому оставляют его прежде совершенного исцеления. Не избегай из рук того, который привел тебя ко Господу, ибо во всю жизнь твою, ни перед кем не должен ты иметь такого почтительного благоговения, как перед ним»[76].

-84-

«Видел я, — говорит св. Иоанн Лествичник, — одного послушника, который, прервав беседу своего наставника, сам продолжал последнюю, и я отчаялся в пользе от его послушания, ибо видел, что он приобретает от него не смирение, но гордость»[77].

«Видел я, — говорит он же, — неискусного ученика, который в присутствии некоторых людей хвалился добродетелями своего учителя и, думая снискать себе славу от чужой пшеницы, приобрел вместо того одно бесчестие, когда все сказали ему: "Как же доброе дерево произвело бесплодную ветвь?"»[78]

«Не будь безрассудно молчалив, чтобы не причинить другим смущения и огорчения, и когда повелели тебе поспешать, не будь медлен в действии и в хождении, иначе ты будешь хуже мятежливых и бешеных»[79].

«Невозможное дело, чтобы диавол стал сопротивляться своей воле; да уверят тебя в этом те, которые живут в нерадении, но постоянно пребывают в одном безмолвном месте или в одном и том же общежитии. Когда мы, живя в каком-

нибудь месте, бываем боримы к переходу на другое, то брань эта да будет для нас указанием нашего благоугождения Богу на том месте; ибо когда бываем боримы, то это значит, что мы противоборствуем»[80].

«Безрассудный, когда его укоряют или осуждают, оскорбляется и старается противоречить или немедленно просит прощения у своего обличителя, не по смирению, но только, чтобы прекратить выговор. Когда бьют тебя выговорами и укоризнами, молчи и принимай душевные прижигания или, лучше сказать, светильники чистоты. Когда же духовный врач твой перестанет тебя обличать, тогда кайся перед ним: ибо в самом действии гнева он, может быть, и не примет твоего покаяния»[81].

«Пребывающим в послушании диавол влагает желание добродетелей, невозможных для них; подобным же образом и живущим в безмолвии он советует несвойственное им. Раскрой ум неискусных послушников и найдешь там погрешительную мысль: желание безмолвия, крайнейшего поста, неразвлекаемой молитвы, совершенного нетщеславия, незабвенного памятования смерти, всегдашнего умиления, всесовершенного безгневия, глубокого молчания, чистоты превосходной. По особенному Промыслу Божию, не имея сих добродетелей вначале, они безрассудно пере-

-85-

скакивают чрез предлежащие им степени, будучи обольщены врагом, который побуждает их искать сих совершенств прежде времени с тем, чтобы они, не устояв в терпении, не получили их и в свое время. Напротив того, этот обольститель ублажает пред безмолвниками страннолюбие послушников, их служения, братолюбие и утешительное сопребывание в обществе, их служения больным. Намерение же льстеца сего состоит в том, чтобы и этих, подобно первым, сделать нетерпеливыми»[82].

Св. Симеон Благоговейный, старец и духовный отец преславного Симеона Нового Богослова, говорит:

«Если стяжал ты полную веру к кому-либо... и исповедуешь ему свои помыслы, смотри не опускай этого никогда, но всякий день и час ходи к нему и открывай помыслы, находящие и смущающие... Не следует тебе переходить от одного к другому, слушая врага нашего, который обыкновенно внушает тайно, что ты-де тяготишь того, кто принимает твои помыслы, тем, что часто ходишь к нему, или что стыдно тебе многократно сказывать ему о себе одно и то же, почему перестань исповедоваться у него, а ходи к другому... Если пойдем к другому духовнику, то ... Бог крепко осудит нас за это. Да и самый духовник, к которому перейдем, подумает, что и в отношении к нему мы так же поступим наконец. И наверное поступим. И таким образом, привыкши переходить от одного к другому, уже никогда не прекратим этого; начнем пытать, где есть какие столпники, затворники, безмолвники, и ходить к ним исповедоваться, тоже переходя от одного к другому и теряя веру к каждому. Наконец потеряем веру ко всем, сделаемся не верующими никому и во всем безуспешными и, что бедственнее всего, подпадем общему осуждению и клятве. Почему тому духовнику, которому исповедался ты вначале, старайся пребыть верующим несомненно до самой смерти своей»[83].

Преп. Нил Синайский[84]:

«Лютуют демоны на тех, которые отличаются повиновением своему отцу, и скрежещут на них зубами, потому что с повиновением они сопрягли и беспопечительное отречение от мира.

Тем, которые покорны своему отцу, демоны, всякие изыскивая предлоги, готовят огорчение на него и в случае движения при сем гнева возбуждают на него серчание, а потом мало-помалу возгнетают и ненависть к нему за то, что

-86-

будто он несправедливо наказывает и лицеприятен; делают это демоны для того, чтобы, разными способами поколебав душу, похитить ее из отеческих объятий».

Св. Феодор Эдесский:

«Наблюдая над иноками, видели мы ясно и затвердили, что на подвизающихся в послушании отцам сильно злобствуют враги нашей жизни, бесы, скрежеща на них своими зубами и злоумышляя против них всякие козни. И чего они не делают, чего не внушают, чтобы отторгнуть их от отеческих недр? Выставляют предлоги к непослушанию, будто благословные; устрояют неудовольствия, возбуждают неприязнь к отцу, его наставления представляют обличениями, а обличения, как стрелы изощренные, вонзают в сердце. "И для чего ты, — говорят они, — будучи свободным, сделался рабом, и рабом бессердечного деспота?" После этого внушают: "Лучше бы тебе заняться страннопримством, ходить за больными, пещись о бедных"[85]. Потом расхваливают подвиг совершенного уединения и безмолвия; и всякого рода злые плевелы насевают в сердце подвижника благочестия, только бы извергнуть его из духовной ограды отеческой и, извлекши из благотишной пристани, отбросить в неистовствующее душетленною бурею море. Если наконец успеют в этом, то, забрав его в свою власть как пленника, заставляют его действовать по их злым хотениям»[86].

8. Свойства доброго послушника и польза от истинного, ни в чем не противоречивого послушания

Ученики древних святых и насельники общежитий — замечательная добродетель! — «были связаны друг с другом неразрывным союзом любви; и что еще удивительнее, при такой любви, они были чужды всякой вольности и празднословия; прежде же всего обучались тому, чтобы не уязвить чем-нибудь совести брата. Если же в ком обнаруживалась ненависть к брату, то пастырь отсылал такого, как преступника, в особенный монастырь[87]. Некогда один брат оклеветал пред ним ближнего. Сей преподобный тотчас повелел его выгнать, говоря, что не должно допускать быть в обители двум диаволам, т. е. видимому и невидимому»[88].

В той обители, прекрасные порядки которой св. Иоанн Лествичник описывает, «если случалось, что кто-нибудь из них [братии], в отсутствие предстоятеля, начинал укорять

-87-

или осуждать кого-нибудь, или вообще празднословить, то другой брат неприметным мановением напоминал ему о бесчинии и удерживал его; если же тот не вразумлялся, тогда напоминавший, сделав поклон, удалялся. Когда нужно было беседовать, то память смерти и помышление о вечном суде были всегдашними предметами их разговоров»[89].

«Там видел я мужей, — повествует тот же святой, — пребывавших в послушании лет по пятидесяти, которых я просил сказать мне, какое утешение получили они от такого труда. Одни из них говорили, что низошли в бездну сми-

ренномудрия, которым навек всякую брань отразили, а другие сказывали, что достигли совершенного неощущения и безболезненности в укоризнах и досадах.

Видел я и других... которые пришли в состояние глубочайшего незлобия и простоты... Простота же оных отцов была не безрассудная и несмысленная, по примеру старых людей в миру, которых называют выжившими из ума. По наружности они всегда были кротки, приветливы, веселы; и слова и нрав их были непритворны, непринужденны и искренни, что не во многих можно найти; внутри же, в душе, они, как незлобивые младенцы, дышали Богом и наставником своим и на бесов и на страсти взирали твердым и строгим оком ума»[90].

У древних великих отцов было положено в основу воспитания следующее правило, *без которого,* действительно, *невозможно человеку быть святым* (а их послушники хотели быть такими):

• *«Кто стремится к бесстрастию и к Богу, тот считает потерянным всякий день, в который его никто не укорял».*

И еще:

• *«Усердно пей поругание, как воду жизни, от всякого человека, желающего напоить тебя сим врачевством, очищающим от блудной похоти. Ибо тогда глубокая чистота воссияет в душе твоей, и свет Божий не оскудеет в сердце твоем»*[91].

Поэтому они всячески смиряли своих духовных детей за дело и просто так, при других и наедине, словом и делом. Теперь, конечно, настоятелю не только при всем народе, но и с глазу на глаз нельзя обличить послушника, а то даже и опасно, ибо последний, не понимая, ни в чем суть спасения, ни того, зачем он пришел в монастырь, ни своего благополучия, может и отплатить ему, да и другие могут вступиться за него; а тогда люди знали свою пользу и видели больше, чем

-88-

видно телесными глазами, и закабаляли себя в добровольное рабство, чтобы чрез него вскоре войти в свободу нескончаемую, нестеснямую, непринужденную, свободу от страстей. Чрез это и сами начальники усовершали свое спасение. Почему, когда тот великий святой, обитель которого посетил преп. Иоанн Лествичник, *для пользы прочих притворно разгневался* на эконома, помощника своего и тоже великого святого, и приказал выслать его из церкви прежде времени, то после Иоанну Лествичнику, ставшему, было, оправдывать эконома и ходатайствовать за него, он так объяснил свой поступок:

«И я знаю, отче, что он не виноват; но как несправедливо и жалко было бы вырвать хлеб из уст голодного младенца, так и наставник душ делает вред и себе и подвижнику, если не подает ему случаев к приобретению венцов, какие он, по его примечанию, может на всякий час заслуживать перенесением досад, бесчестий, уничижений и поруганий».

«Когда же я, — говорит св. Иоанн Лествичник, — противоречил, представляя немощь рода нашего и то, что, может быть, многие по причине напрасного или и ненапрасного взыскания могут отторгнуться от паствы, тогда этот исполненный мудрости муж сказал:

— *Душа, привязавшаяся ради Христа любовию и верою к пастырю, не отступит от него даже до крови; особенно же, если она получила чрез него исцеление своих язв,* памятуя сказавшего: *ни ангели, ни начала, ниже силы, ни ина тварь кая возможет нас разлучити от любве Христовой* (Рим. 8, 38).

Если же душа не привязалась таким образом, не утвердилась, не прилепилась, то удивляюсь, если таковой человек не тщетно пребывает в том месте, будучи соединен с пастырем притворным и ложным повиновением»[92].

Отсюда, однако, следует, что опыты такие над послушниками <в массовом порядке> нельзя производить, так как: 1) начальники не обладают теперь таким бесстрастием, чтобы показывать только вид гнева, а на самом деле срывают его на подчиненных, удовлетворяя собственную страсть, и, следовательно, не награду себе получают от Бога, а наказание; 2) и сами подчиненные не обладают крепким терпением, любовью и ревностью по Боге и от малейшего выговора приходят в смущение, ропот, озлобление и полное осуждение и даже отпадение от прежнего пути и самого чина спасающихся, а иногда и от самой веры.

-89-

Но блажен и треблажен тот, кто идет по пути древних святых отцов, хотя бы его собственный духовный отец и не обладал их добродетелями! Ибо сам-то послушник пользу все-таки получает полную[93].

«Блажен, кто, будучи ежедневно укоряем и уничижаем Бога ради, понуждает себя к терпению; он будет ликовать с мучениками, дерзновенно беседовать и с ангелами.

Блажен монах, который каждочасно почитает себя достойным всякого бесчестия и уничижения!

Блажен, кто волю свою умертвил совершенно и все попечение о себе предал своему учителю о Господе: он будет стоять одесную Иисуса Распятого»[94].

«Веру и искреннюю любовь твою к отцу мысленно возвещай Богу, и Бог неведомым образом известит его о твоей к нему любви и равным образом расположит его к тебе и сделает благосклонным»[95].

«Кто в повиновении своему отцу приобрел совершенно чистую совесть, тот уже не боится смерти, но ожидает ее ежедневно как сна или, лучше сказать, как жизни, достоверно зная, что во время исхода души не от него, но от наставника потребуется ответ»[96].

«Когда мы во время отсутствия наставника, воображая лицо его, думаем, что он перед нами стоит, и отвращаемся от всего того, что, по мнению нашему, было бы ему противно: разговора ли, или слова, или снеди, или сна, или чего бы то ни было, тогда мы истинно познали искреннее послушание; ибо не истинные ученики почитают отшествие учителя случаем радостным, а истинные сыны — потерею»[97].

«В присутствии наставника будем обучать себя крайнему молчанию и неведению; ибо молчаливый муж есть сын любомудрия, который всегда приобретает многий разум»[98].

«Будь ревностен, по в душе своей, нисколько не выказывая сего во внешнем обращении, ни видом, ни словом каким-либо, ни гадательным знаком»[99].

«Господь, умудряющий слепцов, просвещает очи послушников видеть добродетели их учителя и отемняет их не видеть недостатков его...»[100]

«Послушник есть тот, кто телом предстоит людям, а умом ударяет в небеса молитвою»[101].

«Когда, будучи непрестанно обличаем от своего наставника, ты почувствуешь, что вера и любовь твоя к нему воз-

-90-

растают, то *знай, что Дух Святой невидимо вселился в твою душу и Сила Вышнего осенила тебя»*[102].

«...Во всех случаях, когда бесчестие падает на одних нас, должно молчать (перед дающим нам выговор. — Еп. Варнава), ибо это время духовного приобретения; а когда обвинение касается другого лица, тогда должно говорить в защиту ради союза любви и ненарушимого мира»[103].

В заключение приведу два примера, из которых видно, что послушание есть могущественнейшая добродетель, имеющая силу в *самое короткое* время возвести человека на *самую высшую* ступень спасения, привести его в совершенство, причем безразлично, будет ли он по летам *очень стар* или *очень молод.*

• Авва Витимий передал следующий рассказ преп. Макария Великого[104].

«Некогда, во время пребывания моего в ските, пришли туда двое странников-юношей. У одного из них была уже борода, а у другого только что показывалась.

Они подошли ко мне и спросили:

— Где келья аввы Макария?

— Для чего ищете вы его? — сказал я.

— Мы слышали о нем и о ските его, — отвечают они, — и пришли видеть его.

— Я Макарий, — говорю им. Они поклонились мне и сказали:

— Мы желаем остаться здесь.

Но, видя, что они жили в неге и богатстве, отвечаю им:

— Вы не можете жить здесь.

— Если мы не можем жить здесь, — сказал старший из них, — пойдем в другое место.

Говорю потом я сам себе: "Зачем гоню их? Еще не соблазнились бы. Труд заставит их уйти самих..." и говорю им:

— Пойдите, делайте себе келью, если можете. Они говорят:

— Укажи нам место, и сделаем.

Старец дал им топор и полный мешок хлеба и соли. Далее указал им твердый камень и сказал: "Вырубайте здесь себе келью, а деревья берите из болота; сделайте крышу и живите".

— Я думал, — говорил авва Макарий, — что они уйдут от такого труда.

-91-

Потом спросили они меня:

— Что здесь работают?

— Корзины.

Взял я из болота пальмовых ветвей и показал им, как начать плести и как надобно сшивать плетенку, и сказал:

— Делайте корзины и отдавайте сторожам, а они будут носить вам хлеб.

После сего я удалился. Они с терпением делали все, что велел я им, и не приходили ко мне 3 года. Меня беспокоила мысль: "Как живут они? И почему не приходили ко мне спросить о помысле? И издалека приходят ко мне, а они, вблизи живя, не приходили. И к другим не ходили. Только молча приходят в церковь принимать Дары". Постясь неделю, я молился Богу, чтобы Он открыл мне образ жизни их. По прошествии недели пошел я к ним посмотреть, как они живут. Когда постучался у них в дверь, они отворили и приветствовали меня молча. Я помолился и сел. Тогда старший дал знак младшему выйти, а сам сел и плел корзину, не говоря ни слова. В девятом часу[105] постучался и взошел младший. Приготовил

немного кашицы и по знаку старшего поставил на стол. Положил на него три сухих хлеба и стал молча.

Я сказал:

— Встаньте, поедим.

Встали мы и поели. Потом принес он кружку воды, и мы пили.

Когда же настал вечер, они спрашивают меня:

— Пойдешь ты от нас?

— Нет, — отвечал я, — усну здесь.

Они постлали для меня рогожу в стороне, а для себя *в* углу другой стороны. Сняли с себя поясы и верхние одежды и легли вместе на одной рогоже[106] против меня.

Как они легли, я молился, чтобы Бог открыл мне образ жизни их. Тогда отверзлась крыша, и стало светло как днем. Они не видали света.

Думая, что я сплю, старший толкает в бок младшего, Оба встают, опоясываются и воздевают руки к небу. Я смотрел на них, но они не смотрели на меня. Тут я видел, что демоны, как мухи, кружились около младшего. Одни хотели сесть на уста его, другие на глаза; и я видел, что ангел Господень с огненным мечом ограждал его и отгонял от него демонов. А к старшему они не могли приближаться.

-92-

Около утра странники опять легли. Но я сделал вид, будто просыпаюсь. Они сделали то же. Старший сказал мне:

— Хочешь ли, мы пропоем 12 псалмов?

— Хорошо, — отвечал я.

Тогда младший пропел пять псалмов и после каждых шести стихов пел одно *аллилуиа*[107]. И при пении каждого стиха огненный луч выходил из уст его и восходил на небо.

Подобным образом, когда и старший отверзал уста для пения, из них выходила как бы огненная вервь и достигала неба.

И я также проговорил несколько стихов и, уходя от них, сказал:

— Помолитесь обо мне! Они поклонились молча.

Итак, узнал я, что старший уже был совершен, а младшего еще искушал враг. Чрез несколько дней старший брат почил, а в третий день после него и младший».

Когда отцы приходили к авве Макарию, он водил их в келью умерших братии и говорил:

— Пойдите, посмотрите, где мучились юные странники![108]

• Авва Палладий, епископ Еленопольский, автор знаменитого «Лавсаика», рассказывает о Павле Препростом[109], как он достиг величайшей святости, через что он так прославился в древних отцах:

«Некто Павел, сельский земледелец, чрезвычайно незлобивый и простой нравом, сочетался браком с женою, весьма красивою, но бесчестного поведения: она уже давно грешила, только муж не знал этого. Однажды, пришедши с поля домой внезапно, он застал свою жену грешащею с другим. Посмеявшись немножко, он сказал любовнику ее:

— Так, так, поистине говорю, мне все одно. Вот, клянусь Иисусом, я не хочу больше жить с нею! Вот ты живешь с ней, ну, и детей корми, а я ухожу и буду монахом...

И тотчас все бросив, уходит из дому, никому не говоря ни слова, не ославляя скверной женщины, обходит восемь монастырей и, пришедши к блаженному Антонию, стучится в двери.

Антоний, вышедши, спрашивает его:

— Что тебе нужно?

— Хочу быть монахом, — отвечал Павел.

-93-

— Не можешь, — сказал Антоний. — Тебе уже шестьдесят лет. Ступай лучше опять в свое село, работай и живи в трудах, благодаря Бога. Ты не можешь перенести скорбей пустыни.

Старец опять отвечал:

— Я все буду делать, чему ты научишь меня.

— Я сказал тебе, — продолжал Антоний, — что ты стар и не можешь быть монахом. Ступай отсюда. Если же тебе хочется быть монахом, то поди в общежительный монастырь, где много братии, которые могут снисходить к немощам твоим. А я здесь живу один, ем через пять дней и то не досыта.

Этими и подобными словами Антоний отгонял от себя Павла и, чтобы не пустить его к себе, запер дверь и три дня не выходил из-за него, даже для своих нужд.

А старец все стоял и не отходил.

На четвертый день Антоний, по необходимости отворив дверь, вышел и, увидев опять Павла, сказал ему:

— Отойди отсюда, старец. Чего ты от меня домогаешься? Нельзя тебе здесь остаться.

— Невозможно мне умереть в другом месте, как здесь, — отвечал Павел.

Посмотрев на него и видя, что с ним ничего нет съестного, ни хлеба, ни воды, и ничего другого и что он уже четвертый день остается совсем без пищи, великий Антоний подумал: "Как бы он, не привыкши поститься, не умер, и не положил пятна на мою душу..." И после этого принял Павла к себе, сказав ему:

— Можешь спастись, если будешь послушен и станешь делать все, что услышишь от меня.

— Все буду делать, что ни прикажешь, — отвечал Павел. И начал Антоний в следующие дни вести такую суровую жизнь, какой не вел и в ранней юности.

Искушая Павла, он сказал ему:

— Стой здесь и молись до тех пор, пока я приду и принесу тебе работу.

Потом, ушедши в пещеру, смотрел на него в окно и видел, как он, палимый зноем, простоял на том месте целую неделю неподвижно.

Затем, намочив пальмовых ветвей, сказал ему:

— Возьми и плети веревку вот так, как я.

Старец плел до девятого часа и с великим трудом сплел веревку в 15 локтей длиною. Посмотрев па плетенье, вели-

-94-

кий Антоний был недоволен им и сказал Павлу:

— Дурно сплел, расплети и начни снова.

Между тем Павел уже четыре дня ничего не ел — в таких преклонных летах! Антоний изнурял так Павла для того, чтобы этот старец, вышедши из терпения, убежал от него и бросил монашество. Но тот расплел веревку и начал плести ее

снова из тех же ветвей, хотя это было уже труднее прежнего, потому что ветви крутились от первого плетенья. Антоний Великий, видя, что старец и не пороптал, и не помалодушествовал, и нисколько не оскорбился, даже вовсе не изменился в лице, сжалился над ним и при захождении солнца сказал ему:

— Не съесть ли нам, отец, кусок хлеба?

— Как тебе угодно, авва, — отвечал Павел.

Это еще более тронуло Антония, что он не побежал тотчас же, как услышал о пище, но отдал на его волю.

— Так поставь стол, — сказал Антоний старцу.

Он сделал это. Антоний принес и положил на стол четыре сухих хлебца, унций по шести каждый [по полфунта], и размочил для себя один, а для него три. Потом начал петь псалом, какой знал, и пропев его двенадцать раз, столько же раз молился, чтобы и в этом испытать Павла. Вместе с Великим молился и старец. И еще усерднее его.

После двенадцати молитв, Антоний сказал ему:

— Пойди, ешь.

Но как только он сел за стол и стал брать хлеб, Антоний сказал ему:

— Сиди и не ешь до вечера, а только смотри на хлеб. Наступил вечер, а Павел все не ел. Тогда Антоний сказал ему:

— Вставай, помолись и ложись спать.

Павел так и сделал. В полночь Антоний разбудил его на молитву и продолжал молитвы до девятого часа дня. Приготовив потом трапезу, он опять пригласил к ней Павла. И они сели есть уже поздно вечером[110]. Антоний Великий, съевши один хлебец, другого не брал. А старец, евши медленнее, не успел еще съесть и начатого им хлебца. Антоний сказал ему:

— Возьми другой хлебец.

— Если ты будешь есть, то и я, — отвечал Павел, — а если ты не будешь, то и я не буду.

— Для меня довольно, — сказал ему Антоний, — я монах.

-95-

— И для меня довольно, — отвечал Павел Великому, — и я хочу быть монахом.

Тогда они встали, и Антоний прочитал 12 молитв и пропел 12 псалмов. После молитв они уснули немного первым сном, потом опять встали и пели псалмы от полуночи до самого дня. Затем Антоний послал Павла обойти пустыню, сказав ему:

— Через три дня приходи сюда.

Сделав это и застав у Антония несколько братии, Павел спросил его, что он прикажет ему делать.

— Ни слова не говоря, служи братьям и ничего не вкушай, пока братия не отправятся в путь.

И так целые три недели Павел не вкушал ничего.

— Почему ты молчишь? — спросили его братия. Павел ничего не отвечал. Тогда Антоний сказал ему:

— Что ты молчишь? Поговори с братиями. И он стал говорить.

Однажды Павлу принесли сосуд меду, и Антоний сказал ему:

— Разбей сосуд, пусть мед весь вытечет. Он так и сделал.

— Собери опять мед. И это было сделано. Потом Антоний говорит ему:

— Собери мед в другой раз в раковину так, чтобы не было в нем никакого сору.

Еще велел ему Антоний целый день черпать воду и выливать на землю. В другой раз раздрал у него одежду и приказал сшить ее, и тот сшил снова.

Сей муж стяжал такое послушание, что ему дана была от Бога власть изгонять бесов.

Великий Антоний, видя, что старец ревностно подражает ему во всяком роде подвижничества, сказал ему:

— Смотри, брат! Если ты можешь ежедневно так подвизаться, то оставайся со мною.

— Может быть, ты покажешь мне со временем и больше что-нибудь, не знаю, — отвечал Павел, — но что доселе ты делал при мне, все это и я делаю легко.

На другой день после этого Антоний сказал Павлу:

— Во имя Господа, ты уже стал монахом. Уверившись наконец вполне, что раб Христов Павел,

хотя весьма прост и неучен, но совершен душою, блаженный и великий Антоний

-96-

спустя несколько месяцев, при содействии благодати Божией, устроил ему особую келью, поприща за три или за четыре от своей, и сказал:

— Вот ты, при помощи Христовой, стал уже монахом. Живи теперь один, чтобы испытать искушение и от демонов.

Прожив год в уединении, Павел Препростой за высокое совершенство в добродетели подвижнической удостоился дара изгонять демонов и целить всякие болезни»[111].

Не задаваясь столь высокими целями, как достижение совершенства, каждый спасающийся может, тем не менее, видеть на себе самую ощутительную пользу от послушания в виде непоколебимого мира и спокойствия души: как будто никаких и скорбей для него в мире не существует, и бранен бесовских никаких он не испытывает... Немного уже было об этом сказано выше, приведу еще слова преп. аввы Дорофея[112].

«Ничто не приносит такой пользы людям, как отсечение своей воли, и поистине от сего человек преуспевает более, нежели от всякой другой добродетели. И как человек, который идет путем, найдя на нем жезл и взяв его, с помощью этого жезла проходит большую часть пути своего, так бывает и с тем, кто идет путем отсечения своей воли. Ибо отсечением своей воли он приобретает беспристрастие, а от беспристрастия приходит, с помощью Божиею, и в совершенное бесстрастие. Можно и в краткое время отсечь десять хотений своих. И скажу вам, как это.

Положим, что кто-нибудь, пройдя небольшое расстояние, увидел что-либо и помысл говорит ему: "Посмотри туда". А он отвечает помыслу: "Истинно не стану смотреть", и отсекает свое хотение и не смотрит. Или встречает празднословящих между собою, и помысл говорит ему: "Скажи и ты такое-то слово", а он отсекает хотение свое и не говорит. Или говорит ему помысл: "Пойди, спроси повара, что он варит", а он не идет и отсекает хотение свое. Он видит что-нибудь, и помысл говорит ему: "Спроси, кто принес это", а он отсекает хотение свое и не спрашивает. Отсекая же таким образом свою волю, он приходит в навык отсекать ее и, начиная с малого, достигает того, что и в великом отсекает ее без труда и спокойно, и достигает наконец того, что вовсе не имеет своей воли, и что бы ни случилось, он бывает спокоен, как -будто исполнилось его собственное желание. И

-97-

тогда, как он не хочет исполнять свою волю, оказывается, что она всегда исполняется. Ибо кто не имеет своей собственной воли, для того все, что с ним ни случается, бывает согласно с его волею. Таким образом выходит, что он не имеет пристрастия, а от беспристрастия, как я сказал, приходит в бесстрастие. Видите ли, в какое преуспеяние, мало-помалу, приводит отсечение своей воли...

А вы не имеете опыта в несомненном послушании, оттого и не знаете покоя, от него происходящего.

Однажды я спросил старца авву Варсонофия: "Владыко, Писание говорит, что *многими скорбми подобает нам внити в Царствие Небесное* (Деян. 14, 22), а я вижу, что не имею никакой скорби. Что мне делать, чтобы не погубить своей души?" Потому что я не имел никакой печали. Если случалось мне иметь какой-нибудь помысл, то я брал дощечку и писал к старцу (когда я еще не служил ему, то вопрошал его письменно), и прежде чем я оканчивал писать, чувствовал уже облегчение и пользу: так велико было мое беспечалие и спокойствие. А я, не зная силы этой добродетели и слыша, что *многими скорбми подобает нам внити в Царствие Небесное,* боялся, что не имел скорби. И так, когда я объяснил это старцу, он отвечал мне: "Не скорби, тебе не о чем беспокоиться: каждый предавший себя в послушание отцам имеет такое беспечалие и покой"».

Для внимательных и разумных душ среди нашего крестьянства не было лучшего времени, чем эпоха крепостного права. Тяжко было оно для плоти, но доставляло великие утешения духу; не давало простора плотскому уму, но обостряло в высокой степени духовный разум. В частности, добродетель послушания находила тогда самое широкое применение и для желающих доставляла сладкие плоды. Тогда на опыте люди проходили аскетическое делание святых отцов и имели те же чувствования, какие испытывали и последние, конечно, если только трудились на помещиков и слушались своих господ ради Господа, а не из-под палки. То беспечалие, которое снискивает человек, отсекая свое смышление, и о котором говорил только что авва Дорофей, испытывали тогда и некоторые из дворовых, превратившихся по виду в бессознательную безличную «машину», — что с культурной точки зрения кажется ужасным и недостойным состоянием для человека! — а по душе являвшихся разумнее в тысячи раз своих повелителей.

-98-

Не знаю, смогут ли в настоящее время «просвещенные» люди обонять нетленный аромат, исходящий от блаженного послушания того лица, о котором будет сказано ниже, и смогут ли обнять своим умом ту колоссальную ценность духовных яхонтов и жемчугов, которые сверкают в нижеследующем рассказе, даже заметят ли их (может быть, наоборот, придут только в негодование от такого якобы «обезличения» человека), — но я все-таки приведу этот документ — один из очень многих. *Нечестивые,* — как сказано в книге пророка Даниила (12, 10), — *будут поступать нечестиво, и не уразумеет сего никто из нечестивых, а мудрые уразумеют.*

Речь идет о крепостном, которого за феноменальные музыкальные способности княгиня Г. купила за 1500 рублей у матери автора нижеследующего отрывка и которому *даровали свободу.* После того как он уехал (сцена прощания — одна из поучительнейших страниц, показывающая всю тонкость и, я бы сказал, святость психологии крепостных), няня пришла в комнаты и делится впечатлениями:

— Уж так-то жалостливо Васька прощался, так жалостливо!.. Тяжко было ему, бедненькому, с гнездышком родименьким расставаться!.. Видно, боязно ему к княгинюшке ехать...

— Да что ему княгиня! Теперь он вольный казак! — перебила ее матушка.

— Вот он из-за того-то так и убивался, сердечный!

— Как из-за того?

— Известно, матушка-барыня, из-за этой самой воли! Я вот как рассуждаю: был он крепостной, значит, подначальный, и весь предел ему был обозначен... С утра до поздней ноченьки знал он, что делать: дров поди наколи, а теперь марш в кузницу, али там на мельницу, и так всякий часок... Значит, нечего тебе голову думкой ломать, али какой заботой сердце сушить ... И ешь ты свой хлебушко беспрепятственно... Известно, как полагается простому человеку, без барских затеев, без соусов... Но ведь на то ты и простой мужик, раб, крепостной человек!.. Ну, а теперь на воле без старшого изволь сам все удумать... Каждое дельце свое, каждое словцо сам обмозгуй...

— Ах, няня, и не глупый ты человек, а ведь какой вздор ты городишь! Разве можно сравнивать положение крепостного с свободным человеком! Разве ты не видишь, что творится кругом? Какое тиранство, бесчеловечье повсюду!

-99-

— Так ведь я, матушка-барыня, про нашего Ваську вспоминаю! Как ему, значит, было жить у нас. А как вы изволите сказывать насчет бесчеловечных помещиков, так я вам осмелюсь доложить, что у таких-то еще лучше крепостному: если со смирением крест свой принять, так к лику святых угодников сопричтен будешь...

— Ну, уж ты насильно даже в рай собираешься гнать!»[113] Какие огненные, свободные, дерзновенные слова крепостной «рабыни», «вещи», которую, если она обладает даже «феноменальными» способностями, по понятиям этого мира, продают только за полторы тысячи целковых (!)[114] и которая в присутствии сильных людей века сего безбоязненно считает себя родней лику святых угодников Божиих, — и какие жалкие, убогие, «интеллигентские» рассуждения о ценности и красоте свободы по прописям и азбукам доморощенных и иностранных «философов» срываются с уст даже самых просвещенных помещиков и помещиц!.. Даже понять не могут последние первых. Им говорят о смирении, святом кресте, добровольном отсечении своей воли ради заповеди Христовой, а у них это извращается каким-то непостижимым образом в *«насильно в* рай гнать!» и «вздор городишь!» Откуда эти чудовищные представления о христианстве и откуда такая логика, понять невозможно!..[115]

Но, опять говорю, какое святоотеческое учение в устах старицы, какой духовный мед!

9. Гибельные результаты самочиния на пути спасения

«Я не знаю другого падения монаху, — говорит преп. авва Дорофей[116], — кроме того, когда он верит своему сердцу. Некоторые говорят: "от того падает человек или от того", а я, как уже сказал, не знаю другого падения, кроме сего, когда человек последует самому себе. Видел ли падшего — знай, что он последовал самому себе».

Жития святых и отеческие творения приводят множество примеров пагубных плодов самочинного подвижничества. Довольно того, что сказано было выше в параграфе о прелести, чтобы иметь о них понятие. Приводить эти случаи,

причинившие глубокие падения подвизавшимся и самую смерть, нет больше нужды[117].

Но сообщу один случай, показывающий, что самочиние сказывается и наказывается, не только когда мы не исполняем отеческих заповедей или избегаем их, но и когда

-100-

прибавляем подвигов больше, чем они требовали от нас. Многие думают, что это неважно, и есть даже такие, которые считают это за добро, а на самом деле это тоже зло.

Авва Ираклий рассказал следующее:

«Один старец много лет имел у себя ученика весьма послушного. Однажды боримый искушением ученик, поклонившись, сказал старцу: "Сделай меня монахом". Старец отвечал ему: "Посмотри место, и сделаем тебе келью". Потом пошли они и сделали келью. И говорит старец брату: "Делай, что я скажу тебе, — когда захочешь, ешь, пей, спи; только до субботы не выходи из своей кельи; а тогда приходи ко мне". Брат два дня исполнял заповедь старца, но в третий день стал скучать и говорит: "Что это сделал со мною старец?" Встав, пел он много псалмов и вкусил пищи уже по захождении солнца. После сего пошел спать на свою рогожу и видит, что на ней лежит ефиоп и скрежещет на него зубами. В сильном страхе побежал он к старцу и, стуча в дверь, говорил: "Авва! умилосердись надо мною, отвори скорей!" Старец, зная, что он не сохранил наставления его, не отворял ему до утра. Поутру отворив, нашел его за дверями умоляющим, и, сжалившись, старец ввел его к себе. Тогда он сказал: "У меня, отец, есть нужда до тебя — я видел черного ефиопа на своей рогоже, когда пошел спать". Старец отвечал: "Это ты потерпел за то, что не исполнил моего наставления". Старец по возможности изобразил ему правила монашеской жизни и отпустил его. Брат скоро сделался добрым монахом»[118].

10. Качества доброго наставника

Так как в настоящее время очень много расплодилось всяких учителей, желающих видеть вокруг себя толпы учеников и учениц, и так как даже недавно начавшие спасаться, немножко кое-что приобретши, принимают на себя звание наставников или, по крайней мере, ищут всяких поводов учить всех и каждого, то нелишнее для тех из них, которые это делают с искренним желанием помочь ближнему, а не из тщеславия и прочих страстей, привести несколько положений из «Слова особенного к пастырю» св. Иоанна Лествичника, показывающих, какими качествами должен отличаться человек, преподающий другим правила спасения, если он хочет, чтобы из его слов выходила польза чужой душе и своей собственной, а не вред.

-101-

«Учителям неприлично преподавать наставления, выписанные из сочинений других, так же как и живописцам, когда они делают только списки с чужих рисунков»[119].

Отсюда следует, что надо пройти добродетель на собственном опыте, а потом учить других. Тогда, если и словами святых отцов будем преподавать учение, все равно оно будет действовать. А если не так, то хотя бы мы и целую святоотеческую библиотеку возложили на голову нашего собеседника, не убедим его[120].

«Великий стыд для наставника молиться Богу о даровании послушнику того, чего сам еще не стяжал»[121].

«Духовный врач должен совершенно совлечься и самых страстей, чтобы мог он при случае притворно показывать какую-либо из них, и особенно гнев. Если же он совершенно не отринул страсти, то не возможет бесстрастно принимать на себя их личины»[122].

«Если ты получил от Бога дар предвидеть бури, то явно предвозвещай о них находящимся с тобою на корабле. Если не так, то ты будешь виновен в крушении корабля, потому что все с полною уверенностью возложили на тебя управление оного»[123].

«Насколько настоятель видит к себе веру как послушников, так и мирских посетителей, настолько он обязан со всяким опасением блюсти себя во всем, что делает и говорит, зная, что все смотрят на него как на главный образец и все от него принимают за правило и закон»[124].

«Не может врач исцелить больного, если сей не убедит врача просьбою и открытием язвы с полною доверенностью. Устыдившиеся врачей подвергали раны свои гниению, а многие нередко и умирали»[125]. Так же, конечно, должно судить и о духовных врачах и больных.

«Пастырь не должен всегда безрассудно смиряться пред подчиненными, но не должен и возноситься всегда несмысленно, взирая в обоих случаях на пример апостола Павла. Господь часто закрывает очи подчиненных не видеть немощей в предстоятеле; а когда сам предстоятель начнет им объявлять свои недостатки, тогда родит в них неверие»[126].

«Виновного прежде всего должно спрашивать, впрочем наедине, какие именно его согрешения. Это должно делать по двум причинам: во-первых, для того чтобы он, всегда убодаемый этой исповедью, пребыл бездерзновенным; во-

-102-

вторых, чтобы помнил, Б каких язвах мы его приняли, и возбуждался этим любить нас»[127].

«Смотри, не будь строго взыскателен за малейшие согрешения; иначе ты не будешь подражателем Бога»[128].

«Еще должно тебе и всякому пастырю рассмотреть и то, что если благодать Божия через нас действует на приходящих к нам, то не от веры ли их это бывает, а не от нашей чистоты? Ибо многие и страстные таким образом чудодействовали. И если многие, как говорит Спаситель, скажут Ему в день судный: *Господи, Господи, не в Твое ли имя пророчествовахом* (Мф. 7, 22) и проч., то сказанное мною не должно казаться невероятным»[129].

«Некоторые, ни во что вменяя суд за духовное восприемничество, безрассудно покусились пасти души и, имевши прежде большое богатство, с пустыми руками отошли из этой жизни, разделив во время своего правления другим все добро свое»[130].

«...Восприятие пастырского попечения о душах бывает различных видов. Совершенное восприятие есть предание души своей за душу ближнего во всем. Иное, когда пастырь принимает на себя прежде сделанные грехи, и только. Иное, когда он принимает согрешения после восприятия бывающие, и только. Некоторые же, по недостатку духовной силы и по неимению бесстрастия, принимают на свою ответственность пред Богом только тяготу повелений своих. Но и в самом

совершенном восприятии пастырь подлежит суду по мере того, сколько принятый им отсекает пред ним свою волю»[131].

«Прошу тебя также иметь в виду, что мысленный грех пастыря на суде Божием оказывается важнее греха, на самом деле совершенного послушником; так как и преступление воина легче злоумышления полководца»[132].

«Научай послушников исповедовать Богу плотские и блудные искушения не по виду, а все прочие согрешения днем и ночью вспоминать подробно»[133].

«Немощные не должны вкушать пищу с еретиками, как и правила повелевают. Сильные же, если неверные призывают их для познания православной веры, и они хотят идти, пусть идут в приличное время во славу Господа»[134].

«Стыдно пастырю бояться смерти, ибо о самом иноческом послушании говорят, что оно есть небоязненность смерти»[135].

-103-

«Прежде довольного рассмотрения, которое и у мирских благоразумно употребляется, руки (к пострижению) *ни на кого скоро не возлагай* (1 Тим. 5, 22), чтобы некоторые из овец, пришедшие к нам в неведении, со временем достигши полного разума и не стерпев нашей тяготы и зноя, снова не обратились в мир, за что будут отвечать пред Богом возложившие на них руку прежде времени»[136].

«Видел я одного немощного, который, укрепившись верою, очистил немощь другого немощного, помолившись за него с похвальным бесстыдством и положив душу свою за душу ближнего, однако со смирением. Таким образом, чрез исцеление ближнего он исцелил и самого себя [Ин. 15, 13; Иак. 5,19-20]. Видел я и другого, который сделал подобное этому, но с возношением. И ему сказано в обличение: *врачу, исцелися сам* (Лк. 4, 23)»[137].

«Можно оставить одно добро ради другого большего добра. Так поступил тот (св. Григорий чудотворец), который бегал мученичества не по страху, но для пользы спасаемых и просвещаемых под его руководством»[138].

«Всмотримся, вникнем и сотворим. Ибо пастырь не всегда должен держаться справедливости, по причине немощи некоторых. Видел я, как двое судились у мудрого пастыря, и он оправдал неправого, потому что сей малодушествовал, а обвинил правого, как мужественного и благодушного, чтобы правдою не усилить вражды. Впрочем, каждому порознь он сказал должное, и особенно недугующему душою»[139].

«Нигде не видно, чтобы Бог, приняв исповедь, обнаружил грехи покаявшегося; ибо Он отвратил бы этим грешников от исповеди и недуги их сделал бы неисцельными. Итак, хотя бы мы и дар прозорливости имели, не должны предупреждать согрешивших изъявлением их грехов, но лучше побуждать их к исповеданию гадательными выражениями; ибо и за самое их исповедание пред нами бывает им немалое прощение. По исповедании же должны мы удостоивать их большего, нежели прежде, попечения и свободнейшего к нам доступа; ибо чрез это они более преуспевают в вере и любви к нам»[140].

«Прежде всего, оставляй сынам твоим в наследие непорочную веру и святые догматы, чтобы тебе не только сынов, но и внуков твоих привести ко Господу путем православия»[141].

-104-

«Если тот, кто может пользовать других словом, но не преподает его изобильно, не избежит наказания, то какой беде подвергают себя те, которые трудами своими могут помочь злостраждущим и не помогают?

Избавляй братии, о ты, избавленный Богом! Спасенный! спасай ведомых на смерть и не будь скуп к искуплению душ, убиваемых бесами. Ибо *в этом состоит величайшая почесть, данная от Бога разумному созданию, и она выше всякого делания и видения смертных и бессмертных!»*[142]

Таково учение, такова любовь к людям, таково завещание к монахам — правда, не всем, а уже спасенным — святых отцов-отшельников, удалившихся от мира! Я нарочно выписал последние слова св. Иоанна Лествичника, чтобы показать их тем невежественным людям, которые обвиняют монахов в эгоизме, в том, что последние желают-де спасать только себя, а не других. Не «только себя», но «прежде себя», как и Господь чрез апостола повелевает (Рим. 2, 21). А когда себя спасут, тогда спасают и других. И в этом — величайшая почесть, как говорит святой отец, но силы слов его все-таки нападающие на монашество не понимают. А иначе что получается? Те, которые кричат об эгоизме монахов и альтруизме собственном, на своих собственных делах показывают, что они не имеют сил спасать других. Мы видим, что философы эти ни в личной жизни, ни в общественной не дают умиротворения душам человеческим и блаженства, но только растравляют их страсти, возбуждают ничем неудовлетворяемую жажду наслаждений, а после тоску и вечное стремление к чему-то неизвестному, что они называют «прогрессом»...

-105-

Глава 11. Смирение.

§ 1. Страх Божий.

Приложение: страх бесовский.

I. «Человек, принявший на себя проходить

путь внутреннего внимания, — говорит авва преп. Серафим Саровский[1], — прежде всего, должен иметь страх Божий, который есть начало премудрости [Притч. 1, 7]». «Начало истинной жизни в человеке — страх Божий», — сказал и св. Исаак Сирин[2]. «Страх Господень — источник жизни. Страх Господень — твердыня души. Страх Господень приводит в порядок духовную мысль... Никто из людей так не высок, как боящийся Господа. Кто боится Господа, тот подобен свету, указывающему многим путь спасения. Кто боится Господа, тот подобен укрепленному граду, стоящему на горе; и пред лицом его трепещут лукавые бесы», — поучает преп. Ефрем Сирин[3].

И Сам Бог говорит:

На кого воззрю? Токмо на кроткаго и молчаливаго и тре-пещущаго словес Моих (Ис. 66, 2).

1. Чрез страх человек достигает любви, а не иначе

«Познавший себя, — говорит преп. Иоанн Лествичник[4], — достиг разума страха Господня и, ходя в оном, достигает врат любви».

«Умножение страха Божия есть начало любви»[5], — говорит он же.

Преп. Исаак Сирин учит[6]:

«Человек, пока в нерадении, боится часа смертного; а когда приблизится к Богу, боится сретения суда; когда же всецело подвинется вперед, тогда любовию поглощается тот и другой страх... Кто достиг любви Божией, тот не желает уже снова пребывать здесь; потому что любовь сия уничтожает страх [1 Ин. 4, 18]».

«Как невозможно переплыть большое море без корабля и ладьи, — говорит он же, — так никто не может без страха достигнуть любви. Смрадное море между нами и мысленным раем можем переплыть только на ладье покаяния, на которой есть гребцы страха. Но если эти гребцы страха не правят кораблем покаяния, на котором по морю мира сего преходим Богу, то утопаем в этом смрадном море. Покаяние есть корабль, а страх — его кормчий, любовь же — божественная пристань.

-106-

Поэтому страх вводит нас на корабль покаяния, перевозит по смрадному морю жизни и путеводствует к божественной пристани, которая есть любовь. К сей пристани приходят все труждающиеся и обремененные покаянием. И когда достигнем любви, тогда достигли мы Бога, и путь наш свершен, и пришли мы к острову тамошнего мира, где Отец, Сын и Дух Святой»[7].

Авва Херемон, отшельник египетский, сказал:

«Три побуждения заставляют людей уклоняться от пороков, т. е. страх будущего мучения в геенне... надежда и желание получить Царство Небесное, наконец, расположение и любовь к самой добродетели [Притч. 8, 13; Пс. 33, 23; 1 Кор. 13, 8]... Посему-то св. апостол все дело спасения заключил в исполнении трех оных добродетелей. *Ныне пребывают,* говорит он, *вера, надежда, любовь, три сия* (1 Кор. 13, 13). Вера страхом будущего суда и мучений отклоняет нас от скверны пороков; надежда ожиданием небесных воздаяний, отторгая ум наш от настоящего, заставляет презирать все плотские удовольствия; любовь, огнем своим воспламеняя в душе нашей любовь ко Христу и к преспеянию в духовных добродетелях, побуждает с совершенною ненавистью отвращаться от всего, что противно им. Хотя эти три добродетели ведут нас, по-видимому, к одному концу... но степенями своего превосходства много различаются между собою. Две первые свойственны тем людям, которые стараются преуспевать в добродетелях, но не имеют еще постоянного расположения к ним; третья же особенно принадлежит Богу и тем людям, которые восстановили в себе образ и подобие Божие...

Поэтому, кто стремится к совершенству, тот с первой степени страха, собственно называемого рабским... (Лк. 17, 10), должен постепенно восходить на стезю надежды. Здесь человек уподобляется уже не рабу, а наемнику, ибо действует в ожидании будущего воздаяния. Уверенный в прощении грехов своих, он уже не страшится наказания за них, а сознавая в себе добрые дела, думает получить за них милостивую награду. Но, несмотря на то, он еще не имеет в себе такого расположения, какое прилично сыну, который, в полном уповании на отеческое благоволение к себе, не сомневается усвоять себе все, что принадлежит отцу...

Великое находится различие между тем, кто страхом ге-

-107-

енны или надеждою будущего воздаяния погашает в себе пламень пороков, и между тем, кто ужасается порочности и нечистоты по чувству любви божественной... В таком состоянии человек, хотя бы не имел ни одного свидетеля

дел своих, не решится воспользоваться случаем ко греху и не может увлечься самыми сокровенными, обольстительными помыслами, ибо питая искреннейшую любовь к добродетели, он не только не приемлет сердцем ничего противного ей, но и с величайшим ужасом отвращается сего»[8].

Иногда это третье состояние называют *совершенным страхом.*

«...Есть два страха, — читаем у аввы Дорофея[9], — один первоначальный, а другой совершенный... Например, кто исполняет волю Божию по страху мук, тот еще новоначальный, ибо он не делает добра для самого добра, но по страху наказания. Другой же исполняет волю Божию из любви к Богу, любя Его, собственно, для того, чтобы благоугодить Ему; этот знает, в чем состоит существенное добро, он познал, что значит быть с Богом... таковой боится Бога и исполняет волю Божию уже не по страху наказания, уже не для того, чтобы избегнуть мучений, но потому, что он, вкусив самой сладости пребывания с Богом, боится отпасть, боится лишиться ее. И сей совершенный страх, рождающийся от этой любви, изгоняет первоначальный страх. Поэтому-то апостол и говорит: *совершенна любы вон изгоняет страх* [1 Ин. 4, 18]. Однако невозможно достигнуть совершенного страха иначе, как только первоначальным страхом».

2. Польза страха Божьего

«...Когда страх Господень приходит в сердце, то показует ему все грехи его»[10].

«Умудрись же в основание шествия своего, — говорит св. Исаак Сирин, — полагать страх Божий; и в несколько дней, не делая кружений на пути, будешь у врат Царствия»[11]. Еще сказал:

«Душа, имеющая в себе страх Божий, боится чего-либо такого, что вредит ей телесно, потому что на Бога уповает отныне и во веки веков»[12].

Св. Иоанн Златоуст так поучает об этом же:

«Нет зла, которого не уничтожал бы страх Божий. Как огонь, приняв железо, хотя бы самое испорченное и покрытое большою ржавчиною, делает его ясным и светлым, очи-

-108-

щая его и совершенно исправляя повреждение, так и страх Божий в короткое время совершает все и не допускает ничему человеческому вредить тем, которые проникнуты им»[13].

«...Человек добродетельный, имеющий в себе страх Божий, мудрее всех; потому и некий мудрец говорит: *начало премудрости страх Господень* (Притч. 1, 7). Если же бояться Бога значит иметь мудрость, а порочный не имеет этого, то, без сомнения, он лишен мудрости, а лишенный истинной мудрости бессмысленнее всех»[14].

Приведу еще слова преп. Симеона Нового Богослова:

«Страх Божий... истаивает плоть и сокрушает кости, подобно камню, некоею машиною спускаемому и сильно давящему виноград, прежде истоптанный в точиле. Ибо обыкновенно прежде ногами истаптывают виноград, а потом сдавливают его камнем, чтобы выжать последние соки его. Так и страх Божий делает то, что человек становится попранием всех людей, а когда сотрется вконец гордыня его и тщеславное мудрование плоти его, тогда ниспадает на него свыше мысленный камень, легчайший и благий, т. е. святое смирение, и выжимает из него всю сырость плотских удовольствий и страстей, и делает душу благоугодною...»[15]

Вот пример из «Патерика», подтверждающий эти слова.

Некоторые из отцов спросили авву Макария Великого:

— Отчего это, ешь ли ты или постишься, тело твое всегда сухо?

Старец отвечал им:

— Палка, которою ворочают горящий хворост[16], совершенно снедается огнем; так и человек, если будет очищать ум свой страхом Божиим, то этот страх будет снедать его тело[17].

Еще один пример спасительности страха Божьего.

Был один великий старец, и рассказывал ученик его о нем, что целые 12 лет не спал он на боку, но на стуле, на котором работал, на нем же и спал; вкушал же или через 2, или через 4-5 дней, и так делал в продолжение 20 лет. Когда же я сказал: «Что это значит, зачем так делаешь ты, авва?», отвечал он мне: «Суд Божий происходит пред глазами моими, и не могу стерпеть».

«Случилось же, что, когда совершали мы молитвословие, я ошибся в слове из псалма, и когда окончили мы молитвословие, старец сказал мне: "Я, когда совершаю молит –

-109-

вословие, как бы огонь чувствую под собою и горю, и не может мой помысл уклониться ни направо, ни налево. А у тебя где был помысл, когда мы начинали молитвословие, что пропустил ты слово из псалма? Неужели ты не знаешь, что стоишь пред Богом и говоришь с Богом, когда совершаешь молитвословие?"

Вышел однажды он ночью и нашел меня спящим при пороге кельи. И остановился старец и плача сказал: "Где разум у брата, что спит он так беззаботно?"»[18]

Сам, как видно, старец в молодые годы по ночам не спал, но, вспоминая Суд Божий, молился.

3. Как приобрести страх Божий? Святитель Тихон Задонский приводит следующие причины, от которых рождается страх Господень[19]:

• От размышления о страшных наказаниях Божиих, постигавших грешников, как-то: Каина (Быт. 4, 11-12), погибших от потопа (Быт. 7, 21-23), содомлян (Быт. 19, 24-25) и многих других.

«Но Который Бог прежде за грехи казнил, Тойжде и ныне на беззаконных посылает казни. Слышим ужасные трясения земли... слышим и видим плачевные государств сражения, ужасные кровопролития, толико тысящей народа, бесполезно огнем и мечом падающего; видим и слышим ужасные пожары... Сия вся показуют, что есть Бог, Который ненавидит беззакония и наказует беззаконников. А временные наказания показуют, что будут и вечные...»

• От размышления о свойствах Божиих, особенно о Его вездесущии и всеведении.

«...Бог везде с тобою есть... (Деян. 17, 28.) Ходиши или почиваеши, говориши или молчиши, един ли еси, или с кем беседуеши? Бог с тобою есть. Делаеши что? Видит Бог дело твое. Говориши что? Слышит Бог слово твое. Мыслиши ли что? Проницает Бог помышление твое... Делаеши ли неправду? Хищение, воровство? Смотрит Он на неправду твою, хищение и воровство твое. Блудодействуеши ли? Смотрит Он на блудодейство твое. Злословиши, хулиши, проклинавши, оклеветаеши ли ближнего твоего? Слышит Он злословие, хулу, клятву и клевету твою».

• От рассуждения, что приказывает страшный и великий Бог, а не простой человек, и притом приказывает не просто, а с прещением (Пс. 118, 4; Мф. 10, 28).

-110-

• От мысли, что повелевает Господь, как Отец благоутробный и нас любящий.

• Так как истинный *страх Божий есть дар от Господа,* как Сирах говорит (Сир. 1, 13), то должно нам у Бога просить его усердною молитвой.

II. Но когда страх, вместо того чтобы быть направленным на вечное воздаяние за гробом, на последний Суд, на неизвестность будущего конца, который ожидает человека, «бывает о теле, тогда он делается сатанинским, — говорит св. Исаак Сирин, — потому что человек поколебался в вере своей в Промысл Божий и позабыл, как печется и промышляет Бог о подвизающихся ради добродетели... (Пс. 24,14; 33, 16; 90, 10)»[20].

Человек начинает бояться за свою жизнь, за свое общественное положение; боится, что случится с ним какое-либо несчастье, обокрадут, сделается пожар (поэтому, внушает демон, нельзя зажженную лампадку пред святыми образами оставлять, когда из дому уходишь), что заболеет и прочее и прочее. Начинают бояться и темной комнаты (и это когда даже в бесов, говорят, не верят), и всякой мелочи, каждого стука: мышь, таракан или паук пробежит — все приводит в страх и смятение.

Так, император Петр I, не боявшийся совершать чудовищные грехи и жестокости, от которых кровь стынет в жилах, боялся, однако, очень малой твари — тараканов. Интересно описывает это современник:

«И не можно того думать, чтоб великой и неустрашимой герой боялся так малой гадины — тараканов: и наперед его едущего кулиеры бежали, и где надлежит быть станции, осматривали, нет ли в избе тараканов, и по крайней невозможности таких изб обыскать не можно, то по дорогам ставили избы нарочные для охранения от сей гадины»[21].

Наконец, случается с человеком так называемый безотчетный страх, по-нашему, по-христиански сказать, от бесов, или *страхования.*

Смешные эти культурные люди, будь то ученый профессор, психолог, или психиатр, или нахватавшийся полтора десятка иностранных слов полуграмотный парень из деревни, не знающий их истории, смысла и происхождения. Проповедуют строго материалистическую логику, требуют всегда наличия закона причинности и в то же вре-

-111-

мя допускают какой-то «безотчетный» страх. Не признают существования духовного мира и бесов, учат, что все управляется только механическими законами природы, и в то же время в *пустой* темной комнате им делается иногда страшно, при встрече с монахом или со священником у них портится настроение на целый день, и они думают, что встреча эта из-за «духовности» лица приносит им несчастье. Это при механистическом-то восприятии окружающего мира!

Но так как этот страх бесовский задевает иногда и спасающихся — разумеется спасающихся неискренно и не как должно, — то я приведу из Иоанна Лествичника о нем несколько строк, изъясняющих его происхождение, сферу действия и надлежащие противоядия.

«Боязливость есть младенчественный нрав в старой тщеславной душе. Боязливость есть уклонение от веры в ожидании нечаянных бед»[22].

«Гордая душа есть раба страха; уповая на себя, она боится слабого звука тварей и самых теней»[23].

«Не пустыня и мрачность места укрепляет бесов против нас, но бесплодие нашей души; иногда же это бывает промыслительно к вразумлению нашему»[24].

«Кто сделался рабом Господа, тот боится одного своего Владыки; а в ком нет страха Господня, тот часто и тени своей боится»[25].

«Когда злой дух приступает невидимо, тогда боится тело; а когда приступает ангел, тогда радуется душа смиренного. Итак, когда мы по этому действию узнаем пришествие ангела Божьего, то скорее восстанем на молитву: ибо добрый хранитель наш пришел помолиться с нами»[26].

«Нельзя в одну минуту насытить чрево; так нельзя и боязливость победить скоро. По мере усиления в нас плача, она от нас отходит; а с уменьшением его увеличивается в нас»[27].

Когда люди были сильны в подвигах, в вере, а больше всего, в *смирении,* то святые отцы так их учили:

«Не ленись в самую полночь приходить в те места, где ты боишься быть. Если же ты хоть немного уступишь сей младенчественной и смеха достойной страсти, то она состареется с тобою. Но когда ты пойдешь в те места, вооружайся *молитвою...»*[28]

-112-

§ 2. Память смерти.

Поминай последняя твоя, и во веки не согрешиши, — сказал премудрый Сирах (Сир. 7, 39).

«Как хлеб нужнее всякой другой пищи, так и помышление о смерти нужнее всяких других деланий», — говорят святые отцы[1].

«"Невозможное", как некто[2] сказал, "невозможное для человеков дело, чтобы настоящий день провели мы благочестиво, если не думаем, что это последний день нашей жизни"».

Авва Антоний Великий говорит: «Имея пред очами страх Божий, будем всегда помнить о смерти...»[3]

Св. Аммон, один из знаменитейших египетских отцов, сказал: «Монах должен непрестанно внимать и обличать душу свою, говоря: "Увы мне! Как я предстану на суд Христов и чем буду оправдываться пред Ним?" Если всегда будешь так размышлять, можешь спастись»[4].

Авва Евагрий говорил: «Сидя в келье, собери свой ум, помни о дне смерти: представь тогдашнее разрушение тела... Вспомни и о положении во аде и подумай, как пребывают там души! В каком они горьком молчании! Или в каком страшном стенании! В каком страхе и мучении!.. Вообрази страшный и ужасный оный суд. Представь то, что приготовлено грешникам, — стыд пред Богом и Христом Его, пред ангелами, и архангелами, и властями, и всеми людьми, представь все наказания — огнь вечный, червь неусыпающий, ад, мрак, ко всему этому скрежет зубов, ужасы, муки»[5].

Св. Симеон Новый Богослов учит[6]: «Всякому, начавшему жить по Богу, полезен страх мук и порождаемая им болезнь сердца. Кто же без такого болезнования и без таких уз страха думает положить начало (доброй жизни), тот не на песке только

полагает основание своих деяний, но мечтает построить дом на воздухе без основания, что, конечно, невозможно».

Говорила великая мать Сарра[7]: «Когда поднимаю ногу свою, чтоб взойти на лестницу, я представляю себе пред очами смерть и потом всхожу на лестницу».

Таким-то вот путем святые отцы достигли совершенства и сподобились великих даров Божиих, видения Божест-

-113-

венного света, чудотворения, дара пророчества, и этот путь они не оставляли до самой своей смерти[8].

В нынешний век люди потеряли путь истины. Если они еще не обезумели окончательно *в* неверии, то боятся «покойников», «страшных» разговоров о смерти и тому подобного, в то время как надо бы, наоборот, все помышления свои на этом-то и сосредоточить. Почему так происходит? Потому, отвечает равноангельный Исаак Сирин[9], что «сатана ненавидит этот помысл [о смерти] и всеми своими силами нападает, чтобы истребить его в человеке. *И если бы можно было, отдал бы ему царство целого мира, только бы развлечением изгладить в уме человека таковой помысл. И если бы мог, как сказано, то сделал бы это охотно.* Ибо знает льстец этот, что если помысл сей пребывает в человеке, то ум его стоит уже не на этой земле обольщения, и козни его к человеку не приближаются». Отсюда, по внушению диавольскому, в миру — непрерывные увеселения, балы, концерты, спектакли, чтобы человеку нельзя и некогда было одуматься, отсюда в литературе и искусстве — обоготворение страстей, отсюда даже в сухой науке — отрицательные учения о загробном мире или нелепые грезы о земном бессмертии, вроде танатологии проф. И. Мечникова.

Но в страшное и бесплодное положение попадает такой человек тогда, когда он, после издевок над «измышлениями попов», оказывается на смертном одре. Стоит только припомнить отчаянный крик Вольтера перед смертью, обращенный к врачу: «Заклинаю вас, помогите мне... Я отдам вам половину своего имущества, если вы продлите мою жизнь хотя на полгода; если же нет, *то я пойду в ад,* и вы последуете за мной туда же!»[10]

Жалкое состояние человека, грозившего при жизни своими сочинениями истребить христианство, а при смерти заговорившего об аде, в котором он теперь уже не сомневался!

Необходимость для спасающегося сего добродетельного делания <памятования смерти> открывается ясно из той *пользы,* которую он от него получает.

Польза эта состоит в следующем:

1. Память смерти приводит в благочиние внешние чувства человека[11]. Она не дает им расхищаться и держит как натянутую струнку.

Кто стяжал память смертную, тот не будет уже хохотать и смеяться бесстрашно в обществе[12], как это принято у нас

-114-

не только среди одной молодежи, не будет шутить и дурачиться[13], того не заманишь на пиршества и к торжественным столам, уставленным кушаньями и бутылками[14].

2. «Память смерти побуждает... к трудам и постоянным подвигам покаяния и к благодушному перенесению бесчестий», — говорит св. Иоанн Лествичник[15]. «Человек, — развивает эту мысль дальше преп. Симеон Новый Богослов, — всегда

находится в таком состоянии, как бы был повешен на крест и чувствовал во всей силе болезни и страдания крестной смерти, что и не попускает ему ни внимать чьему-либо лицу, ни думать о чести или бесчестии человеческих. От всей души почитая себя достойным всякого презрения и бесчестия, и внимания не обращает он на поношения и унижения, какие ему делают»[16].

3. За этим естественно следует презрение к миру, и этим начинается в человеке всякое доброе движение, ведущее его к высшей духовной жизни. Он начинает входить в тайны Божий, о существовании которых люди и не подозревают и которые представить себе не в силах. Такой человек есть уже, по словам св. Исаака Сирина, «рожденный от Бога, и Святой Дух — кормитель его. Из лона Духа сосет он живоносную пищу, и к веселию своему обоняет воню Его»[17].

В чем состоит делание сей добродетели, видно в главных чертах из приведенных в начале этого параграфа святоотеческих цитат[18]. Здесь необходимо сказать о границах этого делания и его существенных свойствах, отличных от подобных у еретиков и прелестников.

Начинается оно с простого, естественного помышления и представления подвизающегося об исходе своей души, об истязании, которое она должна претерпеть за свои грехи на мытарствах, о мучении, уготованном нераскаянным грешникам, о вечном осуждении... Это делание можно назвать плотским, телесным. Нудит себя человек часто помышлять обо всех этих вещах и размышляет о них, вот и все. Дело, следовательно, ограничивается *его собственным* произволением и его *собственными* мыслями, притом плачевного и горького свойства. Этого демоны еще не боятся, потому что делание сие непостоянно в человеке, но приходит и уходит и представляет собой, по-видимому, только принуждение ума и воображения удерживать внимание на некоторых предметах, и больше ничего. Бесам еще есть где разгулять-

-115-

ся, если человек при этом страдает кичливостью, а именно: его представления можно обострить и незаметно довести до галлюцинаций и даже до настоящих бесовских мечтаний... Итак, это состояние первоначальное помогает человеку только воздерживаться от падений, охраняет от грубых грехов, но *благодати еще не дает.*

Но если кто с усердием и смирением ищет сей добродетели и долгими бдениями и слезами старается приобрести ее, то Человеколюбец Господь, зная наперед, что этот человек Его не обманет, дает ему вкусить божественной радости и утешения сперва в небольшом количестве, потом больше, и так без конца, по его силе и мере. Физический страх смерти переходит в духовное радование, и мрачные мысли заменяются светлыми. Подвижник начинает уже созерцать Царство Небесное, блаженство, уготованное святым, поучается в любви к Богу[19]. Тогда приходит *благодать* и человека осеняет *сила* Святого Духа. Представления его собственные заменяются видениями, посылаемыми от Бога. Такой уже перестает любопытствовать о мире, не привязан более к своему телу и *не ожидает, а желает* уже смерти, на всякий час (Флп. 1, 23). Демоны начинают трепетать такого человека и боятся даже подходить близко к жилищу его[20], ибо душа сего блаженного делается вся огнем и светом, имея внутри себя Невещественный и Нескончаемый Божественный свет Св. Троицы.

Таким образом, истинная *память смерти есть дар Божий.* И чтобы получить его, надо, следовательно, заслужить его сперва и, как говорят отцы, поплакать о плаче[21].

К этому еще нужно добавить о различных родах боязни смерти или, наоборот, *пренебрежения* ею и о границах *воображения в* представлениях о последней.

Говоря вообще, «боязнь смерти есть свойство человеческого естества»[22] и произошла в нас от преслушания прародителей. В ней (боязни) ничего предосудительного и ненормального нет, и Христос боялся, по человечеству, смерти[23], хотя в отличие от святых людей и добровольно <принял ее>, по Своему желанию[24]. Но страшиться умереть от сознания пагубности содеянных грехов недостойно истинного христианина, такой трепет ненормален, и от человека требуется, чтобы его не было. Для новоначального и только что начавшего подвизаться он, конечно, терпим и даже похвален, но мы должны знать, что Господь, в конечном

-116-

счете, призывает нас не в качестве рабов, не к трепету перед Ним, а призывает нас к любви как свободных сынов. И с этой точки зрения, со стороны совершенства и святости, боязнь смерти ненормальна, и в раю до грехопадения страха смерти не было.

Но бывает еще ужас перед смертью у людей неверующих, если они способны хоть сколько-нибудь размышлять над «вечными» вопросами. Чувство ужаса встает у таковых перед непонятным и неумолимым законом природы, пред которым любая гениальность и могущество человека — ничто, куча смердящих костей и зловонной жижи.

Приведу пример нашего писателя И. Тургенева. «Для меня, — говорит он, — в непреложности законов природы есть нечто самое ужасное, так как я никакой цели, ни злой, ни благой, не вижу в них». Не веря в благой Промысл Божий и в вечное воздаяние на Страшном Суде, он, естественно, ужасается, и его гордость трепещет забвения со стороны человечества:

«Что бы мы ни делали, все наши мысли, чувства, дела, даже и подвиги будут забыты. Какая же цель этой человеческой жизни?»[25]

В соответствии с этими убеждениями должны находиться и поступки, что мы и наблюдаем в действительности.

Поэт Полонский, его почитатель, рассказывает, как в 1881 году в с. Спасское, вотчину Тургенева, пришло известие, что в Брянске холера, «и — прощай веселость, остроты, смех и проч. и проч.! Бледный, позеленелый пришел ко мне Тургенев и говорит:

— Ну, теперь я не живу, теперь я только двигающаяся несчастная машина...

Он не спал всю ночь и ни о чем, кроме холеры, не думал»[26].

Противоположно сему состояние, когда люди желают смерти.

Но «не всякое желание смерти достойно одобрения, — говорит св. Иоанн Лествичник. — Некоторые люди, насилием привычки увлекаемые в согрешения, желают смерти *по чувству смирения.* Другие не хотят покаяться и призывают смерть *из отчаяния.* Иные же не боятся ее потому, что *в превозношении* своем почитают себя бесстрастными; а бывают и такие (если только в нынешнее время найдутся), которые, *по действию Духа Святого,* желают своего исшествия отсюда»[27].

-117-

Относительно воображения должно сказать следующее. «Память смерти», в отличие от «памяти Божией»[28], являясь так называемым *богомыслием, а* не *молитвой,* и, понятно, предоставляет человеку больше свободы в отношении воображения. В последнем случае (при молитве) представлять что-либо святыми отцами *совершенно* запрещено, но в отношении размышлений о смерти, аде, Страшном Суде как средствах смягчения окаменевшей от страстей души это допускается. Но подвизающемуся нужно всегда помнить, что то, о чем он помышляет, и те картины, которые в уме своем вызывает и рисует, находятся *только в его уме* и *ничему в действительности в точности не соответствуют.* И пусть *не кичится* своим деланием, иначе его *ожидает прелесть,* результатом которой явятся сперва простые галлюцинации как плод разгоряченного воображения, а потом и лесчие бесовские явления и привидения. Даже такие святые, как Исаакий, затворник Печерский, и великий Симеон Столпник, впадали в ошибки и принимали бесов, выдававших себя за святых и Самого Христа, действительно за таковых[29].

В заключение необходимо упомянуть о тех средствах и состояниях, которые способствуют воспитанию сей добродетели <памятования смерти >.

Отцы учат[30]:

«Кто хочет непрестанно сохранять в душе своей память смерти и суда Божия, а между тем предается попечениям и молвам житейским, тот подобен хотящему плавать и в то же время плескать руками (т. *е.* рукоплескать, хлопать в ладоши. — Еп. Варнава)».

И еще:

«Кто умертвил себя для всего в мире, тот истинно помнит смерть; а кто еще имеет какое-либо пристрастие, тот не может свободно упражняться в помышлении о смерти, будучи сам себе наветник».

Но как же, скажут, быть молчаливым и бегать близкого общения людей не значит ли подать повод думать о себе, что мы сердимся на них, недовольны ими или презираем, не любим их? Как же исполнить заповедь Христову о любви?

Заповедь о внешнем, открытом и всестороннем выражении любви к ближним дана, прежде всего, совершенным, которые имеют эту божественную любовь. А мы, ее не имеющие, о какой любви ведем речь? О *плотской,* основанной

-118-

на пристрастии и тщеславии? Так Богу будет приятнее, чтобы мы в молчании помнили о смерти и поминали грехи свои, чем своим выражением любви мешали спасению ближних.

«Не желай словами уверять всех в твоем расположении к ним, — учат святые отцы, — а лучше проси Бога, чтобы Он открыл им любовь твою неведомым образом; иначе не достанет тебе времени на изъявление любви к ближним и на умиление»[31].

И преславная мать Сарра Египетская сказала:

«Ежели я буду просить Бога, чтобы все люди были мною довольны, то должна буду стоять с поклонами у дверей каждого. Но лучше буду молиться Богу, чтобы сердце мое было чисто пред всеми»[32].

Впрочем, все это относится к тем, которые посредством долгого художественного делания хотят прийти в совершенство, подобно тем талантливым

и гениальным музыкантам, которые долго учатся играть только одни упражнения, чтобы после суметь исполнять вещи, совершенно непостижимые для всех прочих. И с них никто не взыскивает, что они тратят напрасно время на сольфеджио и экзерсисы, тогда как во всех домах вокруг подростки играют спустя короткое время уже разные вальсы и прочие пьесы, вроде «Дунайских волн», «Невозвратного времени», «Молитвы девы», и тому подобное. Конечно, таковой может совершать те добродетели любви, которые миряне проповедуют в своей среде, и гораздо даже изящнее их (как хороший музыкант сыграет, конечно, «Коробушку»), но он скорее предпочтет вынести упреки и обвинения в эгоизме, чем раньше времени начать делать вещи, которые он с успехом и с *тысячекратно большей пользой для людей* будет исполнять впоследствии. Поступать по указке мира в данном случае — значит портить, скорее, дело, а не усовершать его. Лучше выждать время и облагодетельствовать тысячи несчастных и душевно погибших людей, *если Бог то повелит* (как это сделали Амвросий Оптинский, Иоанн Кронштадтский), чем по самочинию и по своей воле приносить сомнительную пользу окружающей кучке не нуждающихся в тебе людей.

Но и не заносясь так высоко, все-таки — призвал ли нас Господь ко спасению и отвержению от мира или нет — мы должны смиряться. Каждый в свою меру. И если, будучи

-119-

совсем маленькими и сплетаясь мирскими заботами, по

силе исполняем заповедь любви и беремся также за иные добродетели, будем это делать со страхом Божиим, не тщеславясь и не укоряя других, что они не идут по нашему пути, как будто он только один на свете и есть. Если же Бог даровал нам «большое плавание» и открыл свободный путь через бурное и славное житейское море к дальним берегам блаженного бесстрастия и совершенной любви, то еще более поникнем долу: нам некогда уже заглядываться тогда на окружающее, когда яростные волны переплываемого нами моря с бешенством хлещут в нашу ладью, — дай Бог, с великим плачем и со страхом за свою собственную жизнь и за груз добродетелей, который мы везем, благополучно достигнуть небурного пристанища — оного светлого будущего века!..

§ 3. Молчание и безмолвие.

I. 1. Что такое молчание? «Молчание есть тайна будущего века, а слова суть орудие мира сего», — сказал св. Исаак Сирин[1], а вслед за ним и преп. Серафим Саровский[2].

«Благоразумное молчание есть матерь молитвы, воззвание из мысленного пленения[3], хранилище божественного огня[4], страж помыслов, соглядатай врагов[5], училище плача[6], друг слез, делатель памяти о смерти, живописатель вечного мучения, любоиспытатель грядущего суда, споспешник спасительной печали, враг дерзости[7], безмолвия супруг, противник любоучительства, творец видений, неприметное предуспеяние, сокровенное восхождение»[8].

Но не забудем: то, что сказал сейчас св. Иоанн Лествичник, все это относится к благоразумному[9] молчанию и к молчанию «в разуме», как выражается еще преп. Серафим Саровский[10].

2. Польза от молчания

«Всем полезно безмолвие и удаление от вещей и от людей, — учит св. Петр Дамаскин[11], — особенно же страстным и немощным». Ибо «любитель молчания» [опять говорю — здравого] «приближается к Богу и, тайно с Ним беседуя, просвещается от Него»[12]. «От уединения и молчания рож-

-120-

даются умиление и кротость; действие сей последней в сердце человеческом можно уподобить воде оной тихой Силоамской, которая течет без шума и звука, как говорит о ней пророк Исайя: *воды Силоамли текущая тисе* (Ис. 8, б)»[13]. «Если будешь соблюдать молчание, то найдешь покой везде, где бы ты ни жил», — сказал авва Пимен Великий. И еще сказал, что с каким бы искушением кто ни боролся, «победа в нем — молчание»[14].

«Молчаливый много восхваляется у Христа, но не будет приятно приближение его тем, которых бесы уловили пристрастием к забавам и парению ума», — замечает св. Исаак Сирин[15]. Истину сего, конечно, познал на себе всякий спасающийся и всякий погибающий.

Вот еще несколько строк из писаний того же аввы.

«Если сохранишь язык свой, то от Бога дастся тебе, брат, благодать сердечного умиления, чтобы при помощи ее увидеть тебе свою душу и войти в радость Духа. Если же преодолеет тебя язык твой, то — поверь мне в том, что скажу тебе, — ты никак не возможешь избавиться от омрачения»[16].

Но, конечно, нужно знать, что такое «свет разума» — το φως της γνωσεως, — который принесло («возсия») человечеству Рождество Христово, как поется в тропаре, чтобы по достоинству оценить эти слова. Даже и сам великий Исаак отказывается это объяснить: «Язык немощен изобразить оное», — говорит он. Всякий познает это, благодатию Божиею, *на деле* только. Одно лишь могут сказать святые:

«Велик тот человек, который терпением своих членов приобрел внутренно в душе своей чудный сей навык (т. *е.* молчания. — Еп. Варнава). Когда на одну сторону положить все дела жития сего, а на другую молчание, тогда найдешь, что оно перевешивает на весах... Не умею и сказать, сколько *света* воссияет тебе отсюда...»[17]

Приведу несколько строк из записной книжки преп. аввы Дорофея того времени, когда он был еще новоначальным и записывал в нее свои вопросы и ответы на них старцев Варсонофия Великого и Иоанна, называемого Пророком за его дар прозорливости.

В них отмечается польза молчания во всяком деле и обстоятельстве, и видится, как тонко преподобный следил за всеми движениями своей души и глубоко вдумывался в тайные и едва ли заметные для мирских людей изгибы страстей и добродетелей, вообще, как жил, как мыслил, чем

-121-

интересовался. Про духовный опыт и совершенство рассудительности в ответах св. Иоанна Пророка, которому задавались нижеследующие вопросы, я уже не говорю.

• «Если кого-нибудь хвалят, не должен ли он отвечать, говоря как бы со смирением? — Молчать гораздо полезнее. Ибо если кто отвечает, то это значит, что он принимает похвалу, а это есть уже тщеславие[18]. Даже и то, когда думает, что

он отвечает смиренно, есть уже тщеславие; ибо если он те же слова, которые сам говорит о себе, услышит от другого, то не может перенести их»[19].

Ц «Но случается, что похваливший, заключив из молчания его, что принял похвалу, соблазнится сим; как же должно поступать?

— Неизвестное подвизающийся должен предоставить Богу, да известит Он Сам слышащего. Почему знать: может быть, хваливший получил пользу от его молчания, полагая, что он не принял похвалы, а он думает, что тот соблазнился. Если соблазнивший сам обнаруживает это, тогда должно объяснить ему со смиренномудрием, говоря: прости меня, брат, я ничего не сознаю в себе доброго, потому и не нашел, что тебе отвечать, но помолись о мне Господа ради».

• «Случается, что иной действительно грешен и со смиренномудрием, а не по тщеславию говорит истину; неужели он и тогда не должен отвечать? — Не должен, хотя бы и так было. Ибо если он сиренномудрствует на время, но слушающий считает его смиренномудрым, и это будет тяготить его (т. е. вредно будет ему)[20], потому что Господь сказал: *горе вам, егда добре рекут вам человецы* (Лк. 6, 26), относя это к грешникам, которые не имеют дел, а получают похвалу».

• «Как же мы находим, что некоторые из святых, когда их хвалили, отвечали со смирением? — Отцы достигли той меры, о которой сказал Господь: *яко егда сотворите сия вся, рцыте, яко раби не ключими есмы* (Лк. 17, 10), и поистине почитая себя такими, так и отвечают, как думают о себе. Если же и от другого то же услышат, не приходят в негодование, но благословляют его, как сказавшего истину».

• «Если кто-нибудь, будучи облагодетельствован другим, благодарит его, как своего благодетеля, неужели и в таком случае не должно отвечать? — Молчание всегда хорошо. Но чтобы не показалось, что благотворитель отвергает приносимую ему благодарность, он должен со смирением сказать: "Прости меня, авва, и помолись о мне Господа ра-

-122-

ди", имея в сердце своем, что он сам ничего не сделал; ибо Господь благодетельствует всем. Притом должен молить Бога, чтобы не понести осуждения за свои слова»[21].

3. Причины молчания

«Всегдашнее молчание и хранение безмолвия бывают у человека по следующим трем причинам: или ради славы человеческой, или по горячей ревности к добродетели, или потому что человек внутри себя имеет некое божественное собеседование и ум его влечется к последнему. Поэтому, если в ком нет одной из последних причин, то по необходимости недугует он первою немощию»[22].

Примером может служить авва Арсений Великий.

Так, когда авва Марк сказал ему: «Почему ты бегаешь от нас?», старец отвечал ему: «Бог видит, что я люблю вас, но я не могу быть вместе и с Богом, и с людьми. На небе тысячи и мириады имеют одну волю, а у людей — воли различны. Поэтому я не могу оставить Бога и быть с людьми»[23].

Итак, молчание бывает разное: один молчит потому, что по смирению не считает *себя* достойным говорить, а другой — потому что не считает *других* достойными его слушать. Один молчанием хочет прославиться у Бога, а другой посредством того же самого дела ставит себе цель прославиться у людей и сойти у них за мудрого.

Таким образом, бывает и безрассудное, бесовское молчание[24]. Оно иногда заставляет человека, вместо долготерпения к немощам ближнего, требующим поучить его в чем-то не раз и не два, говорить самому себе: «Ты и раз, и десять раз уже говорил брату, оставь его, пусть он делает, как хочет, а ты отложи попечение, как сказали отцы...» Таковым отвечает св. Варсонофий Великий:

«...от тебя так далеко эта мера (духовного возраста), как небо от земли. Хочешь ли удостовериться в этом? Вспомни, что Господь сказал о деревьях: каковы они, такие приносят и плоды. Рассмотри же, что происходит из молчания, внушаемого тебе диаволом? — Смущение и гнев... Ясно покажу тебе, что долготерпение твое не по Богу: ты собираешь несколько дней, а потом в один день истощаешь мешец свой, и он остается пустым. Долготерпение же по Богу вовсе ничего не говорит до самого конца. А ты, господин мой, брат, подобен властителю: вместо того, чтобы дать рабу своему один удар в ланиту, объяснить ему проступки его и

-123-

помириться с ним, терпишь несколько дней, а потом вдруг наносишь брату один удар, который быть может для него убийственным, и берешь (па себя) душу его»[25].

4. Как приобретается молчание?

С великим трудом[26]. «Сперва будем принуждать себя к молчанию, — говорит великий молчальник св. Исаак Сирин, — и тогда от молчания родится в нас нечто, приводящее к самому молчанию... Не думай, брат, что, — как рассказывают о чудном Арсении, когда посетили его отцы и братия, приходившие видеть его, а он сидел с ними молча и в молчании отпускал их от себя, — все это делал он совершенно по воле и что вначале не принуждал себя к этому»[27].

Сказывали об авве Агафоне, что он в течение трех лет влагал камень в уста свои, пока не научился молчанию[28].

Один старец пришел к авве Ахиле и видит, что он выбрасывает кровь изо рта своего. Он спросил его: «Что это такое, отец?» Ахила отвечал: «Это — слово оскорбившего меня брата. Я старался не открывать его и молил Бога, чтобы оно было взято от меня, — и слово сделалось кровью в устах моих. Я выплюнул его, успокоился и забыл оскорбление»[29].

Так трудно дается молчание.

II. 5. О священном безмолвии

Это не то же, что молчание, хотя с внешней стороны кажется тем же самым. Так как в настоящее время, по бесовским внушениям, и собственному неразумию, и по духовной, мягко выражаясь, неопытности, много нареканий возводится на затворничество и безмолвие, если только оно где осталось, то хотя и не требуется для дела спасения людей века сего и новоначальным знать что-нибудь о нем, но я все-таки *кое-что* приведу, чтобы показать, что оно такое и какова его высота. А подробное изложение очень опасно: людей оно может устрашить своими тайнами, а бесов вооружить на автора, ибо тогда особенно ясно выявляются их бесчиния и коварство. Поэтому, если даже некто из святых, как говорит св. Иоанн Лествичник, воздержался в силу первой причины, то для немощного автора тем более простительно не передавать тайн, принадлежащих святым[30].

Безмолвие, как говорит равноангельный безмолвник, преп. Симеон Новый Богослов, есть «совершеннейшая из подвижнических добродетелей»[31].

-124-

«Ни один праздный и любящий беседы человек, — говорит св. Исаак Сирин[32], — да не будет столь бесстыден... и да не говорит, что это [учение св. подвижников] — изобретение человеческое и изобретено в пользу безмолвия. Напротив того, это учение небесное». Что и доказывается Божественным Откровением (Мф. 4, 1; 14, 13, 23; 17, 1; Лк. 1, 80; Мк. 1, 35, 45; 6, 31-32, 35; 9, 10) и повелением свыше Антонию и Арсению Великим бегать людей и безмолвствовать[33]. «Поэтому, если Бог повелевает нам бегать от всех и столько любить безмолвие, когда пребывают в нем любящие Его, — продолжает св. Исаак, — кто станет выставлять на вид какие-либо предлоги к тому, чтобы пребывать в собеседовании и сближении с людьми? Если Арсению и Антонию полезны были бегство и осторожность, то кольми паче полезны они немощным? И если тех, и в слове, и в лицезрении, и в помощи которых имел нужду целый мир, Бог почтил больше за их безмолвие, нежели за вспомоществование всему братству, лучше же сказать, всему человечеству, то во сколько раз больше безмолвие нужно тому, кто не в состоянии хорошо охранять себя?»[34]

Итак, это — небесная и величайшая добродетель. Но в чем же, именно, ее величие? Кто имеет право назваться безмолвником? Хотя этому будет посвящено все последующее изложение, но в двух словах надо сказать об этом и здесь.

«Безмолвник тот, кто существо бестелесное усиливается удерживать в пределах телесного дома. Подвиг редкий и удивительный»[35].

Это чеканное определение св. Иоанна Лествичника требует от человека полного неразвлечения всех душевных сил: ума, помыслов, сердечных чувствований — и держания их запертыми в теле, как в доме.

Еще сказал:

«Безмолвник есть земной образ ангела, который на хартии любви рукописанием тщания освободил молитву свою от лености и нерадения. Безмолвник тот, кто явственно вопиет: *готово сердце мое, Боже* (Пс. 57, 8). Безмолвник тот, кто говорит: *аз сплю, а сердце мое бдит* (Песн. 5, 2)»[36].

Таким образом:

«Безмолвие есть непрерывная служба Богу и предстояние пред Ним»[37].

-125-

6. Кто может приступать к подвигу безмолвия?

Далеко не все. Тому, кто хочет безмолвничать, нужны духовная крепость и обладание бесстрастием, а иначе его ожидает страшная гибель в этом «тихом» пристанище, называемом затвором.

«Если человек не будет пренебрегать и почестями, и бесчестиями, и ради безмолвия терпеть поношение, поругание, вред, даже побои, не сделается посмешищем, и видящие его не станут почитать его юродивым и глупцом, — то не возможет он пребыть в благом намерении безмолвия...»[38]

«Недугующий душевной страстью и покушающийся на безмолвие подобен тому, кто соскочил с корабля в море и думает безбедно достигнуть берега на доске», — говорит другой учитель святой жизни[39]. Ибо если в обычной жизни, проходимой посреди братии и под руководством старцев, люди едва-едва спасаются и такой образ подвижничества забирает у человека много сил, то безмолвие — еще того больше: «уединенная жизнь требует ангельской крепости», по словам сего же учителя[40]. Посему у отцов много раз встречаются предупреждения не только не уходить на безмолвие страстным, но даже и не

мечтать об этом[41]. *«Никто из тех, которые подвержены раздражительности и возношению, лицемерию и памятозлобию, да не дерзнет когда-либо увидеть и след безмолвия, чтобы не дойти ему до исступления ума, и только»,* — говорят они[42].

И это еще было бы хорошо, если бы человек страдал в последнем случае в затворе только от собственной дерзости и безрассудства, а то он еще и гнев Божий против себя возбуждает, иными словами, и со стороны Бога не получает помощи в подвиге, а навлекает только на себя наказания. Об этом говорят почти все святые.

«Всякого человека, который прежде совершенного обучения в первой части (подвижничества, т. е. в очищении себя от страстей посредством подвигов, а также страданий и скорбей, получаемых от мира, плоти и диавола. — Еп. Варнава), переходит к сей второй [т. е. безмолвию], — говорит св. Исаак Сирин, — привлекаемый ее сладостью, не говорю уже своею леностью, постигает гнев [Божий] за то, что не умертвил прежде *уды* свои, *яже на земли* (Кол. 3, 5), т. е. не уврачевал немощи помыслов терпеливым упражнением в делании крестного поношения, но дерзнул в уме своем возмечтать о славе крестной. Сие -то и значит сказанное древ-

-126-

ними святыми, что если ум вознамерится взойти на крест прежде, нежели чувства его, исцелясь от немощи, придут в безмолвие, то постигнет Божий гнев., за то, что не очистил прежде ума скорбями, не покорил плотских вожделений, но положившись на то, что слышало ухо и что написано чернилами (т. е. если бы кто теперь сел в затвор, захватив с собой «Добротолюбие» в качестве руководства. — Еп. Варнава), устремился он прямо вперед, идти путем, исполненным мраков, когда сам слеп очами. Ибо и те, у кого зрение здраво, будучи исполнены света и приобретя себе вождей благодати (святых ангелов или ангелоподобных старцев. — Еп. Варнава), день и ночь бывают в опасности, между тем как очи у них полны слез, и они в молитве и в плаче продолжают свое служение целый день, даже и ночь, по причине ужасов, ожидающих их в пути, и встречающихся им страшных стремнин и образов истины, оказывающихся перемешанными с обманчивыми призраками оной»[43].

Но что делать человеку, который не по любочестию, не по лени или еще по чему-либо подобному ушел на безмолвие, а по неведению всего этого и после узнал и смиренно сознал свою ошибку? Начинать ли ему все сначала? Величайший среди безмолвников всех времен, св. Варсонофий Великий, одному из таковых последнего делать не советует, объяснив и причины, почему так, но я отошлю читателя прочесть об этом к самому подлиннику. Скажу только, что самоукорение способно заменить упущенный подвиг безмолвия[44].

Таким образом, в безмолвие идут не для того, чтобы освободить себя от страстей (ибо страсти и не могут быть уничтожены безмолвием, можно только заставить замолчать их, устранивши причины (залоги) их)[45], но чтобы, освободивши себя наперед от страстей, главным образом, посредством послушания и руководства у духовного отца, искать милостей богообщения и непрестанного, насколько возможно, единения со Св. Троицей (Ин. 14, 23), не воображаемого, а действительного, чего, находясь среди житейской молвы, человек достигнуть не может. А у нас в общежитии думают наоборот, что уходят в затвор для каких-то «высших» подвигов. Истинные безмолвники достаточно уже подвизались раньше и

в безмолвии бросали всякий уже подвиг, а если продолжали его, то это было их личное дело, существенно с делом безмолвия не связанное. И если

-127-

бы подвиги нужны были в затворе, то зачем и затворяться: лучше для нас места, как среди братии, и не найти.

Тогда бы, как хорошо говорит св. Исаак Сирин, «некоторые из отцов не оставили бы сопребывания и общения с людьми, а другие не стали бы жить в гробах, и иные не избрали бы себе затвора в уединенном доме, где, всего более расслабив тело и оставив его в несостоянии исполнять наложенные ими на себя правила, при всевозможной немощи и телесном истомлении, с удовольствием целую свою жизнь переносили еще тяжкие постигшие их болезни, от которых не могли стоять на своих ногах, или произнести обычную молитву, или славословить своими устами, но даже не совершали псалма или иного чего, совершаемого телом; и вместо всех правил достаточно для них было одной телесной немощи и безмолвия. Так вели они себя все дни жизни своей. И при всей этой мнимой праздности, никто из них не пожелал оставить своей кельи и, по причине неисполнения ими своих правил, идти куда-нибудь вон или в церквах возвеселить себя гласами и службами других»[46].

«Когда же насладятся они ненасытно, вкусив всех благ безмолвия... тогда не довольствуются уже они теми подвигами, которые подъяли прежде, но, по отдохновении от них в таком утешении и услаждении, подаемом в безмолвии, выходят опять на подвиги в исполнении заповедей Христовых и в добродетелях, телесно являемых, не с тою целью, чтобы сделать добро для самих себя, не спасения ради своего, — хотя это, конечно, будет во спасение, — но с тою целью входят они опять в такие подвиги и начинают подвизаться в них, чтобы делать угодное Богу, Коего любят и Коим любимы (действовать по воле Его, бывая в руках Его благопокорливым орудием). Они уже более не борются с диаволом, как боролись прежде, — терпели от него удары и сами наносили их, — но враги, как только увидят их, приходят в страх и убегают. Еще и тех, которые бывают изранены врагами, они тотчас берут на свое попечение, помазывают елеем раны их, обвязывают и вылечивают; вылечив же, научают, как надобно вести брань с этими врагами, какими орудиями и машинами».

Таково слово св. Симеона Нового Богослова[47] о порядке духовной жизни человека, подвизающегося как должно. Это все равно что получить у нас высшее образование: нужно пройти начальную школу (период новоначалия), среднюю (средняя степень духовного развития) и университет (затвор)[48].

-128-

§ 4. Самоукорение. Плач.

Каждое доброе дело ведет ко спасению, но самоукорение и плач о грехах своих, можно сказать, одни, без всяких иных добродетелей, сильны освободить человека от будущего наказания и ввести непорочным (даже разбойника) в Царство Небесное[1]. Только они одни дают покой человеку в мире, а без них он, «если бы... сделал себе новое небо и новую землю, и тогда бы не мог быть без забот», как выразился однажды Пимен Великий, величайший делатель плача[2]. Ибо почему

люди волнуются, мечутся, негодуют, гневаются, ненавидят, ропщут? — Потому что не укоряют себя и забывают о своих грехах и о том, что они достойны за них понести большие наказания, чем те, которые они терпят. А «если человек *во всем* будет *винить самого себя,* — сказал тот же св. Пимен, — *то везде устоит»*[3].

Вот почему святые отцы и сами шли путем самоукорения (а им ведь укорять-то себя, кажется, не за что было), и настаивали, чтобы это делание спасающиеся клали во главу угла своего спасения.

«Возверзи на Господа печаль твою (Пс. 54, 23), и во всех искушениях своих осуждай сам себя как виновного во всем этом, — учит св. Исаак Сирин[4]. — Ничем не соблазняйся[5] и не укоряй никого из оскорбляющих тебя...»

«Поистине, — говорит авва Дорофей[6], — если человек совершит и тьмы добродетелей, но не будет держаться сего пути [т. е. самоукорения], то он никогда не перестанет оскорбляться и оскорблять других, теряя чрез то все труды свои».

Равноангельный же наставник и отец иночествующих св. Антоний Великий[7] изрек:

«Делание монаха, *превосходящее все другие, самые возвышенные делания его,* заключается в том, чтобы он *исповедовал грехи свои пред Богом и своими старцами, чтобы укорял себя,* чтоб был готов до самого исхода из земной жизни встретить *благодушно всякое искушение».*

Без этих добродетелей *спасение невозможно.*

Камнем преткновения для стяжания этих добродетелей обычно бывает любое самооправдание. Человек никак не может признать себя виноватым. Иногда уже дело так ясно, что он сам виноват в чем-нибудь, — ан нет, сейчас же он по-

-129-

старается вывернуться, подобно ужу или вьюну, и наговорить тысячу всяких вздорных слов (конечно, с обвинением других), лишь бы только не сделать одного поклона и не сказать: «Прости меня, я согрешил... Я ошибся».

«В английской биографии И. С. Тургенева, написанной J. Lloyd'ом, приводится следующий рассказ нашего писателя об одной его беседе с Виктором Гюго.

"Будучи однажды в гостях у Гюго, — рассказывает Тургенев, — я заговорил о немецкой лирике. Виктор Гюго, *не любивший, чтобы кто-нибудь говорил в его присутствии, прервал* меня и стал набрасывать портрет Гете.

— Его лучшее произведение, — сказал он олимпийским тоном, — безусловно, "Валленштейн".

— Извините, дорогой метр, — сказал я, — "Валленштейн" написан не Гете, а Шиллером.

— Для меня это безразлично: *я не читал ни того, ни другого. Но я знаю их лучше, чем те, которые учили их наизусть"»*[8].

Одних этих слов: «Для меня безразлично... я не читал, но знаю лучше других» — для разумного человека достаточно, чтобы оплевать все мирское, всю светскую мудрость и славу и уйти в пустыню для вычищения из сердца своей собственной подобной гнили...

Самооправдание, чтобы утвердиться в человеке и не дать самоукорению возвыситься над собою, выискивает всяческие предлоги.

«Раз я не виноват, и он не за дело меня бранит, то в чем же мне себя укорять?» — говорит иной. Но мы так говорим из незнания духовной жизни. Мы оземлянились и, что особенно свойственно XX веку, воспитались в материали-

стических понятиях. (Особенно это относится к интеллигентам, которых с ранних лет начинают пичкать сведениями о разных законах физики, химии, биологии. Таким образом, люди, сталкиваясь с известными явлениями духовной жизни как в теории, так и на практике, ищут для них *ближайших,* поверхностных причин и, найдя, все дело ими одними и объясняют.) Упала чашка на пол — значит, ее уронили, столкнули, потому что «она сама падать не может»[9]; показалось, что такой-то или такая-то чем-нибудь грешат, начинаем утверждать уже как *непреложный* факт: «Ведь я собственными глазами видел», — с запальчивостью отстаивает иной свою «правоту»[10].

-130-

Но тому, кто вступил на путь спасения, на котором постоянно у нас шныряют под ногами бесы, превращающие белое в черное и черное в белое, никак верить себе нельзя. Все должно поверять вопрошанием духовного отца. Также и приписывать никому ничего нельзя, ибо в духовной жизни события не обязаны идти одно за другим, подобно картинкам в кинематографической ленте, — одна ушла с экрана, сейчас же на ее место встанет следующая, ее пополняющая и с нею неразрывно связанная, которые в общем и дают связную историю, составленную по известному плану.

Вот пример. Мы оскорбили в гневе кого-нибудь, но он был тогда в благодушном настроении или, может быть, после молитвы получил умиление, и ему не до людей было, и он смолчал. Но вот проходит 2-3 дня или неделя, и обстоятельства переменились. Мы находимся в хорошем расположении духа, а тот человек, наоборот, в дурном. Подходим к нему, желая поделиться какою-либо радостью, новостью — одним словом, с мирным, приветливым чувством, а в это время тому бес шепчет: «Видишь, твой оскорбитель идет... Ему весело, а ты вот хнычь тут... Чего смотришь, всыпь ему на память, чтобы после никогда не приставал...» И мы получаем в обмен на свои открытые объятия брань, попреки, гневный прием. И после — не ведая, что происходило невидимо, — в свою очередь, упрекаем брата, оправдываемся, что мы-де не виноваты, стараемся доказать, что он неправ. Дело иногда доходит до большой ссоры.

Иногда *промыслительно*[11] *Бог попускает спустя долгое время быть наказаниям за наши грехи, и, когда мы не ожидаем, приходит Его приговор.* На что же здесь роптать? И как, наоборот, не укорять себя? Разве лучше было бы, если бы Господь наказывал грешников всегда на месте преступления, а не отлагал наказания в ожидании их раскаяния? Ведь бывает, что человек спохватится уже через год-два и тогда только начнет плакать о совершенном когда-то грехе, и то лишь под влиянием каких-либо скорбных и неожиданных напоминаний.

Вообще, мы всегда очень мало знаем о причинах, по которым происходят те или иные события. Так говорят обычно и в миру. А я бы сказал, что мы *совсем не знаем* этих причин. Для того чтобы человек знал их, он должен прозирать в души своих ближних, в прошедшее, настоящее и будущее, должен знать Суды Божий и козни диавольские. Но кто возьмет на себя это, если он не обезумел?

-131-

Не бывает ли так? Живет человек, и кажется ему, что он все хорошо и как надо делает. Но пройдет несколько месяцев и — если он духовно (да даже и плотски) развивается — замечает, что он вовсе не так и не как должно рассуждал, а надо по-другому. Наконец еще некоторое время проходит, и оказывается, что и последние

рассуждения худы были, и тот, кто его учил тогда, был прав, но он этого не замечал и не сознавал (1 Кор. 13, 11). Так, даже мы сами при благоприятных обстоятельствах в иное время замечаем свою неправоту, которой не видели раньше и которой никак не могли себе приписать. Поэтому, когда получаем от ближних оскорбление и в то же время не находим в себе вины, будем во всем всегда укорять *себя, а* не их. Не находим вины ведь мы, а мы — слепы. Если бы мы обратились к духоносным людям, то они бы нам указали, в чем наша вина. Во всяком случае, мы ее после своей смерти узнаем.

Разные бывают случаи. Рассказывает преп. авва Дорофей[12].

«Однажды пришли ко мне два брата, скорбевшие один на другого. И старший говорил о младшем:

— Когда я приказываю ему что-либо сделать, он скорбит, а я тоже скорблю, думая, что если бы он имел ко мне доверие и любовь, то принимал бы слова мои с уверенностью.

— Прости, авва, — сказал младший, — он говорит мне вовсе не со страхом Божиим, но повелевает, как властелин, и я думаю, что потому и не располагается к доверию сердце мое, как говорят отцы.

Заметьте, как оба они укоряют друг друга, и ни один из них не укорил себя.

Также и других двое скорбели друг на друга и, поклонившись один другому, не получили успокоения.

— Он не от сердца поклонился мне, — говорил один, — и потому я не успокоился, ибо так сказали отцы.

— Так как он не был приготовлен любовью ко мне, когда я просил у него прощения, — оправдывался другой, — то посему и я не успокоился...

Видишь ли, господине, какое смешное суждение!..

Бог знает, как я ужасаюсь, что и самые изречения отцов наших мы употребляем сообразно с лукавою волею нашею и к погибели душ наших.

Каждому из них надлежало возложить вину на самого себя, и один должен был сказать:

-132-

— Так как я не от сердца поклонился брату моему, то поэтому Бог и не расположил его ко мне.

— Так как я не был приготовлен любовью к брату моему прежде, нежели он просил прощения, то посему Бог и не расположил его ко мне, — должен был сказать другой.

Так же следовало поступить и двум вышеупомянутым. Один должен был сказать:

— Я говорю властительски, и потому Бог не располагает брата моего в доверии ко мне.

А другой должен был помышлять:

— Брат мой со смирением и любовью приказывает мне, но я не послушен и не имею страха Божия.

И ни один из них не нашел пути к самоукорению, напротив, каждый возлагал вину на ближнего. *Вот почему мы и не преуспеваем, вот почему и не получаем ни от чего пользы,* но все время наше проводим в противлении друг другу и мучим сами себя. Так как каждый оправдывает себя, каждый, как я прежде сказал, позволяет себе ничего не соблюдать, а от ближнего требуем исполнения заповеди,

потому мы и не можем прийти в познание доброго. Ибо, если хотя мало научимся чему-либо, тотчас и от ближнего требуем того же, укоряя его и говоря: он должен был это сделать; почему же он так не сделал?»

«Почему мы лучше от себя не требуем исполнения заповедей и не укоряем себя в несоблюдении их?» — спрашивает знаменитый авва и всех нас, заканчивая свой рассказ.

Даже когда мы не получаем и самого необходимого, в материальном и духовном смысле, и тогда мы всячески должны осуждать, как недостойных получить это, себя, а не других. Пусть то, от малого количества чего успокоится наша душа и чего мы не имеем, находится у других людей в изобилии, чем они пренебрегают и что бросают собакам, но мы не должны роптать (Лк. 16, 21).

Вот как поступали святые. Когда преп. Досифей был в последнем периоде чахотки, лежал и харкал кровью (умер в конце VI или в начале VII века молодым юношей от подвигов, расстроивших его здоровье, ибо он был нежного, благородного воспитания), однажды услыхал от кого-то, что недоваренные яйца помогают в его положении. Это было известно и его старцу преп. Дорофею, смотрителю больницы, который за множеством дел забыл про это. Досифей сказал ему:

-133-

— Отче, хочу сказать тебе, что я слышал о вещи, полезной для меня, но не хочу, чтобы ты дал мне ее, потому что помысл о ней беспокоит меня.

Дорофей отвечал ему на это:

— Скажи мне, чадо, какая эта вещь?

— Дай мне слово, что ты не дашь ее, потому что, как я сказал, помысл смущает меня о сем.

— Хорошо, я сделаю, как ты желаешь. Тогда больной сказал ему:

— Я слышал от некоторых, что недоваренные яйца полезны харкающим кровью. Но, Господа ради, *если тебе угодно,* чего ты *прежде не дал мне сам от себя,* того не давай мне и теперь ради моего помысла.

— Хорошо, — отвечал авва, — если не хочешь, это я не дам тебе, только не скорби.

И он старался вместо яиц давать ему другие полезные для него лекарства, ибо Досифей прежде сказал, что помысл смущает его касательно яиц. «Вот как он подвизался отсечь свою волю, даже и в такой болезни», — заключает его современник, другой ученик аввы Дорофея[13].

Равным образом и на недостаток духовных благ нельзя роптать, а должно укорять себя за то, что не очистили себя от страстей так, чтобы быть достойными их принять. А то у нас часто такие слышишь фразы среди духовных детей про своего старца: «Вот он с такой-то или с таким-то целый час, а то и два-три беседует, в келье принимает, чаем поит, ласковые слова говорит; мне же дозарезу нужно спросить, а подойти боишься, никогда не поговорит как следует...»

Полезно таким выслушать следующую историю про св. Иоанна Фивейского, ученика аввы Амоя[14].

«Он 12 лет служил великому святому, когда тот был болен, и сидел с ним на рогоже[15]. Но старец не обращал на него внимания. И хотя Иоанн много трудился для него, но старец никогда не сказал ему: будь спасен [по-нашему спа-си-бо

(спаси Бог) — σωθης]. Когда же старец приблизился к смерти и к нему собрались старцы, то взял за руку его и сказал ему:

— Будь спасен! Будь спасен! Будь спасен!

И обратившись к святым отцам, поручил его им, говоря:

— Это ангел, а не человек!»

Так приходили в совершенство великие святые. Мы обращаем внимание на их сверхъестественные телесные

-134-

труды и унываем, с ропотом говорим: «Кто их может понести, они невероятны... Я не могу вместить их... Куда нам...» Но почему мы забываем их духовное делание? Ведь диавол за язык нас не тянет?..

Святые отцы приводят и иные примеры обычных искушений[16], когда люди стараются скинуть с себя тяжесть испытания и переложить ее, вопреки заповеди апостола, на чужие плечи (Гал. 6, 2), но для нас довольно и этого. Можно только одно сказать, что, понимаем ли мы свою вину или не видим ее и не сознаем себя повинными в чем-то, мы должны в обоих случаях признавать себя виновными. Святые отцы *никогда не оправдывались* в том, в чем их обвиняли, хотя бы и в безнравственных поступках, к которым они никогда не приближались даже мыслью[17]. Только когда называли их еретиками, оправдывались. Да и какой смысл расточать слова и доказательства в защиту своей чести или доброго имени? Доказывать надо не словами, а хорошими делами, и если мы посильно исполняем заповеди Божий и нас все-таки обвиняют, то претерпим клевету (Мф. 5, 11-12); ибо если дела, которые вообще сильнее действуют, не убеждают людей в нашей невиновности, то как могут убедить слова? Если же мы не достигли такой высоты, чтобы на все молчать (Мф. 27, 24)[18], то со смирением и страхом Божиим, когда грозит нам большая опасность и наказание, скажем истину: как было дело и что мы не виноваты, — и если нас не слушают, то настаивать на своей правоте не полагается[19]. А если мы сами кругом виноваты да еще стараемся оправдаться, то, ясное дело, подобным поведением заранее сами раздуваем себе геенну[20].

Приведу два примера.

1. Авва Макарий Великий рассказывал о себе[21]: «Когда я был молод и жил в келье в Египте, взяли меня и сделали клириком в селе. Не желая быть клириком, я убежал в другое место. Сюда ходил ко мне благочестивый мирянин, брал мое рукоделие и доставлял мне нужное. По искушению диавольскому, одна девица в том селе впала в любодеяние. Когда она зачала во чреве, спрашивали ее:

— Кто виновник этого? Она отвечала:

— Отшельник.

Тогда пришли и взяли меня в село, навесили мне на

-135-

шею закопченных горшков и ручек от посуды и водили меня по улице, били и кричали: "Этот монах растлил нашу девицу. Возьмите его, возьмите!" И избили меня едва не до смерти.

Подошел один старик и сказал:

— Долго ли вам бить этого монаха, странника?

А мирянин, служивший мне, шел за мною весь в стыде. И его много ругали, говоря: "Вот отшельник, которого ты хвалил! Что он сделал?" А родители девицы

говорили: "Мы не отпустим его, пока не представит нам поручителя, что будет кормить ее".

Я попросил служившего мне мирянина, и он поручился за меня. Возвратившись в свою келью, я отдал ему корзины, сколько имел их, и сказал:

— Продай и отдай жене моей на пропитание.

И говорил самому себе: "Макарий, вот нашел ты себе жену: теперь тебе надобно немного побольше работать, чтобы кормить ее". Работал я день и ночь и посылал ей. Когда же пришло время родить несчастной, то она много дней мучилась и не могла родить. Говорят ей:

— Что это значит?

— Знаю, — отвечала она, — я оклеветала отшельника и ложно обвинила его. Не он сделал это, а такой-то юноша!

Тогда служивший мне мирянин пришел ко мне с радостью и сказал:

— Та девица не могла родить, пока не призналась, что отшельник не виноват и что она солгала на тебя. И вот все село с почестью хочет идти сюда и просить у тебя прощения.

Услышав об этом и избегая беспокойства от людей, я встал и убежал сюда, в скит. Вот первая причина, по которой я пришел сюда!»

2. Рассказывали об авве Агафоне следующее.

«Пришли к нему некоторые, услышав о великой его рассудительности. Желая испытать, не рассердится ли он, спрашивают его:

— Ты Агафон? Мы слышали о тебе, что ты блудник и гордец?

Он отвечал:

— Да, это правда.

Они опять спрашивают его:

— Ты Агафон, пустослов и клеветник?

-136-

-Я.

— Ты, Агафон, еретик?

— Нет, я не еретик, — отвечал он. Затем спросили его:

— Скажи нам, почему ты на первые вопросы соглашался, а последнего не вынес?

Он отвечал им:

— Первые пороки я признаю за собою. Ибо это признание полезно душе моей. А быть еретиком значит быть в отлучении от Бога, но быть отлученным от Бога я не хочу»[22].

Самоукорение, самоуничижение, сокрушение духа[23] приводят *к плачу* — величайшему подвижническому деланию. Оно необходимо для человека, в нем-то, собственно, и заключается все дело, а предшествующие добродетели удобряют для него только почву, ступеньки к нему. Плач — могущественнейшее *средство* для стяжания добродетелей и в то же время *защита,* покров для них, когда они уже приобретены. Вот почему авва Пимен Великий, преизящный делатель плача, сказал однажды:

«Кто плачет о грехах своих, тот делает *вдвое:* он и работает, и стоит на своей страже»[24].

Он же сказал[25]: «Плач — сугуб [приносит двоякую пользу]: делает и хранит».

Все святые не что иное делали, как только плакали о грехах своих[26]; этим и приобретали свои великие дары чудотворения, прозорливости, видения, откровения. В миру у нас совершенно неправильно установилось мнение, что они совершали нечто особенное, непонятное нам и недоступное. Недоступна и непонятна только *степень* их совершенства, а делание просто — плач о грехах[27]. Все же перечисленное — это приложение к нему, оно само собою уже влечется за ним.

«Желающий избавиться от грехов избавляется от них плачем, — и желающий не впадать вновь в грехи плачем же избегает от впадения в них. Это — путь покаяния, преданный нам Писанием и отцами, которые сказали: плачьте! *Другого пути, кроме плача, нет»*[28].

«Не на брачный пир, о друзья, не на брачный пир мы приглашены, — убеждает со слезами другой великий, — но

-137-

Призвавший нас сюда поистине призвал на плач о самих себе»[29].

И опять:

«Мы не будем обвинены, о братия, не будем обвинены при исходе нашей души за то, что не творили чудес, что не богословствовали, что не достигли видения, но, без сомнения, *дадим Богу ответ за то, что не плакали непрестанно о грехах своих»*[30].

Соответственно словам было и поведение святых: они плакали, стенали, проливали источники <слез>, не имея ни в чем утешения.

Так, сказывали об авве Арсении Великом, что «во все время жизни своей, сидя за рукоделием, он имел в пазухе платок для утирания слез, падающих из очей его»[31].

Св. Иоанн Лествичник удалялся от келий братии в одну пещеру, чтобы его не было слышно и видно (бегал тщеславия), и здесь с великим воплем и рыданиями предавался плачу о своих грехах; стенания и болезненные взывания эти были подобны тем, «которые обыкновенно испускают пронзаемые мечами, или прободаемые разженным железом, или лишаемые очей», говорит его современник[32].

Но еще преп. Дорофей спрашивал авву Иоанна, называемого Пророком: «...как же мне сохранить плач, когда я нахожусь среди людей, служу другим и забочусь о том, что кому дать из больных [он был смотрителем больницы]? И есть ли *сердечный плач без слез?»*

И тот ему ответил[33]:

«Не плач происходит от слез, а слезы от плача. Если человек, находясь среди других, отсекает свою волю и не обращает внимания на чужие грехи, то приобретает плач. Ибо чрез это собираются его помыслы и, собираясь таким образом, рождают в сердце печаль по Богу (2 Кор. 7, 10), а *печаль эта — слезы».*

Но, конечно, это первая ступень, ибо с новоначального (каким тогда был преп. Дорофей) больше и требовать нельзя. А главное в плаче, все-таки, слезы. Однако в то же самое время святой старец выразил в своих словах самую основу этой добродетели и показал, что она заключается в скорби души по Богу и по утраченной чистоте. Тогда и без слез плач будет, а если этого нет, то если бы слезы и в три ручья у нас лились, толку от них нет. И в подвижническом, священнейшем смысле слова, плача нет здесь. Но вопрос о сле-

-138-

зах настолько важен, что о нем надобно сказать поподробнее.

Не все слезы ценны. Это положительно нужно сказать, если мы только что начали жить духовной жизнью, хотя отрицать пользу их и нельзя, если мы льем их *по Богу.* А какая это польза, узнаем на том свете[34]. Во всяком случае, невелика.

Ценность слез умаляется именно потому, что у новоначальных или людей, не имеющих духовной жизни, те побуждения, по которым они текут, обычно только по внешности кажутся добрыми и *по Богу,* а на самом деле они нечистого происхождения или, во всяком случае, смешанного и требующего исследования.

«Слезы бывают естественные, которые мы проливаем об умерших, — говорит св. Анастасий Синаит[35]. — Бывают слезы бесовские, когда кто плачет из тщеславия или ради какого-либо вожделения бесовского. Бывают слезы от пьянства и многосочной пищи. Но бывают слезы и очистительные, которые рождаются от страха Божия, от воспоминания о смерти и о вечной муке».

То же читаем у Иоанна Лествичника, который указывает следующие причины происхождения слез у подобного рода людей: «...от естества, от Бога, от неправильной скорби и от скорби истинной, от тщеславия, от блудной страсти, от любви, от памяти смерти и от многих других побуждений»[36]. <...>

Чтобы слезы были ценны и спасительны, нужно, чтобы они происходили от размышления о будущем разлучении нашей души от тела[37]. Но как узнать, не примешивается ли сюда что-либо нехорошее, ибо демоны очень коварны и всюду вмешиваются?[38] Для этого надо исследовать самые свойства нашего преуспеяния, если его действительно можно назвать таковым.

Если плач у человека истинный, по Богу, то первый плод его есть воздержание и молчание уст; вторая ступень — безгневие и непамятозлобие; а совершенные и святые от долголетнего плача приобретают величайшее смиренномудрие, жажду бесчестий, ненасытимое желание невольных скорбей, неосуждение согрешающих, милосердие превыше силы[39].

Кто плачет по Богу, тот перестает бояться, оставаясь один в самых уединенных и мрачных местах и слыша вокруг себя «шум скаканий бесовских»[40].

-139-

Ибо боятся только тщеславные (думающие о себе, что они нечто значат для демонов и что в состоянии их видеть)[41], а плачущий нелицемерно угашает в себе все страсти[42].

Если, наоборот, плач у человека лживый, прелестный (хотя бы сам он и думал, что плачет ради Бога), то у такого одновременно с плачем живет непременно в сердце и раздражительность с гордостью. При этом ум подобного человека иногда тонко возносится над окружающими и осуждает их за то, что они этого дара не имеют[43], а если кто-то из окружающих имеет дар плача, то завидует тому.

Прибавлю несколько слов еще о плаче совершенных. Хотя в практическом отношении они едва ли пригодятся кому в нынешнем веке, но они могут разрешить некоторые недоуменные и смущающие вопросы, что зачем-де самый плач-то и какое же в нем утешение для человека, о чем постоянно говорится не только у святых отцов, но и в самом Писании.

«Бог не требует, братия, и не желает, чтобы человек плакал от болезни сердца, — говорит св. Иоанн, досточудный игумен Синайский[44], — но чтобы от любви к Нему радовался душевным *смехом.* Отыми грех, и излишни будут болезненные

слезы чувственным очам; ибо когда нет раны, то не нужен и пластырь. У Адама прежде преступления не было слез, как не будет их и по воскресении, когда грех упразднится; ибо тогда отбежит болезнь, печаль и воздыхание (Ис. 35, 10)».

Отсюда следует, что если человек воскреснет еще здесь, на земле, прежде всеобщего воскресения[45], то есть *страстию* Христовою, Его страданиями *смертное* и страстное свое тело облачит в *благолепие нетления* бесстрастия[46] (1 Кор. 15, 53), соделает его свободным от греха (Рим. 6, 6-14; 1 Пет. 4, 1; 1 Ин. 3, 9), то он перестанет в своем плаче находить муку, но обретет некое невыразимое духовное услаждение, так называемый *радостотворный плач,* по чеканному выражению Иоанна Лествичника, «духовный смех»[47]. Сделать же так, чтобы печаль и слезы вместо скорби доставляли человеку радость, может один только Бог. Итак, благодатные слезы святых есть поистине дар Господень[48].

Таким образом, находим следующий порядок в этом делании. Сперва идут у человека слезы горькие, а потом радо-

-140-

стные, вначале — от страха пред геенной и Страшным Судией, а в конце — от любви к благостному Богу, благоволившему все простить человеку и ниспославшему ему даже Свою благодать в виде дара чудотворений, пророчеств и прочих даров[49].

Как у всякой добродетели, так и у плача есть свои условия, при которых он или процветает, или уничтожается.

Возделывают его:

1.. Удаление в помыслах *от мира, оставление забот* о преходящих и тленных вещах, *омертвение* ко всему окружающему[50].

Поскольку подвизающийся ревностнее подвизается в этих добродетелях, постольку скорее и глубже входит в делание истинного плача.

2. *Память смерти и загробной участи.*

«Не переставай воображать[51] и вспоминать бездну темного[52] огня, — учат святые отцы[53] немилостивых служителей. — Судию немилосердного и неумолимого, бесконечную глубину преисподнего пламени и тесные сходы в подземные места, ужасные пропасти и другое сему подобное, чтобы гнездящаяся в душе нашей похотливость истребилась великим страхом и душа соединилась с нетленною чистотою и приняла в себя сияние невещественного света, блистающего паче всякого огня»[54].

3. *Воздержание языка и отсечение воли.*

«Праведен и преподобен Господь, — говорит св. Иоанн Лествичник[55], — безмолвствующим с рассуждением Он премудро дарует умиление и благоразумно повинующегося ежедневно веселит. А кто ни того, ни другого пути не проходит законным образом, тому плач не дается».

4. *Телесное воздержание* в пище, питии, сне и прочем. «Безболезненность сердца ослепляет ум, — вещает все

тот же приснопамятный муж, — а множество брашен иссушает источники слез. Жажда и бдение стесняет сердце, а когда сердце стесняется, тогда произникают слезные воды. Сказанное мною для угождающих чреву покажется жестоким, а для ленивых невероятным, но деятельный муж на деле усердно испытает это. Кто узнал сие опытом, тот возрадуется о сем; а кто еще ищет, тот не обойдется без печали»[56].

Зная это, бесы часто строят козни человеку, зло над ним издеваясь. Так, когда нам после насыщения придется

-141-

встать на молитву, они приступают к нам и возбуждают в нас умиление (конечно, свое, блудное, которое мы еще, по младенчеству нашего духовного опыта, не можем отличить от настоящего). И наоборот, когда постимся, ожесточают наше сердце, так что тогда из очей не выдавишь ни одной слезинки. Делают же это затем, чтобы заставить нас поверить, что пост нисколько не влияет на производство слез и что наслаждение пищею не опасно. Но им не должно покоряться, а нужно делать противное[57]. *Уничтожает плач:*

1. *Пристрастие и интерес к предметам богословского (догматического) характера.*

<...>

Еще уничтожают плач:

2. *Дерзость*[58], или вольное обращение.

3. *Самомнение*[59].

4. *Невоздержание* телесное[60].

Но, кроме всего благоприятствующего плачу, необходимо иметь *постоянство* в подвиге и напряженно, ежеминутно следить за собою. Иначе, если душа наша сегодня сокрушается, окаявает себя, кладет бесчисленные поклоны, проливает источники слез, а завтра будет услаждаться весельем, нехорошими беседами, пирами или еще худшим (ср. поступки царя Иоанна Грозного), то не подвинется на пути спасения нисколько.

Об этом и Премудрый сказал:

Омывайся от мертвеца и паки прикасайся ему, коя польза ему от бани?[61] *Тако человек постяйся о гресех своих и паки ходяй и таяжде творяй, мольбу его кто услышит, и что успе смирением своим?* (Сир. 34, 25-26.)

«Как раки удобно ловятся, потому что ползают то вперед, то назад, — говорит св. Иоанн Лествичник[62], — так и душа, которая иногда плачет, иногда смеется, иногда наслаждается, никакой не может получить пользы».

Но в общем, даже при самых лучших условиях и стараниях, человек нескоро получает утешение и восходит в блаженный покой истинных рабов Божиих.

Преподобная мать Синклитикия Александрийская, известная подвижница среди великих отцов Древнего Востока, говорила[63]:

«Много подвигов и трудов сначала предстоит приходящим к Богу; но за ними — неизглаголанная радость. Ибо

-142-

как желающие воспламенить огонь сперва задыхаются от дыма и испускают слезы, а потом уже достигают, чего ищут, так и мы должны воспламенять в себе Божественный огонь со слезами и трудами. Ибо Писание говорит: *Бог наш огнь поядаяй есть* (Евр. 12, 29)».

А приобретши это сокровище плача с таким трудом, надо его *тщательно хранить.*

«Часто одно слово истребляет плач, — говорит достоблаженный авва Иоанн Синайский[64], — но было бы чудно, если бы одно же слово и возвращало оный».

§ 5. Смирение.

I. Что оно такое?

«Никакое слово не может изъяснить его качество»[1], и «кто думает одним сказанием своим просветить и научить невкусивших сего самым делом, тот делает нечто подобное человеку, вознамерившемуся словами и примерами дать понятие о сладости меда тем, которые никогда его не вкушали»[2]. Одно только можно сказать, что оно необходимо для спасения.

«Многие получили спасение без прорицаний и осияний, без знамений и чудес, — говорит св. Иоанн Лествичник[3], — *но без смирения никто не внидет в небесный чертог».* И *«если увидим или услышим, что кто-нибудь, в продолжение немногих лет, приобрел высочайшее бесстрастие, верь, что такой шествовал не иным путем, но сим блаженным и кратким».*

Трудность объяснения и понимания смирения заключается в том, что для плотского разума совершенно непонятно, как человек, святой и, конечно, сознающий, что он не только не творит больших грехов, но избегает, как огня, и малейших предосудительных мыслей, как может такой человек после этого считать себя хуже всех разбойников, скотов и самых бесов. Ему кажется все это лицемерием, фарисейством или просто безумием.

Вот пример из давно прошедших времен, когда со святыми чудотворцами разговаривали запросто. Рассказывает преп. авва Дорофей:

«Некогда авва Зосима говорил о смирении, а какой-то софист[4] [теперь бы сказали «интеллигент» — без иронии,

-143-

однако ж, — образованный светский человек], тут находившийся, слыша, что он говорит, и желая понять (это) в точности, спросил его:

— Скажи мне, как ты считаешь себя грешным? Разве ты не знаешь, что ты свят? Разве не знаешь, что имеешь добродетели? Ведь ты видишь, как исполняешь заповеди? Как же ты, поступая так, считаешь себя грешным?

Старец же не находился, какой дать ему ответ, а только говорил:

— Не знаю, что сказать тебе, но считаю себя грешным. Софист же настаивал на своем, желая узнать, как это

может быть. Тогда старец, не находя, как ему это объяснить, начал говорить ему со своею святою простотою:

— Не смущай меня; я подлинно считаю себя таким. Видя, что старец недоумевает, как отвечать софисту, я

сказал ему:

— Не то же ли самое бывает и в софистическом, и врачебном искусствах? Когда кто хорошо обучится искусству и занимается им, то, по мере упражнения в оном, врач или софист приобретает некоторый навык, а сказать не может и не умеет объяснить, как он стал опытен в деле... Так и в смирении: от исполнения заповедей бывает некоторая привычка к смирению, и нельзя выразить это словом.

Когда авва Зосима услышал это, он обрадовался, тотчас обнял меня и сказал:

— Ты постиг дело, оно точно так бывает, как ты сказал. И софист, услышав эти слова, остался доволен и согласен с ними»[5].

Таким образом, все слова, которыми стараются описать смирение, желая его хоть сколько-нибудь приблизить к сознанию и понятию обычного человека,

нисколько не объясняют самого состояния этой добродетели, а только указывают на ее внешнее проявление, на ее значение, на путь к ней. Самое же смирение божественно по своему существу и потому словами невыразимо; оно познается только опытом.

Однако и внешнее описание смиренных чувств и расположений поможет внимательно проходящим путь спасения, с одной стороны, понять, что без смирения спасение невозможно и что оно есть даже краеугольный камень спасения, а с другой — разобраться, имеют ли они сами смирение и на какой ступени его стоят.

-144-

Добродетель смирения — царица добродетелей[6], «несказанная красота наших душ, фзн Ьнюххмпн чЬсйн», как ее называет св. Симеон Новый Богослов[7].

Святые отцы называют обычно эту добродетель «безымянною»[8], потому что силы ее внутренней никто не знает, кроме тех, которые постигли ее собственным опытом, а таких людей очень мало. Во всяком случае, даже среди православных их нелегко отыскать, а среди еретиков таковых и быть не может.

«Невозможно пламени происходить от снега; еще более невозможно быть смиренномудрию в иноверном или еретике, — говорит небошественный Иоанн, списатель «Лест-вицы». — Исправление это принадлежит одним православным, благочестивым и уже очищенным»[9].

Отсюда видно, как неосторожны, погрешительны и, в лучшем случае, сами не знают, что говорят, те, которые разглагольствуют о «смирении» разных Францисков Ассизских, сектантов всех толков и даже о «смирении» неве-ров-ученых... Последние могут произносить смиренные слова и совершать смиренные поступки, но это так же далеко от смирения, как небо от земли, и одно с другим могут смешивать лишь люди, знакомые с житиями святых только в передаче Анатоля Франса или Сельмы Лагерлёф.

С только что изложенным тесно соприкасается вопрос о *степенях* смирения. Действительно, смирение начинается с малого, с земного, внешнего, которое, понятно, и грешный, плотской человек может исполнять и которому даже невер может подражать. Но, продолжу словами св. Симеона Нового Богослова[10], «иное есть говорить смиренные слова, а иное — иметь смиренное мудрование. Иное, опять, есть смирение, а иное — цвет смирения, и иное — плод его. Иное есть красота плода его, а иное — сладость его, и иное — действия, бывающие от плода сего. Из этого, сказанного мною о смирении, иное есть в нашей, а иное — не в нашей власти. В нашей власти — помышлять о том, что располагает нас к смирению, мудрствовать о том, рассуждать, говорить и то делать; но само святое смирение, с его существенными свойствами, дарами и действами, не в нашей власти, но есть дар Божий, чтобы не вздумал кто хвалиться даже и этим».

Характеристику степеней смиренномудрия и перевод только что приведенных образных выражений св. Симеона на язык практики духовного делания дает преп. Иоанн Лествичник[11].

-145-

Пусть каждый проэкзаменует себя, в каком чине спасающихся он находится — новоначальном, среднем — или еще не вступил ни в один из них.

«Когда начнет в нас процветать священный грозд смирения, тогда мы, хотя и с трудом, возненавидим всякую славу и похвалу человеческую, отгоняя от себя раздражительность и гнев.

Когда же смиренномудрие, сия царица добродетелей, начнет преуспевать в нашей душе духовным возрастом, тогда не только за ничто почитаем наши все добрые дела, но и вменяем их в мерзость, думая, что мы ежедневно прилагаем к бремени наших грехов, неведомым для нас расточением, и что богатство дарований, которые получаем от Бога и которых мы недостойны, послужит к умножению наших мучений в грядущем веке. Поэтому ум бывает в то время неокрадом, затворившись в ковчеге смирения, и только слышит вокруг себя топот и игры невидимых татей[12], но ни один из них не может ввести его в искушение, ибо смирение есть такое хранилище сокровища, которое для хищников неприступно»[13].

«Итак, мы дерзнули любомудрствовать в немногих словах о *цветоносны* и *первом преуспеянии* сего присноцветущего плода; а какова совершенная почесть священнейшего смиренномудрия, о том вопросите Самого Господа, ближайшие Его други, — обращается смиренно преп. Иоанн к преподобным, достигшим этой ступени. — О *количестве* богатства сего говорить невозможно; о *качестве* — еще труднее; однако о *свойстве* ее покусимся сказать по данному нам разумению»[14].

«Первое... из свойств... состоит в радостнейшем подъятии уничижений, когда душа распростертыми руками принимает и объемлет их как врачевство, исцеляющее и попаляющее ее недуги и великие грехи. Второе же по сем свойство есть истребление всякого гнева, и в утоление последнего — смирение. А третья и превосходнейшая степень есть совершенное неверование своим добродетелям, и всегдашнее желание научиться»[15].

Чтобы быть нам ближе к истине, не забудем, что речь здесь идет о великих чудотворцах и пророках, а не о грешниках. А если разбойник «не верит» своим добрым делам, которых он и не совершал, это еще не великое дело. Но с

-146-

другой стороны, какое утешение для совести, обремененной грехами, что и в этом случае Господь принимает смиренное сознание своего недостоинства, как великие дары святых богачей (Мк. 12, 41; Лк. 23, 42-43)!

Итак, что такое смирение по существу, выразить нельзя, можно только описать свойства его. О них-то и будем говорить под разными углами зрения.

II. Путь к смирению

«Поспешающий к оному необуреваемому пристанищу смиренномудрия да не престанет делать все, что может, и да понуждается и словами, и помышлениями, и разными способами, исследованиями и изысканиями, и всем житием, и ухищрениями, творя молитвы и моления, размышляя, придумывая и все средства изобретая, доколе содействием Божиим и пребыванием в уничиженнейших и наиболее презираемых состояниях и трудах не избавится ладья души его от бедствий приснобурного моря тщеславия; ибо избавившийся от сей страсти получает удобное оправдание от всех прочих своих грехов, как евангельский мытарь»[16].

Таким образом, нет определенных правил, исполняя которые, можно достигнуть смирения. Но нужно всеми способами выискивать его, пользоваться каждым случаем и минутой для приобретения сего сокровища. Какие обстоятельства нас смиряют, то и возлюбим, за теми и погонимся. Ничего не будем упускать, что

Промысл Божий направляет в наши руки и с помощью чего можно смиряться — терпя от людей бесчестие, выговоры, наказания, клевету, гонения. Будем наблюдать только, чтобы искушения были по силам и не были вызваны нашими же словопрениями, грубым обращением, дерзостью (1 Пет. 2, 19-21; 4, 14-16). Это самый скорый путь спасения.

Однако чтобы не растеряться новоначальному на первых порах, можно точно перечислить некоторые из способов достижения смирения и выделить из них наиболее главные и существенные.

Вообще говоря, воспитанию в нас смирения помогают: «нестяжательность, уклонение от мира, утаение своей мудрости, простота речи, прошение милостыни, скрытие благородия, изгнание дерзновения[17], удаление многословия»[18], телесные подвиги, совершаемые разумно[19], благочиние во всем внешнем поведении[20] и многое другое[21], о

-147-

чем нет возможности и особой нужды говорить здесь пространно.

Но главное средство — это правость сердца и *послушание*[22]·. Последнее, собственно, рождает бесстрастие, сподобляет человека прозорливости и привлекает на него все милости и дары Божий. Истинные послушники — безмолвны, безответны, терпеливы, мужественны, ревностны, то есть обладают всеми теми качествами, с которых мы начали этот раздел.

III. Как узнать, достиг ли человек смирения?

Мне уже приходилось однажды говорить по данному поводу[23]. Теперь я более подробно коснусь этого предмета. В сущности, будет представлено более подробное раскрытие тех трех степеней смирения, о которых говорилось выше.

Начавшим недавно подвизаться можно предложить следующее испытание: «...если в истинном чувстве души будем думать, что каждый ближний наш превосходнее нас, то милость Божия недалека от нас»[24].

Еще более смирения имеет тот, кто, будучи укорен другим, не уменьшает к нему любви. Но меньшую степень смирения проявляет тот, кто только сам себя укоряет, ибо кто не стерпит поношения от себя самого?[25] Однако самоукорение надо всячески развивать, ибо чрез него и к настоящему смирению переходим[26].

Если же «кто говорит, что он ощущает благовоние сего мира, и во время похвал хотя мало движется сердцем, и силу слов их понимает[27] (но не отвращается их): тот да не прельщает себя, ибо он обманут»[28], и никакого смирения у него нет[29].

Чем выше кто поднимается к верху сей божественной добродетели, тем более тот начинает (излагаю последовательно, в *хронологическом* порядке) *ненавидеть тщеславие* и *перестает видеть,* зазирать, чужие согрешения. Наконец *страсти отмирают* совершенно, является *ненасытная любовь к молитве,* и появляется в душе *неизреченный свет*[30].

«Если предел, свойство и образ крайней гордости состоит в том, что человек ради славы лицемерно показывает добродетели, каких в нем нет, то глубочайшего смиренномудрия признак, когда человек, ради уничижения, в некоторых случаях принимает на себя такие вины, каких и нет в нем. Так поступил тот духовный отец, который взял в руки хлеб

-148-

и сыр[31]; так поступил и тот делатель чистоты, который снял с себя одежду и прошел через город бесстрастно[32]. *Таковые уже не заботятся и не боятся, как бы*

не соблазнились люди, потому что они молитвою получили силу всех невидимо пользовать. А кто из них о первом, т. е. о соблазнах, еще заботится, тот изъявляет скудость второго дарования; ибо где Бог готов исполнить прошение, там мы все можем сделать»[33].

IV. Польза и плоды смирения

1. Довольно часто святые отцы ставят следующий вопрос:

«Если от одной этой страсти (речь идет о *гордости.* — Еп. Варнава), безо всякой другой, некто (т. е. диавол. — Еп. Варнава) ниспал с неба, то должно исследовать, не возможно ли смирением, и без других добродетелей, взойти на небо?»[34]

И все отвечают — возможно.

Великое утешение, и даже единственное, для немощного, особенно телом, человека[35].

Св. Иоанн Лествичник, задавший этот вопрос, сам же и отвечает на него так в ином месте:

«Возлюбленный! Знай, что *удолия*[36] *умножат пшеницу* (По. 64, 14) и плод духовный в себе. Сие *удалив* есть душа смиренная, которая *посреди гор,* трудов и добродетелей, всегда пребывает без возношения и неподвижною.

Не постился я, говорит Давид, не бдел[37], не лежал на голой земле[38], *но смирихся, и спасе мя Господь* вскоре[39] (Пс. 114,5)».

С другой стороны — *одни подвиги без смирения не спасают человека*[40].

Приведу еще несколько выдержек из святых отцов в доказательство справедливости обеих этих логик.

«Смирение и без дел многие согрешения делает простительными, — говорит св. Исаак Сирин[41]. — Напротив того, без смирения и дела бесполезны, даже уготовляют нам много худого... И если приобретем его, соделает нас сынами Божиими и без добрых дел представит Богу, потому что без смирения напрасны все дела наши, всякие добродетели и всякое делание».

Старец и духовный отец преп. аввы Дорофея, св. Иоанн, именуемый Пророком, на вопрос первого, «каким путем скорее можно достигнуть спасения: трудами ли или смирением», ответил: «Брат!

-149-

Истинный труд не может быть без смирения, ибо сам по себе труд суетен и не вменяется ни во что. Писание говорит: *виждъ смирение мое и труд мой, и остави вся грехи моя* (Пс. 24, 8). Итак, кто соединяет смирение с трудом, тот скоро достигнет цели.

Имеющий смирение с уничижением[42] также достигает, ибо уничижение заменяет труд. А кто имеет одно только смирение, тот хотя и успевает, но не так скоро»[43].

2. Смирение, сходя к человеку с неба, приносит ему с собой оттуда великие дарования. Эти плоды заключаются, во-первых, в том, что смиренному покоряются свои собственные душа и тело, все их чувства и отправления. Теперь ему не надо ухищряться и придумывать разные способы, как бы научиться смирению, но само оно пребывает в его сердце свободно, естественно, без труда, без понуждения.

И хотя «...приял он в себя некое дарование великое и превышающее всю тварь и природу, но... на себя смотрит, как на грешника, на человека, ничего не значащего и презренного в собственных своих глазах, — объясняет это состояние, исходя из собственного опыта, божественный Исаак Сирин[44], — и [хотя]... вошел он в тайны

всех духовных существ и во всей точности совершен стал в мудрости всей твари, сам себя признает ничего не значащим. И этот неухищренно, но без принуждения таков в сердце своем».

Во-вторых, и вся внешняя тварь покоряется человеку, достигшему в меру совершенного смирения. Единственное исключение из общего порядка представляют только родные ему по плоти — собратья, злые люди, которым, впрочем, Бог попустил до времени свободу восставать и против Него Самого. И хотя они ничтожны и, как прах пред лицом ветра (Пс. 1, 4), так и они пред смиренным, но им позволяется иногда унижать и оскорблять последнего, чтобы ему придать в будущем веке большую славу, а их сделать вконец безответными (за то, что, видя его смирение и терпение в скорбях, наносимых ими, не покаялись и не вразумились).

Но между тем как в очах таких людей пренебрегается смиренный, — продолжу выписку из св. Исаака Сирина, — «у всякой твари соблюдается честь ему. Приближается ли смиренномудрый к губительным <хищным> зверям, — едва только обратят взор свой на него, укрощается свирепость их:

-150-

они подходят к нему, как к своему владыке, поникают своими главами, лижут руки и ноги его, потому что ощутили от него то благоухание, какое исходило от Адама до его преступления, когда звери собраны были к Адаму и нарекал он им имена в раю. Это отнято было у нас, но обновил и даровал нам это опять пришествием Своим Иисус. Сим-то и помазано благоухание человеческого рода. Приближается ли также смиренномудрый к смертоносным гадам, — едва только приблизится ощущение руки его и коснется их тела, прекращается едкость и жестокость смертоносной их горечи, и своими руками давит их, как саранчу. Приближается ли он к людям, — и внимают ему, как Господу. И что говорю о людях? Даже демоны, при всей наглости и досаде своей, при всей высоковыйности своего мудрования, когда приходят к нему, делаются, как прах; вся злоба их теряет силу, разрушаются козни их, бездейственными остаются злоухищрения их»[45].

-151-

Глава 12. Молитва.

§ 1. Необходимость молитвы.

Бог знает сердца молящихся (Мф. 6, 8). Поэтому, как недоумевают некоторые, зачем же молиться? И какая нужда Богу в наших прошениях? Подобные вопросы задавались еще святым Василию Великому, Иоанну Златоустому[1] и другим. Конечно, Богу наша молитва не нужна. Извещать и напоминать Ему о нашем существовании не требуется; как бы мы малы и ничтожны ни были, Он нас не проглядит. Материальные предметы, вроде храмов, икон, ладана, елея, которыми мы чествуем Его, для Него лично также не надобны. Он Сам сказал чрез Своего апостола: *Бог, сотворивый мир и вся, яже в нем... не в рукотворенных храмех живет, ни от рук человеческих угождения приемлет, требуя что, Сам дая всем живот, и дыхания, и вся...* (Деян. 17, 24.)

Но молитва нужна *нам самим.* Зная это, Господь снисходит к нашей немощи, проявляющейся, пока мы здесь, на земле, даже в таких грубых формах, как вышеперечисленные, и говорит в виде заповеди:

Просите... ищите... толцыте... (Αιτειτε... ζητειτε ... κρουετε) (Мф. 7, 7).

Однажды же сказал народу целую притчу, чтобы показать, *како подобает всегда молитися и не стужати (си)* — εγκακειν — «не терять присутствия духа, не приходить в расслабление, в уныние» (Лк. 18, 1), — если будем нескоро услышаны или даже совсем не услышаны. Ибо пользу от молитвы все равно получаем, а что касается неполучения самого просимого, то оно не стоит в связи с кажущейся неценностью нашей молитвы и якобы неслышанием нас Богом[2].

Но почему же нам нужна молитва? — Так мы созданы. Дух у нас от Бога — к Нему и льнет. От Него единого и свет, «пищу» своего рода, получает. «Как телесные глаза, видя свет, освещаются, — говорит св. Иоанн Златоуст, — так и душа, устремляясь к Богу, озаряется неизглаголанным, блистающим Его светом»[3]. В противном случае, «если кто не молится Богу, душа такого оставляется лишенною Божия просветления, божественной силы и покоя от демон-

-152-

ских искушений; и демоны непрестанно возбуждают в ней непотребные движения, похоть нечистую, позывы на блуд, неправду, тщеславие, гордость, самомнение»[4]. Кратко сказать, душа человека, переставшего молиться, вскоре замирает, а потом и совсем умирает, и воскресить ее тогда силен один только Бог. Молитва для души — это то же, что воздух для тела, conditio sine qua non — условие, без которого она не может существовать. И корни этого условия, повторяю, уходят глубоко в основы общего религиозного бытия человека[5].

Обращаясь теперь от общего рассмотрения религиозных отношений человека к Богу к частным проявлениям его духовной жизни, мы опять должны прийти к заключению о необходимости для него молитвенного общения со Христом и всеми святыми.

«Странно, — говорит тот же златословесный учитель Церкви, — что слуги наши, получив от нас что-нибудь со стола, *благодарят* нас и отходят с добрым словом, а мы, наслаждаясь столь великими благами, не воздаем Богу и такой чести»[6].

Но главное, чего человек не должен — а истинный христианин и не может — забывать, это потребность в постоянном душевном очищении. «Ежечасно надлежит нам знать, — говорит св. Исаак Сирин[7], — что во все 24 часа дня и ночи имеем мы нужду в покаянии». Как же тут не молиться!

«Подлинно блаженное дело — не грешить, — выпишу еще слова знаменитого соотечественника сего блаженного сириянина[8], — а согрешающим не отчаиваться, но плакать о том, в чем согрешили, чтобы слезами опять улучить блаженство. Посему прекрасно *всегда молитися и не стужати,* как говорит Господь». Молитва для желающего победить в себе страсти, или, что одно и то же по производимому ими действию, демонов, — единственное «оружие мира» и «непобедимая победа» (кондак св. Кресту).

Великой действенности молитвы в деле охлаждения страстей не могут не прославить и «божки» мира сего. Поэт, который, судя по его письмам, особенно нуждался в этих свойствах молитвы, воодушевленно убеждает:

Молись! Дает молитва крылья

Душе, прикованной к земле...
Молись, *когда глухим потоком*
Кипит в тебе страстей борьба..
.Молись, молись! Души все силы
В молитву жаркую излей...

-153-

Кто плачет о своих грехах, тот смиряется. А смирение есть признание своего собственного недостоинства и бессилия сделать что-либо доброе без помощи Божией. Да оно так и есть на самом деле (Ин. 15, 5)[9]. Отсюда у человека новое побуждение взяться за молитву. Он видит, что совершенно беспомощен, что врагов у него кругом великое множество, и видимых, и невидимых. Кто же в мире будет настолько могущественен, что поборет за него их всех? Нет такого помощника. И вот, смирение спасающегося человека поручает последнего Непобедимому Заступнику, Око Которого недремлюще и сила непреодолима. Личный опыт скоро удостоверяет такого человека, что, действительно, молитва к сему Невидимому Страшному Хранителю есть великий покров от нападающих на него, и спасающийся после сего начинает прибегать к этому средству постоянно.

А что действительно молитва низводит нам помощь Божию, приведу пример из обыденной жизни, только не нынешней, а времен св. Иоанна Златоуста. Последний в одной из своих бесед сообщает, что некоторые из его паствы только и спасались что молитвою от разъяренных своих начальников или чиновников некоторых учреждений.

«И это часто многие делали, — говорит он. — Когда начальник внутри судилища кричал, грозил, выходил из себя, бесновался, они, *оградив себя пред дверьми крестным знамением и помолившись в уме немногими словами,* входили и заставляли судью перемениться, укрощали его и делали из свирепого кротким. И ни место, ни время, ни молчание не было для них препятствием к такой молитве. Ведь для молитвы нужно не столько слово, сколько мысль, не столько движение рук, сколько напряжение души, не положение тела, а расположение духа»[10].

Русский народ, выносивший в своем сердце из-за вековых сплошных страданий глубокий взгляд на вещи и приобретший исключительный духовный опыт и только благодаря религии не павший под тяжестью тех мук, которые ему причинял не свой брат, грубый «серый мужик», а утонченный, благовоспитанный представитель культуры, широко пользовался этим средством, защищаясь молитвою от своих мучителей. И был, конечно, глубоко прав, потому что всякие иные средства самозащиты только увеличивают

-154-

зло, но не уничтожают его. *Побеждай благим злое,* говорит Писание (Рим. 12, 21). А иначе, если побеждать его другим злом, насилием, что будет? Вместо одного — два зла. И вот, так как, говорю, мужик в старину гораздо умнее и духовнее был в сравнении с нынешним, то он и выбирал средство самое непогрешимое. Суеверный же налет, сказывавшийся обычно в содержании и внешней формулировке молитв, говорит, конечно, только о невежестве людей того времени, но искренности религиозного чувства не отнимает у них. Однако то «невежество» все-таки содержательнее было «научных» познаний некоторых людей XX века.

Приведу одну из таких самодельных молитв того времени, которыми крепостной крестьянин защищался, подобно духовным детям св. Иоанна Златоуста, от всех окружавших его ужасов.

«Молитва "Як до пана йдеш" списана в Купянском уезде. Миколай угодник, скорий помощник, поможи и пособи мени гришному и в поли, и в доми, и в пути, и в дорози — от злих людей, од поганых очей, од нечистых речей и од поганой тварюки».

Это нужно было проговорить, стоя перед дверью[11]. Следует обратить внимание на многообъемлющий характер самой молитвы.

§ 2. Претрудность молитвенного подвига.

Молитва как пожизненный подвиг начинается с трудом, продолжается в труде и кончается усилиями труда. Она и сама есть труд до самой смерти. Спросили однажды великого в египетских отцах авву Агафона:

— Какая, отец, добродетель в подвижничестве труднее других?

— Простите мне, — отвечал тот, — я думаю, нет еще такого труда, как молиться Богу.

Всегда, когда только захочет человек молиться, враги стараются отвлечь его, ибо знают, что ничто так им не противодействует, как молитва к Богу. Во всяком подвиге, какой бы ни предпринял человек, после усиленного труда получает он успокоение; а молитва до последней минуты жизни требует борьбы[1].

-155-

I. Необходимость труда для стяжания молитвенного дара

Нужен труд человеку для молитвы. Без него таковая молитвой не считается. Один из великих сирийских отцов изрек: «Всякая молитва, в которой не утруждалось тело и не скорбело сердце, вменяется за одно с недоношенным плодом чрева, потому что такая молитва не имеет в себе души»[2].

Его знаменитый соотечественник, в молодости открывавший ему свои помыслы, а под старость показывавший другим высоты духовного созерцания и молитвы, св. Исаак Сирин[3] добавил:

«Молитва имеет нужду в упражнении, чтобы ум умудрился долговременным пребыванием в оной... Молитва требует пребывания в ней потому, что с продолжением времени ум снискивает навык к упражнению, познает, как отражать от себя помысл, и долгим опытом научается тому, чего заимствовать не может из иного источника».

Итак, надо насильно заставлять себя молиться. Некоторые так отзываются, когда их посылают в церковь: «Мы не святые...» или: «Не хочется, что же насильно-то молиться...» Как будто хотят сказать, а иногда даже и говорят, что такая молитва неценна. Но это — ложный взгляд и непонимание дела, по незнанию духовной жизни. Наоборот, и для святых молитва есть постоянный труд, хотя и облегчаемый иногда до самозабвения благодатию Христовою. И надо положить труд еще на то, чтобы после уметь терпеть этот труд. «Не хочется» — переломи себя и захочется. Не хочется потому, что страсти, благоприобретенные и долгим навыком питаемые, разленивают нас, да и бесы мешают. Надо их победить.

Великий молитвенник последних времен земли Русской авва Иоанн Кронштадтский[4] убеждает:

«Учитесь молиться, принуждайте себя к молитве: сначала будет трудно, а потом, чем более будете принуждать себя, тем легче будет; *но сначала всегда нужно принуждать себя».*

А у кого же учиться, как не у сего светильника молитвенного духа?

Впрочем, приведу еще одну цитату о необходимости труда и усилий для стяжания чистой молитвы из одного божественного мужа, а именно св. Макария Египетского, по наименованию Великого:

-156-

«...Надлежит (молящемуся) пребывать *в великом подвиге и неослабном напряжении,* потому что встретит много препятствий, поставляемых злобою (т. е. диаволом, — еп. Варнава) прилежанию к молитве: сон, уныние, тяжесть в теле, преобладание помыслов, непостоянство ума, расслабление и прочие начинания злобы, а потом скорби и восстания самих лукавых духов, упорно воюющих с нами и противоборствующих нам и не допускающих приблизиться ко Христу душу, которая поистине непрестанно взыскует Бога»[5].

II. Какая польза от труда при молитве?

Хотя это звучит парадоксом, но труд облегчает дело молитвы. Почему люди не спасаются, почему избегают богослужения или не хотят творить добродетели? Потому что не хотят накликать на себя скорби и причинить насилие своей плоти. Кратко сказать, потому что ищут везде, во всем покоя. Весь мир помешался на покое, наслаждении, счастье. В этом — цель цивилизации. Христос же учит обратному. *В мире скорбны будете,* — говорит Он своим последователям (Ин. 16, 33). И еще: *В терпении вашем стя-жите душы ваша* (Лк. 21, 19). И чрез апостола: *..многими скорбьми подобает нам внити во Царствие Божие* (Деян. 14, 22). А этого никому не хочется.

Если выищется такой человек, который решится страдать до смерти за исполнение заповедей Христовых, то таковому сразу все делается легко. Тогда, продолжу словами св. Исаака Сирина, «никто из врагов не может противостоять ему, и нет скорби, слух о которой привел бы в изнеможение мудрование его: ибо всякая приключающаяся скорбь легче смерти, а он подклонил голову, чтобы принять на себя смерть. Если во всяком месте, во всяком деле, во всякое время, во всем, что ни захотел бы ты совершить, обречешь себя в своем уме на труды и скорбь, то не только во всякое время окажешься благодушным и неленивым, чтобы противостать всякому представляющемуся тебе неудобству, но от силы твоего ума побегут от тебя устрашающие и ужасающие тебя мысли, обыкновенно порождаемые в человеке помыслами, устремленными к покою (о котором много говорилось выше. — Еп. Варнава). И все, что встречается тебе трудного и неудобного, покажется тебе удобным и легким. Нередко будет встречаться с тобою против-

-157-

ное тому, чего ты ожидал; а быть может, никогда не встретится с тобою ничего подобного...

Или, может быть, найдется человек, вовсе не убедившийся в том, что никто никогда не одержал победы на брани, не получил даже тленного венца, не достиг исполнения своего желания, хотя бы оно было и похвально... если сперва не

пренебрег трудами скорби и не отринул от себя мысли, побуждающей к покою, от которой рождается нерадение, леность и боязнь, а чрез них во всем расслабление»[6].

Таким образом, польза труда сказывается в том, что тот блаженный покой, к которому законно стремится душа человека и который подменивается сатаною посредством различных культурных суррогатов, чрез труд во Христе легко приобретается, упрочивается и делается навеки неотъемлемым. Этого, повторяю, можно достигнуть только чрез пожизненный труд, а покой, получаемый без последнего, — льстивый, призрачный, скоропреходящий и нисколько не успокаивающий человека.

«Приобретенное *многими молитвами и годами* бывает твердо и прочно», — говорит св. Иоанн Лествичник[7].

Это — одна сторона дела, касающаяся лично самого человека. Но труд молитвенный, совершаемый по Богу, имеет большое значение и в том отношении, что парализует действия бесов, которые, как мы видели выше, особенно стараются мешать человеку при этом подвиге.

«Если ты непрестанно молишься Небесному Царю против врагов твоих во всех их нападениях, то будь благонадежен, — учит тот же святой отец, — ты немного будешь трудиться. Ибо они и сами по себе скоро от тебя отступят, потому что нечистые эти не хотят видеть, чтобы ты молитвою получал венцы за брань с ними, и сверх того, опаляемые молитвою, как огнем, они принуждены будут бежать»[8].

Затем, труд полезен человеку еще потому, что он заставляет последнего дорожить приобретенным с такими громадными усилиями даром. То, чего мы просим у Бога на молитве, Он мог бы даровать нам и сразу, без всякого труда с нашей стороны, но Господь «медлит даровать просимое, — говорит св. Василий Великий, — умудряя тебя в усердии к Нему и чтобы ты узнал, что такое дар Божий, и со страхом хранил данное. Ибо все, что приобретает кто-нибудь со многим трудом, старается он сохранить, чтобы, потеряв это, не потерять и многого труда своего и, отринув

-158-

благодать Божию, не соделаться недостойным вечной жизни»[9].

Но если бы человек и не видел никакой пользы от своего молитвенного труда, он не должен отчаиваться и унывать.

«Долго пребывая на молитве и не видя плодов, не говори: я ничего не приобрел, — утешает небошественный Синайский игумен[10]. — Ибо самое пребывание в молитве есть уже приобретение. И какое благо выше сего — прилепляться ко Господу и пребывать непрестанно в соединении с Ним?»

Вот еще и другое свидетельство тезоименитого ему нашего соотечественника — о. Иоанна Кронштадтского. Оно имеет в виду частный случай.

«Когда от разных нечистот, накопившихся в желудке и кишках, чувствуешь себя нехорошо, в нерасположении, и когда, в этом состоянии, молитва твоя бывает холодна, тяжела, исполнена уныния и некоторого отчаяния, — не отчаивайся и не унывай тогда, ибо Господь знает твое болезненное, притрудное состояние. Борись с немощию, молись, сколько есть сил, и Господь не презрит немощи плоти и духа твоего»[11].

Итак, возлюбим молитвенный труд и не оставим его до самой своей смерти. Видим ли сейчас пользу от него или нет, да не унываем, ибо пользу эту мы увидим,

когда поведут нас после смерти по мытарствам. Только сей труд поможет нам несколько в оправдание гнусных наших дел.

III. Отчего трудно молиться?

В заключение скажу несколько слов и о том, что создает нам дополнительные трудности при молитве помимо всех прочих поводов для рассеяния, вне нас находящихся. Нельзя ли облегчить себе дело молитвы? Нет ли чего такого, что если бы отнять, то во многом приблизило бы нас к Богу? — Есть.

«Вот, рука Господа не сократилась на то, чтобы спасать, и ухо Его не отяжелело для того, чтобы слышать, — глаголет нам из дали времен пророк Исайя. — *Но беззакония ваши произвели разделение между вами и Богом вашим, и грехи ваши отвращают лице Его от вас, чтобы не слышать»* (Ис. 59, 1-2).

Потому-то нам трудно молиться и дома, наедине, и в церкви. Это на собственном опыте познал о. Иоанн Кронштадтский, которому целый день ведь приходилось пребы-

-159-

вать в молитве в самой различной обстановке. Он пишет в своем «Дневнике» об этом так: «Молясь с людьми, мы должны иногда пробить молитвою своею как бы твердейшую стену — души человеческие, окаменевшие житейскими пристрастиями, пройти мрак египетский, мрак страстей и пристрастий. Вот отчего иногда бывает тяжело молиться. Чем с более простыми людьми молишься, тем легче»[12].

§ 3. Виды молитв: домашние и общественные молитвы. Иисусова молитва.

Все молитвы можно разделить на *домашние и общественные.* Кроме сего, можно разбирать в отдельности дневные и «нощные» молитвы, что также имеет свое немалое, как увидим, значение. Особняком от всего этого стоит так называемая *Иисусова молитва, ибо* ее можно и должно творить всегда и везде — и днем, и ночью, и в церкви, и дома.

I. Домашние молитвы. Я начну с них, как с более обиходных, близких каждому (потому что случается и так, что и церковь действительно далеко бывает, и дела (а не лень — различать!) задерживают), и, наконец, лучше начать с них, как более простых по составу. Для нашей цели достаточно, если мы здесь сообщим только то, что требует св. Церковь от своих чад, приступающих к чтению «Молитвослова»[1].

Домашние молитвы здесь начинаются с *утренних.* Это и понятно: начатки дня должны быть посвящены Богу. «...На утренних поучахся в Тя», — говорит пророк Давид (Пс. 62, 7). И еще: «Боже, Боже мой, к Тебе утренюю...» (Пс. 62, 2). И опять: «...и утро молитва моя предварит Тя» (Пс. 87, 14).

Приступать к утренним молитвам заповедуется не сразу, а после соблюдения некоторых правил. Об этом в «Молитвослове» говорится так:

«Воспрянув без лености, и истрезвися, восстав от сна, рцы сие: *Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь*[2]. Потом постой мало молча, дондеже утишатся вся чувствы (у нас — после умывания и всего прочего, в отличие от подвижников, которые не раздеваются и не умываются. — Еп. Варнава), и тогда сотвори три поклона, глаголя: *Госпо-*

-160-

ди, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного[3]. Также начало», то есть, исполнив все это, начинай читать утренние молитвы.

Понятно, что если таково начало утренних молитв, таковы подготовительные действия к ним, то еще строже должны быть требования к самому их чтению. Посему их должно читать медленно, не спеша, чтобы можно было прочувствовать каждое слово как совершенно *новое,* как будто читаемое *в первый раз.* А то привычка бегать глазами по знакомым-презнакомым строчкам не допускает благодати коснуться умилением грешного сердца, и оно остается без плода. Получается исполнение одной формальности, от которой толку не больше, чем от пресловутой буддийской молитвенной мельницы. Таким образом, счастье человека в его собственных руках: можно и при малом, неполном числе утренних молитв спастись, а можно, и читая их все, во всю жизнь не получить ни малейшей пользы, если только не навести еще на себя гнев Божий за нерадение (Иер. 48, 10).

Доказательство, так сказать, «от противного», почерпнутое из источников светской литературы, покажет почитающим последнюю превыше всего, как не должно молиться. В качестве примера можно взять печально прославившегося некоторыми своими вещами поэта Авзония, этого полу-язычника-полухристианина, напоминающего типичного полуверующего интеллигента наших дней. Посему его опыт может быть поучителен и спустя 1500 лет.

Принадлежащая этому поэту известная длинная утренняя молитва (Oratio), начинающаяся со слова «Omnipotens», имеет такой, хотя и кощунственный, но в высшей степени характерный для настроения некоторых лиц конец:

Satis precum datum Deo,
Quamvis satis numquam reis
Fiat precatu numinis
Habitum foransem da, puer.
Discendum amicis esse have
Valeque, quod fit mutuum.
Довольно воздано молитв Богу,
Хотя грешным никогда не достаточно
Возносить молитвы Божеству.
Подавай верхнюю одежду, мальчик.
Пора сказать друзьям «здравствуй»
И «прощай» и получить от них то же[4].

-161-

Нужны ли еще к этому какие-нибудь дополнения или объяснения?..

В конце утренних молитв есть прекрасная по мыслям, глубокая по чувству покаяния и художественная по построению и стилю *«Песнь полунощная ко Пресвятой Богородице».* Пользуюсь этим обстоятельством, чтобы сказать несколько слов о *нощной* молитве*.(*Здесь текст рукописи обрывается. — Прим, составителя.)

...Далее следуют по порядку молитвы *перед обедом и после обеда.* Не мешает их привести полностью, чтобы дать, по крайней мере, хоть понятие о них, ибо в настоящее время не только в гостях, но и дома-то садятся люди за стол, не перекрестясь[5].

Перед обедом полагается читать: *«Отче наш»,* «Слава и ныне», «Господи, помилуй» (трижды), «Благослови». Настоятель или священник, благословляя

пищу, произносит: «Христе Боже, благослови ястие и питие рабом Твоим, яко свят еси всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь». Миряне, конечно, эту последнюю молитву не произносят.

После обеда христианин произносит следующее благодарение своему Создателю и Подателю всяческих:

«Благодарим Тя, Христе Боже наш, яко насытил еси нас земных Твоих благ; не лиши нас и Небеснаго Твоего Царствия, но яко посреде учеников Твоих пришел еси, Спасе, мир даяй им, прииди к нам и спаси нас». «Господи, помилуй» (трижды). Если налицо есть иерей, то он заключает возгласом: «Благословен Бог, милуяй и питаяй нас от Своих богатых даров, Своею благодатию и человеколюбием всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь».

Мирянам можно возгласы священника, по принятому в других случаях обычаю, заменять словами: «Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас. Аминь» или: «Молитв ради Пречистыя Твоея Матере и всех святых Твоих, Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас. Аминь» в первом случае <перед едой> и «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, молитв ради Пречистыя Твоея Матере, преподобных и богоносных отец наших и всех святых, спаси мя грешнаго» — во втором <после еды>.

Молитвы *перед ужином и после оного* иные.

Пред ужином молитвою служит 27-й стих 21-го псалма:

-162-

«Ядят убозии и насытятся, и восхвалят Господа взыскающии Его, жива будут сердца их в век века». «Слава и ныне». «Господи, помилуй» (трижды) и далее, как за обедом.

После ужина «Слава и ныне», затем:

«Бысть чрево Твое святая трапеза, имущая Небеснаго хлеба, Христа Бога нашего, от Него же всяк ядый не умирает, якоже рече всех, Богородительнице, Питатель»[6].

После сего «Честнейшую», затем из псалма 91 стих 5 и из псалма 4 стихи 7-9:

«...возвеселил мя еси, Господи, в творении Твоем, и в делех руку Твоею возрадуюся... Знаменася на нас свет лица Твоего, Господи. Дал еси веселие в сердце моем: от плода пшеницы, вина и елеа своего умножишася. В мире вкупе усну и почию, яко Ты, Господи, единаго на уповании вселил мя еси».

«Слава и ныне», «Господи, помилуй» (трижды), «Благослови».

Священник: «С нами Бог, Своею благодатию и человеколюбием всегда, ныне и присно, и во веки веков. Аминь».

Наконец, имея намерение лечь спать на ночь, христианин читает молитвы *на сон грядущим,* положенные тем, которые идут ко сну. Насколько важнее и содержание, и глубина мыслей, и сила страшных слов в этих молитвах в сравнении со всеми предыдущими, и само время и обстоятельства суток, видно из того, что молитвы эти обставляются еще более серьезными условиями поведения, а монашествующие обязываются выслушивать их с непокрытой головой.

В начале этих молитв сказано, что их должно читать «со вниманием и умилением». Последнее новое качество и условие будут особенно понятны, когда мы проследим, как нарастает чувство страха Божия и трепета за неизвестное будущее у верующего к концу молитв и как оно разряжается наконец плачевным воплем в заключительной молитве св. Иоанна Дамаскина: «Владыко

Человеколюбче, не ужели мне одр сей гроб будет, или еще окаянную мою душу просветиши днем? Се ми гроб предлежит, се ми смерть предстоит» и прочее[7]. Причем драматизация момента увеличивается еще более повелением Устава произносить эту молитву, *указывая рукою на свою постель...*

Когда все молитвы будут прочитаны, христианин должен «поцеловать крест свой, и перекрестить крестом место

-163-

свое от главы и до ног, такожде и от всех стран» с молитвою Честному Кресту: «Да воскреснет Бог...»

Но и это еще не все. Церковь предписывает своему чаду, прежде чем заснуть, перебрать в мыслях весь предшествующий день. Наконец уж благословляет уснуть, с крестом и мыслию о дне Судном, на котором как-то еще ему предстоит оправдаться...

II. Общественные молитвы. Надо бы перейти к разбору более сложных молитв общественных. Но вопрос этот слишком разносторонен, объемист и важен, чтобы можно было ограничиться здесь несколькими строчками. Правда, предметы литургики не входят, собственно, в план и цели моей работы, однако нельзя и совсем оставить спасающихся в неведении относительно этой важной отрасли православно-церковной жизни — разумею богослужения. Ибо разумное усвоение основ последнего помогает и самому спасению. Слишком специальные и очень подробные сведения нам не нужны. <...>

III. Иисусова молитва. Совершенно особняком от всех вышеуказанных видов молитвы стоит «Иисусова молитва», ибо для нее не определены конкретное время и место, но ее всегда творят истинные подвижники.

Под вышеуказанным наименованием понимается обычно молитвенное воззвание к Господу Иисусу Христу следующими словами: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного (-ую).* Иногда произносят ее и в сокращенном виде. Преп. Серафим Саровский вносил еще следующее разнообразие и дополнение в ее творение.

«Истинно решившиеся служить Господу Богу, — учит великий светильник земли Русской, — должны упражняться в памяти Божией[8] и непрестанной молитве ко Иисусу Христу, говоря умом: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного.* В часы же послеобеденные можно говорить сию молитву так: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, молитвами Богородицы, помилуй мя грешного.* Или же прибегать собственно ко Пресвятой Богородице, моляся: *Пресвятая Богородице, спаси нас,* или говорить поздравление ангельское: *Богородице Дево, радуйся»*[9].

Прочие отцы творили еще и иные молитвы и учили тому других. До сих пор наиболее знаменитые из этих молитв, принадлежащие знаменитым отцам, оставались у нас в ежедневном обиходе.

-164-

Так, в молитвах на сон грядущим помещены в средине 24 молитовки св. Иоанна Златоуста, по числу часов дня и ночи, а в конце — молитва св. Иоанникия Великого: «Упование мое — Отец, прибежище мое — Сын, покров мой — Дух Святый. Троица Святая, слава Тебе!» Только мы теперь эти молитвы не часто повторяем (не говорю уже непрестанно), а раз в сутки. Но, конечно, не таково их первоначальное назначение.

Так как самая молитва не есть какое-нибудь заклинание (Бога или бесов — все равно, как думают последователи некоторых мистических иностранных и русских толков) и не слова сами по себе, хотя бы и божественные, производят в душе человека и в окружающем невидимом и видимом мире изменения, а вера и теплое чувство со стороны человека и всемогущая благодать — со стороны Бога, то в конце концов все равно какой молитвой, то есть какими словами, молиться, лишь бы вышеуказанные качества были при ней[10].

Имя Божие — не Бог, но по вере нашей, действительно, привлекает к нам Бога. А иначе, зачем нужен и труд, чтобы, как выражаются, *приобрести* молитву? И какая разница была бы между совершенным, святым человеком и только что начавшим проходить молитву грешником? И тот и другой произносят ее устами одинаково, а однако у одного при этом Сам Дух Святой ее движет и присутствует в человеке (Рим. 8, 9, 26), а у другого едва ли не происходит только известное число колебаний воздуха или вибраций гортанных мускулов. Итак, если мы произносим устами имя Божие, не значит еще, что обладаем и Самим Богом, и, следовательно, безумно и даже богохульно и думать, что механическое воспроизведение слов (а механическим оно всегда будет без благодати, хотя бы в наличии находилось и умиление, и слезы, и теплота сердечная)[11] делает *страстного богоносцем.* Худшей прелести трудно представить. Где Бог, там присутствие Его не может остаться незамеченным, а здесь, при таком понимании дела, и Бог Сам, всем Своим Существом и Бытием присутствует якобы в словах (яснее скажу, в именах Божиих) молитвы, а человек точно не замечает этого, не становится лучше, а приходит в гордость, в любопрение, страстное, гневное раздражение и тому подобные состояния![12] Странный результат от присутствия Божьего. Но из-за присутствия диавола он понятен...

Итак, повторяю, все равно, как бы ни молиться, лишь бы

-165-

результат благодатный был. Однако святые отцы опытом дознали, что для большинства людей и особенно для немощных и слабых не всякая, без разбору принятая, молитва полезна. Не от нее вред, а от самого человека. Гораздо полезнее ему выбрать какую-нибудь одну определенную и ею заниматься. Разнообразие может быть допущено, но только в самом малом. И вот установилась и привилась, как наиболее содержательная, Иисусова молитва. В ней есть где и уму богословию поучиться («Иисусе Христе», «Сыне Божий»), есть где и сердцу выплакать свое чувство покаяния и просьбу о помощи («помилуй») и снизойти в бездну смирения («грешнаго»).

Молитва Иисусова не есть принадлежность исключительно монахов, но может читаться и мирянами. Простой народ, вообще понимающий и переживающий *сердцем* христианство глубже, чем интеллигенция, и в этом делании превзошел ее. По крайней мере, среди старцев и стариц из мирян нетрудно заметить творение сей молитвы, а среди интеллигенции и понятия о ней не сыщешь. Я говорю, понятно, про основную массу.

«Как бы ни проповедали Христа, притворно или искренно, — говорил некогда св. апостол Павел, — я и тому радуюсь и буду радоваться» (Флп. 1, 18).

По этой же причине и не допытываясь конкретно, как именно обстояло дело, и я привожу сейчас некое свидетельство из времен крепостного права о делании Иисусовой молитвы в доме одного помещика: «У одного из бар, у Головина, слуги

должны были все делать, творя молитву Иисусову. Перед отходом его ко сну эту молитву читали внутри дома, а извне на нее другие слуги отвечали: "Аминь", и с этим словом начинали запирать ставни»[13].

§ 4. Обрядовая сторона молитвы.

Чтобы молитва — наша или приносимая за нас — была угодна Богу, надо, чтобы она и с внешней стороны выражалась так, как угодно Богу, совершалась бы по Преданию церковному, а не по нашему смышлению. Посему да примутся нами к руководству некоторые сведения из сего Предания о том, каков должен быть внешний образ

нашего поведения при молитвенном призывании Бога.

-166-

I. Как принимать священническое благословение?

Прежде всего о нем самом. «Благословение есть препо-даяние освящения», — говорит правило 26 VI Вселенского собора и правило 27 св. Василия Великого[1]. Отсюда следует, что не может преподавать его тот, кто не имеет сам сего освящения[2], например: диакон, запрещенный иерей, еретик (хотя бы носил и папскую тиару). «Не подобает от еретиков принимати благословения, которые суть суесловия паче, нежели благословения», — предписывает верным правило 32 Лаодикийского поместного собора[3].

Благословение бывает двух родов: в первом случае благословляющий низводит на человека благодать чрез простое призывание имени Божьего[4] или хотя бы и чрез крестное знамение, но на расстоянии; во втором случае мы получаем освящение посредством наложения на нас рук, чрез прикосновение перстов благословляющей руки, чрез благословленный хлеб (ср. «сухарики» преп. Серафима Саровского), воду из благодатных источников, чрез вату и масло от чудотворных икон и святых мощей. И малой, ничтожной вещицей, полученной или присланной в *благословение* от благодатных людей, надо дорожить, и она есть «благословение».

Так как человек двояк, состоит из тела и души, то нельзя отрицать необходимости и благословения посредством наложения рук — оно необходимо, чтобы освящалась не только душа, но и наше тело. Так благословлял и Сам Господь, подавая нам пример, а также Его пророки и апостолы (Мф. 19, 13, 15 и Лк. 24, 50; Мф. 8, 3 и Лк. 17, 12, 14; 4 Цар. 5, 10-11 и 4 Цар. 4, 34-35; Деян. 9, 40; 20, 10)[5].

Церковь на пространстве своей истории сохранила обе формы благословения, но в старое время, на Святой Руси, у нас особенно любили вторую. Павел Алеппский, архидиакон, сын Антиохийского патриарха Макария, прибывший с ним в Россию в половине XVII века, говорит про наших предков: «...благословение человека архиереем издали им неизвестно; он должен их стукнуть пальцами...»[6]

На это есть, конечно, свои основания. Припомним, что у первых христиан, в подражание Самому Христу, благословение заключалось в *прикосновении* и *наложении* рук (Мк. 10, 13, 16). Конечно, в сопровождении молитвенной формулы[7]. Теперь эта форма благословения сохранилась при *хиротонии* и *хиротесии*[8], *у* священников осталась она в

-167-

практике при исповеди. Сила благодати, действующей чрез

соприкосновение ее сосуда <священника> с тем, кто к нему приближается, несказанно велика. Это особенно видно на бесноватых. Ибо иное дело — просто благословить или перекрестить их, иное — положить с молитвою руку им на голову, иное — возложить на них св. крест, Евангелие, св. мощи. Древние святые, будучи великими чудотворцами, зная силу этих действий, всегда прибегали к ним. Из бесчисленных примеров довольно привести один. Св. Григорий Нисский рассказывает про знаменитого Григория Неокесарийского, по прозванию Чудотворца — ибо он имел от Бога великую благодать чудотворения, следующее.

Однажды было собрание под открытым небом. Все дивились его поучениям. Один мальчик стал взывать «к собравшимся, что учитель не от себя говорит это, но другой, стоящий близ него, произносит слова» (ср.: Деян. 16, 16-18). По роспуске собрания привели мальчика к Великому, который сказал, что тот не свободен от насилия демона. «...и тотчас же *смявши с* плеч своих *омофор* [9] и *приложив к дыханию своих уст возлагает...* на юношу, — передает св. Григорий Нисский. — Когда это было сделано, юноша начал биться, кричать, бросаться на землю, метаться туда и сюда — словом, испытывать все, чем страдают одержимые демонами. Когда потом святой *возложил руку* и прекратил его припадки, демон оставил юношу...»[10]

Однако, к слову сказать, сам-то св. Григорий Неокесарийский получил даже благодать священства не посредством хиротонии, то есть возложения рук, а *заочно.* В церковной истории этот случай является беспримерным[11].

В настоящее время право благословлять издали (например на улице) сохранилось у епископов, поскольку их благословение имеет большую силу, чем благословение священников[12]. У последних же оно действует лишь в тех случаях, когда они облечены особенною силою Духа, а именно при богослужении[13].

Посему, хотя сила благодати и велика, но будем стараться получить себе благословение такое, при котором бы персты благословляющего касались нашего чела, плеч (а не просто крестили пред нами воздух), ибо чрез это, по нашей вере, благодать освятит и все наше тело, и уж, во всяком случае, не станем принимать кощунственно благословения в «щепотку». Но сперва надо дать пастырю не спеша нас

-168-

благословить, а потом благоговейно (а не со страстью и не сразу, как будто только в этом дело) поцеловать его руку, как десницу Самого Христа (Мф. 10, 40-41).

Принимать же самое благословение нужно так: подойдя к священнику или епископу, нужно поклониться ему (последнему непременно в ноги)[14], наклонить в знак смирения голову (а не смотреть дерзко ему в глаза) и сложить руки — одну на другую, правую сверху, а левую снизу — крестом, ладонями вверх, а не вниз; принявши благословение, облобызать руку благословившего, снова сделать ему поклон (поясной) и отойти или беседовать, смотря по тому, что требуется.

II. Крестное знамение

Крест есть печать Христова. «Крестом, как печатью, — говорит св. Иоанн Златоуст[15], — всякие Божий заветы, какие получаем, как некою царскою печатью и перстнем печатаем, и ничто лукавое не может приступить к нам».

«...Посему не стыдимся исповедовать Распятого, — говорит еще св. Кирилл Иерусалимский[16], — с дерзновением да будет налагаема перстами — δακτιλοις[17] —

печать [т. е. крест] на челе и на всем — на вкушаемом хлебе, на чашах с питием, на входах и исходах, пред сном, когда ложимся и когда восстаем, бываем в пути и покоимся».

Но чтобы крестное знамение имело силу, надо полагать его на себе как должно. Как же? С внешней стороны — чинно, уставно, а внутренне — с верою и благоговением. «Не просто перстами должно его изображать, — говорит тот же учитель[18], — наипаче произволением и с полною верою. Если так изобразишь его на челе, то ни один из нечистых духов не возможет приблизиться к тебе, видя тот меч, которым он уязвлен, то оружие, от которого получил смертельную рану».

Вот почему неверующие всех марок издеваются над теми, кто дерзает среди них креститься: их научают бесы, у которых после этого знамения отнимается вся сила для соблазна[19]. Поразительна обольщенность людей. В Иисуса Христа не верят, и, следовательно, перекреститься для них все равно, что муху согнать. Однако когда кто-либо сгоняет муху, это не тревожит их; от крестного же знамения в душе их делается «неловко», «не по себе». Пусть сознаются они в том.

-169-

Что же это за чувство? Откуда оно?..

Но ты, христианин, не бойся и, приходя к христианам, положи три поклона при входе[20], а после уже здоровайся. То же не забывай делать перед чаем и обедом, хотя бы от тебя все шарахались в сторону. Если прекратят знакомство с тобой, что же? — Радуйся: ты вступил на путь Христов (Мф. 5, 10).

Что касается внешней формы творения крестного знамения, то она не всегда была одинакова. Первые христиане молились (т. е. полагали знак креста на челе, ср.: Откр. 7, 3) одним пальцем[21], но каким, нельзя понять из дошедших до нас источников[22]. Гадания же не для всех убедительны. В настоящее время в Православной Церкви заповедуется крестное знамение полагать на себя так. Сперва надо сложить вместе, во образ Св. Троицы, первые три перста правой руки: большой палец и другие два, находящиеся близ него (указательный и средний), — этим возвещаем равенство и соединение ипостасей Св. Троицы, равно же и их несмешение. Остальные же два пальца (мизинец и безымянный) пригибаем долу, к ладони[23]. Затем полагаем сложенные таким образом персты на челе, в знак того, что Св. Троица находится на небе, потом на чреве, в означение того, что Сын Божий сошел на землю, зачался во чреве Марии Девы (Лк. 1, 31) и умер за грехи наши, далее полагаем на правом плече, показывая этим, что Он по сошествии во ад воскрес и сел одесную Отца, и наконец переносим руку на левое плечо, выражая мольбу, чтобы Господь не поставил нас на Страшном Суде по левую сторону от Себя, но избавил от нее[24].

Досточестность и православность сего образа перстосложения подтверждают мощи святых угодников Божиих. У меня была фотография руки св. Спиридона Просфорника и Чудотворца Печерского, которая, как была сложена им троеперстно в момент кончины, так пребывает и доныне, уже около 700 лет. В числе Печерских угодников есть еще Иосиф Многоболезненный, у которого *три первых перста* правой руки соединены, хотя и не совсем равно (от времени, может быть, разошлись, но вместе), а два последние — безымянный и мизинец — пригнуты к ладони.

К сказанному должно добавить еще несколько слов о надлежащем положении на себя крестного знамения из «Слова св. Иоанна Златоуста о страхе Божием, о том, как... лице свое крестить крестообразно»[25].

-170-

«Многие невежды, — говорится в нем, — махают по лицу своему рукою, делая знамение креста, но они напрасно трудятся, потому что не делают на лице своем крест как следует, и такому маханию бесы радуются». И далее указывается, как надо креститься, то есть описанным выше способом. Действительно, во что только ни обратили некоторые крестное знамение? То ставят какие-то крючочки и закорючки на груди, то около бортов <пиджака> быстро водят взад-вперед рукою, будто стряхивают что-то, то, в лучшем случае, «ломают крест» — крестятся и делают поклон одновременно, а надо сперва перекреститься, а потом поклониться.

И все — внушение демонов: чтобы не было послушания св. Церкви и чтобы не получилось знамения (фигуры) креста!..

Вышеупомянутый Павел Алеппский[26] так описывает набожность наших предков (в этом отношении) в XVII столетии:

«Их крестное знамение совершается ударом пальцами о лоб и плечи на самом деле, причем они делают поклон, а не так, как мы чертим каракули. Так крестятся не только мужчины и женщины, но и маленькие мальчики и девочки, которые научены поступать так же, и мы дивились на них, что они делают поклоны головой присутствующим[27], как делают их отцы».

Здесь обо всем сказано: что наши предки крестились истово, *твердо*[28] полагая на себе крестное знамение, что требует известной самособранности, тогда как машинальное положение креста — при котором рука даже не доносится до обоих плеч, а не только что их касается, а иногда и просто чертит «каракули» исключительно на середке или сбоку груди — не требует от нас внимания; что они не «ломали» креста, но делали его по Уставу, и что не только сами так поступали, но и детей с младенчества этому же учили...

Упомяну теперь о древности почитания крестного знамения, его силе и значении.

Обычай христиан осенять себя крестным знамением древние отцы Церкви относят к числу таких, которые мы прияли по преемству от апостольского предания[29]. Об общеупотребительности обычая изображать на себе знамение св. креста свидетельствуют множество первохристианских писателей: Дионисий Ареопагит, Тертуллиан, Ипполит, Иероним.

-171-

Вот свидетельство Тертуллиана от 211 года о том, что повседневная жизнь первого христианина даже в мелочах запечатлевалась крестом:

«При всяком движении, при всяком входе и выходе, при одевании и обувании, при омовении, при столе, при зажигании света, при ложе, при сидении и во всяком случае мы чертим на челе знамение креста»[30].

Один неизвестный поэт IV века говорит, что первые христиане крестили даже своих домашних животных, чтобы предохранить или отогнать от них болезнь[31].

Благочестивый обычай крестить рот при зевании, соблюдаемый некоторыми и сейчас, есть не что иное, как тоже пережиток первохристианских времен: тогдашние христиане так делали и при чихании[32]. Когда ложились спать, то клали крестное знамение на лбу и на том месте груди, где находится сердце.

Pac, cum vocante somno
Castum petis cubile,
Frontem locumque cordis
Crucis figura signet, —

дает совет знаменитейший христианский поэт Рима Пруденций[33].

На протяжении многих веков мы встречаем многочисленные примеры, свидетельствующие о силе крестного знамения. Вот наудачу несколько (расположены в хронологическом порядке):

1. Некто благочестивый Ир по наставлению св. апостола Филиппа начертал своею рукою образ Креста Христова на поврежденных членах недужного — и тотчас усохшая рука его исцелела, око прозрело, слух открылся, и больной стал здоров[34].

2. Св. первомученица Фекла, ученица апостола Павла, осенила крестом «сгромажденное сено, дрова и хврастие*» (*хворост (слав.)) приготовленного для нее костра, и огонь не дерзнул прикоснуться к ее телу[35].

3. Св. мученики Авдон и Сеннис, обреченные на съедение зверям, изобразили на себе крест, и лютые звери, подобно кротким агнцам, пресмыкались у ног их[36].

4. Однажды к преп. Маркиану, подвизавшемуся в пус-

-172-

тыне, подползла в келье громадная змея; святой сотворил крестное знамение, дунул на нее, и змея тут же пала мертвой[37].

5. Преп. Мария Египетская, «знаменавши» крестным знамением Иордан, «взыде на воду и, ходящи верху воды... той прейде»[38].

6. Преп. Иоанникий Великий, еще в юных летах, когда пас скот по повелению родителей, отходя на молитву, «на-знаменоваше стадо свое крестным знамением, и пребываше стадо нерасходно»[39].

Приведу еще один пример, имеющий немалое значение для тех, кто проходит науку подвижничества на деле.

В «Луге Духовном» рассказывается об одном иноке-пресвитере (по-нашему иеромонахе) Кононе из монастыря Пенфоклы[40]. Сему святому старцу дано было послушание крестить переходивших из язычества мужей и жен. Он же, крестя женщин и ощущая похотную страсть[41], приходил в смущение и, боясь этого соблазна, хотел уйти оттуда; но явившийся ему св. Иоанн Креститель сказал: «Будь тверд и терпи, и я избавлю тебя от этой брани». Однажды пришла креститься персианка — девица редкой красоты. Конон, чтобы не видеть при крещении и миропомазании наготы ее, взял свою мантию и ушел со словами: «Не буду больше жить в этом месте». Но когда он поднялся на гору, вдруг встречает его св. Иоанн Креститель и кротко говорит ему:

— Возвратись в монастырь твой, и я облегчу тебе плотскую брань.

— Поверь мне, — отвечал Конон с гневом, — ни за что не вернусь. Ты много раз обещал мне сделать это и не сделал.

Тогда Иоанн Креститель посадил его и, раскрыв его одежды, трижды осенил крестным знамением у него под пупом[42].

— Будь уверен, пресвитер Конон, — сказал св. Иоанн Креститель, — я хотел, *чтобы ты получил награду за эту брань,* но так как ты не хочешь, вот уж я отнял у тебя брань, *но награды зато не получишь.*

Возвратившись в обитель, пресвитер наутро крестил девицу, помазал ее св. миром[43] и нисколько не ощутил похоти в себе от зрения ее наготы, как будто бы и не женщину крестил[44].

Отсюда вывод: не нужно удивляться, если брань нечистая нападает на старцев и даже на святых, потому что не

-173-

они ее навлекают на себя, а она попускается Богом для большей им загробной славы и награды за подвиг и победу над диаволом.

Не надобно и унывать, если мы одержимы нечистыми помыслами и движениями плоти, ибо не за то нас накажут, что нас обуревает блудная страсть, а за то, что сознательно услаждаемся ею, питаем ее, разжигаем себя. А кто борется с нею и не соизволяет ей, то хотя бы и кипела, как в котле, кровь его, брань эта ходатайствует ему венцы нетленные[45].

В силу всех вышеуказанных обстоятельств, обращаться с изображением креста надо осторожно, чтобы не подпасть за некоторые вещи церковному отлучению[46].

III. Воздеяиие рук

Оно известно еще с ветхозаветных времен. Достаточно здесь напомнить о всем известных словах Псалмопевца, в которых он молит Господа, да будет Ему угодно воздеяние его рук, как угодна жертва вечерняя (Пс. 140, 2).

В Новом Завете апостол Павел одобряет воздеяние рук при молитве (но — *преподобными:* 1 Тим. 2, 8).

Воздеяние рук до пришествия Христа было прообразом крестной Его Смерти, сокрушившей силу диавола (Исх. 17, 11—12). Первые христиане совершали его уже с определенной мыслью — изобразить страдания Спасителя, Его положение на Кресте и самый Крест. Св. Астерий, епископ Амайский, говорит: «Руки воздевать горе значит изображать Крест распятого Христа»[47]. Минуций Феликс говорит: «Поклонение Богу чистым сердцем, с воздеянием рук, есть знамение Креста»[48].

Очень часто, если не преимущественно, молились с воздетыми руками святые отцы-пустынники, мученики, преподобные как древних, так и новых веков. Таковы: Арсений Великий[49], Василий Великий[50], Мария Египетская[51], Виссарион Чудотворец[52], Макарий Египетский[53], Сисой Великий[54], Лука Елладский[55], муч. Конон Исав-рийский[56], Венедикт Нурсийский[57], Емилиан монах[58], Серафим Саровский[59] и множество других. Молились так и рядовые христиане.

Но древние пастыри всячески старались, чтобы телодвижения их чад были чинны и благоговейны. Да и сами пасомые об этом заботились.

«Молясь скромно и смиренно, — писал в начале III века

-174-

Тертуллиан[60], — мы делаем благоприятнейшими пред Богом наши молитвы, когда и самые руки воздеваем не слишком высоко, но умеренно и благочестно».

Ровно двести лет спустя св. Иоанн Златоуст уже строго обличал тех, кто, посещая игры и зрелища, вводили в церковь замашки артистов и действия богослужения искажали театральными позами. «Несчастный, — увещевал святитель,

— тебе надлежало с благоговейным трепетом возглашать ангельское славословие и со страхом творить исповедание Творцу и чрез то молить об оставлении грехов, а ты вводишь сюда обычаи комедиантов и плясунов, неприличным образом подъемля руки, припрыгивая ногами и повертываясь всем

телом... К чему служит во время молитвы беспрестанное поднятие и неприличное обращение рук?..»[61]

Из этого видно, что первые христиане как не отвергали во время богослужения обрядов и телодвижений благоприличных, так и не терпели телодвижений грубых, происходящих от театральной суетности и свойственных духовно неуравновешенным людям.

Но если 1500 лет тому назад уже встречались люди, не имеющие подобных, «чистых» <см.: 1 Тим. 2, 8>, рук, о которых говорил выше апостол и которым было уже неприлично и не к лицу воздевать их в церкви, да и не умели они этого делать как должно, то что сказать про нынешнее время? Вот почему на св. горе Афонской, по письмам известного всему благочестивому люду Святогорца (иеросхимонаха Сергия)[62], «юным иеромонахам, и вообще несовершенным в духовной жизни, не дается право воздевать рук в молитвенных отношениях своих к Богу; воздеяние рук в молитве

— принадлежность иерархическая и старческая».

Но так как воздеяние рук, благодаря своему глубоко символическому значению, одно из сильнейших средств при молитве (разве еще распростертие ниц крестом, см. ниже), то можно его позволить и новоначальным, смиренно себя ведущим, когда они выбиваются из сил в плотской брани. В одном древнем толковании на св. Иоанна Лествичника говорится: «Егда же зельне надлежит брань, и абие возстав, и на небо руце и очи простер молитися, якоже повеле Григорий Синаит»[63].

В общественном богослужении обычай воздевать руки остался в настоящее время лишь за священнослужителями, и то в определенные моменты (пред началом литургии, во

-175-

время Херувимской песни, пред благословением Св. Даров, на «Изрядно о Пресвятей»[64]; на «Господи и Владыко живота моего» при чтении молитвы св. Ефрема Сирина)[65].

IV. Поклоны

В церковно-богослужебной практике они имеют несколько названий: приходные, исходные (дома), отходные (в храме), келейные, начальные, великие, земные, малые, поясные, легкие — смотря по обстоятельствам, времени и способу совершения[66].

По Уставу[67], *великий* поклон есть «елико [насколько] человек может право [прямо] стоя и нимало наклоняся [т. *е.* не сгибая колен] главою на землю поклонитися [довести]»[68]. В настоящее время у людей, стремящихся исполнить устав как можно точнее, насколько хватает сил, для совершения этого поклона принято падать *одновременно* обеими руками и коленами на землю, *сгибая* сложенные вместе ноги, но *не касаясь* (или едва касаясь) коленами пола. Положивши таким образом поклон (лбом должно едва коснуться земли), нужно тотчас же встать[69].

Великие поклоны сопровождают молитву св. Ефрема «Господи и Владыко живота моего...». Также после 9-го часа, Великим постом, после пения первого «Помяни нас, Господи, егда приидеши во Царствии Твоем» (в конце «Блаженн») — «поклон един вси равно до земли...», — заповедует Устав. И так *три раза*[70].

Малые поклоны, называющиеся также легкими, совершаются с молитвою: «Боже, очисти мя грешнаго и помилуй мя» (12 раз после молитвы Ефрема Сирина).

В Типиконе разумеется малый поклон везде, где написано просто «поклон». «Поклон же именуется, — объясняет образ исполнения этого рода поклонов Устав, — елико может человек право стоя поклонитися, не падая коленми, ниже главу преклонити до земли» (т. е. требуется поклонитися только в пояс), «дондеже рукою достигнет до земли»[71], «и сие есть образ легкого поклона»[72].

Малый поклон называется еще «метанием», от греческого μετανοια — «покаяние»[73].

V. Коленопреклонение

Оно было в употреблении еще в Ветхом Завете (3 Цар. 8, 54; 2 Пар. 6, 13; Дан. 6, 10). В Новом Завете Сам Господь

-176-

освятил этот обычай, а за Ним Его ученики и апостолы (Лк. 22, 41; Деян. 7, 60; 9, 40; 20, 36). Церковный историк Евсевий[74], повествуя о пламенной ревности к молитве св. апостола Иакова, брата Господня, первого епископа Иерусалимского, говорит: «Он обыкновенно ходил во храм и, преклонив колена, молился Богу о грехах народа, так что колена его отвердели, как у верблюда, от частых молитв и падений на землю».

Хорошее дело — преклонять колена на молитве, но, как и при земных поклонах, надо знать время, когда это можно делать.

Первые христиане молились с коленопреклонениями обычно во время утреннего и вечернего богослужения в дни будничные (но *не* в праздничные) и в «дни стояний», или постные[75]. В воскресные дни и праздничные молились стоя[76].

Св. Василий Великий[77] объясняет, почему так: «Каждым коленопреклонением и восклонением от земли на самом деле показываем, что чрез грех пали мы на землю и человеколюбием Сотворившего нас воззваны на небо». Дни поста — как раз дни покаяния во грехах, а дни воскресные — дни воспоминания сего человеколюбия Сотворившего нас и Воззвавшего нас на небо чрез Свое воскресение. По последней же причине 20 Правило I Вселенского собора и 90 Правило VI Вселенского собора заповедуют, чтобы верные не преклоняли колен как во дни св. Пятидесятницы (в течение семи недель по Пасхе до навечерия Троицына дня), так и в дни воскресные (с вечера субботы до вечера воскресенья)[78].

Но из этих правил есть и исключения. Правила эти не распространяются на кающихся или таких, которые подлежат церковному суду. Таковые люди не могли (и не могут) даже и в воскресный день совершать молитвы стоя, но в знак своего смирения должны были молиться на коленях и в дни свободные от коленопреклонений, в силу 82 Правила IV Карфагенского поместного собора[79].

VI. Падение ниц

Это самая сильная форма <молитвенного делания> и выражение глубочайшего смирения, покаяния, благоговения, преданности и мольбы к Богу. Происхождение его идет еще от Ветхого Завета (Быт. 17, 3; Числ. 16, 22). Осо-

-177-

бенно картинно изображена молитва пророка Илии о ниспослании дождя: «И наклонился [Илия] к земле, и положил лице свое между коленами своими» (3 Цар. 18, 42). В Новом Завете Сам Господь освятил этот обычай, когда во время молитвы в саду Гефсиманском «пал на лице Свое» (Мф. 26, 39).

Первые христиане подражали Спасителю со всем благоговением. Особенно падение ниц заняло важное место в покаянной дисциплине, где так называемые

«падшие»[80] в знак особого смирения и самоуничижения пред Богом «падали» на землю. Из многих примеров приведу два. Церковный историк Сократ[81] сообщает об одном константинопольском софисте Экиволии, который во время правления императора Юлиана обратился к языческому суеверию. Желая по смерти этого императора снова исповедовать христианскую веру, он лежал пред церковными дверями и кричал всем входящим и выходящим: «Попирайте меня ногами, как соль обуявшую!» Подобное же рассказывает блаж. Феодорит об императоре Феодосии Великом, как этот государь, войдя в первый раз в церковь после отлучения, наложенного на него св. Амвросием Медиоланским за неправедное массовое кровопролитие в Фессалониках, молился Богу, «не стоя даже на коленях, но приникнув главою к полу и повторяя слова Давида:

Прилъпе земли душа моя: живи мя по словеси Твоему (Пс. 118, 25)»82.

Впрочем, и в других наиболее важных случаях молящиеся падали на землю в пылу молитвы и туги сердечной. Так, когда св. Александр, патриарх Константинопольский, оказался в самых тесных обстоятельствах и принужден был наутро допустить Ария в храм[83], то, вошедши в алтарь, всю ночь лежал пред св. престолом, моля со слезами Бога или тотчас же взять душу его, чтобы не видеть ему, как еретик будет причащаться с ним вместе св. Таин из одной чаши, или же потребить Ария от земли живых. И на другой день, когда Арий шел со славою в церковь, вдруг он принужден был на пути зайти в общенародное отхожее место тут же на площади, где от чрезвычайных колик и болезни «проседеся посреде, якоже Иуда, и вся внутренние его проходом изыдо-ша; и тако окаянне издше, изверг душу свою горце»[84].

В настоящее время падение ниц употребляется в Православной Церкви при пострижении в монашество (при кото-

-178-

ром постригаемый на пути к аналою три раза распростирается ниц *крестом);* затем перед исповедью, во время чтения молитв «Боже, Спасителю наш, Иже пророком Твоим Нафаном» и «Господи, Иисусе Христе, Сыне Бога Живаго, Пастырю и Агнче, вземляй грех мира...» Также в Великом посту на Великом повечерии, при чтении священником заключительной молитвы: «Владыко многомилостиве...», на Литургии преждеосвященных даров, когда служащий осеняет верующих горящею свечой с кадилом при возгласе «Свет Христов просвещает всех» и когда переносятся св. дары с жертвенника на престол.

И здесь (при падении ниц) наши предки старались проявить самое большое усердие. Поэтому они не просто наклоняли голову к земле, а стукали лбом об пол. «Их слова: "[такой-то имярек] бьет челом твоей святости", — говорит Павел Алеппский, — имеют точный смысл, ибо так именно поступали все знатные люди; когда они кланялись земно нашему владыке в первый и во второй раз, то ударяли головой о землю так, что мы слышали стук: обрати внимание на это благочестие!»[85]

И я скажу: обрати внимание на эту святую простоту и приложи сию картину, хотя мысленно, к нашим временам, делая соответствующую подстановку: воевод и бояр заменяя градоначальниками, министрами и тому подобными.

В заключение надо сделать два замечания о подвижнической стороне дела. Древние египетские отцы прежде всего запрещали или, по крайней мере, считали «неприличным долго лежать на земле, потому что на лежащего долго на земле, по

словам их, нападают не только *помыслы,* но и сои»[86]. Это целиком относится к необученным духовной молитве, особенно после тяжелого труда (например после долгого пути в какую-нибудь пустынь, где приходится стоять пяти-шестичасовую всенощную или утреню с двух-трех часов ночи)[87].

Затем святые отцы заповедали следующее положение:

«Встают с земли все вслед за читающим молитву[88], так что никто не может ни колено преклонить прежде его, ни лежать на земле, после того как он встанет, чтобы чрез это не подать повод думать, что лежащий на земле совершает особенные молитвы»[89].

Так они боялись быть окраденными тщеславием!..

-179-

§ 5. Место молитвы (храм) и его внешняя обстановка. О хождении в храм и поведении в нем.

Уже из различных наименований — «дом Господень»[1], «дом Божий»[2], «святилище»[3],' встречающихся в Священном Писании и Священном Предании, можно заключить о важности и святости христианского храма. Святая Церковь приравнивает последний самому небу. «В храме стояще... на небеси стояти мним», — говорится в одном из ее песнопений[4]. «Церковь есть земное небо, — говорит также святой Алексий, митрополит Московский[5], — в ней закалается Агнец Божий в очищение грехов всего мира; в ней проповедуется слово Божие; в ней невидимо осеняют престол Славы Божией херувимы...»[6]

В храме все свято, благоуханно, духовно. Здесь в материальных вещах отражается нематериальный, невидимый мир, через самую материю действует не осязаемая руками сила духовная. Вещи в храме — не наши вещи, не человеческие, но Божьи. Их брать нельзя[7], прикасаться к ним — тоже, по крайней мере, к некоторым; мирянину можно только благоговейно созерцать и лобызать их. И надо особое право — нужно иметь благодать посвящения[8] чрез правильное православное[9] рукоположение, — чтобы сметь коснуться, и то со страхом и трепетом, лишь в определенные моменты[10], Божьего достояния. Если же пренебрежем этим, то гнев Божий грядет на нас. И если не тотчас, то после, и если не здесь, на земле, то за гробом[11]. Исторический пример мы видим в запустении славных святых мест Востока. Византия (и другие страны) разорена мусульманами, без сомнения, потому, что не сохранила того благоговения к святыне, которое имели первохристиане Греции.

И до сих пор на Востоке не исправились. Кто был там, тот знает, о чем я говорю, а кто не был, тому намекну следующими строчками из Павла Алеппского, приезжавшего в Россию с Антиохийским Патриархом Макарием в половине XVII века, но слова которого имеют полную силу и теперь. «Знай, — говорит автор «Путешествия», не скрывая своего удивления, про русское духовенство того времени, — что у них... обыкновенно ничего не кладут на святой пре-

-180-

стол, ни служебника священника, ни ризы, ни книги, ни священнического облачения — у них это считается за большой грех — ничего, кроме Евангелия и креста...»[12]

Итак, христианин, тебе надо знать, хотя бы кратко, назначение главных вещей в храме и уметь с ними обращаться, чтобы не навлечь на себя, вместо Божьего благословения, — проклятие (Иер. 48, 10).

I. Прежде всего составим понятие о самом храме. Храм делится на три части: 1) *алтарь* (в богослужебных книгах «святилище»), 2) собственно *храм,* или церковь и 3) притвор, наружная часть которого называется *папертью*.

Алтарь (в особенности престол) — святейшая часть храма, где не только невидимо, но и видимо, в Пречистых Тайнах, присутствует Сам Господь. Посему, по правилам церковным[13], никому, можно сказать, не дозволяется входить в него. Только священнослужители по обязанности, во время тайнодействий, пребывают в нем[14], да миропомазанный носитель державной власти — когда захочет принести дары[15] — может войти в него[16]. Из мирян же отнюдь да не дерзнет кто вступить в святилище. Женщинам же ни в каком случае нельзя этого делать по Правилу 44 Лаодикийского собора[17], даже в качестве уборщицы алтаря (например для мытья полов)[18]. Только монахиням[19] Правило 50 св. Никифора Цареградского позволяет «входити во святый алтарь, и вжигати свещи и кандила[20] (но не на престоле. — Еп. Варнава)[21] и украшати»[22]. Но монахиня, собственно, уже и не женщина, у нее и одежда мужская, не отличающаяся ни в чем от той, какую носят монахи. Она, по духу, небожительница, где нет различия в поле, *но всяческая и во всех Христос* (Кол. 3, 11; Мф. 22, 30). На то же время, когда немощь человеческой природы берет у нее перевес над духом, и ей приходится удаляться из алтаря[23]. По сему поводу у первых христиан, в некоторых церквах, для службы алтарю назначали маленьких девочек[24].

Если необходимость заставляет кого-нибудь из клириков войти в св. алтарь или пройти через него, то нужно сделать это с величайшим благоговением и страхом Божиим. При входе в алтарь требуется положить, обратясь к св. престолу, три земных поклона (если входящий — священнослужитель, то облобызать край престола), после этого поклониться служащему, если он тут. По исполнении же

-181-

дела немедленно выйти. Без надобности же отнюдь ни входить, ни стоять, ни молиться, ни тем более разговаривать в алтаре нельзя. В нынешней практике не принято, чтобы миряне сами приносили в храм просфоры и сами читали свои поминания. Поэтому им должно поминать своих родственников и знаемых за проскомидией на том месте, на каком кто стоит. Перейти с одной стороны алтаря на другую можно только через Горнее место (и то в самом крайнем случае и сделавши предварительно поклон), но никогда нельзя переходить дорожку между св. престолом и царскими вратами. Даже и в храме, прежде чем каждому пройти мимо царских врат (не по солее, конечно, о ней речь впереди), нужно положить поклон в направлении св. престола, а если посреди находятся служащие, нужно их обойти. Ибо место, на котором стоит священнодействующий пред престолом величества славы Божией, страшно и неприступно. Срединную часть храма — дорожку от архиерея, стоящего на кафедре (или священнослужителей на величании), до престола на алтаре — можно уподобить в этом случае таинственной лестнице, виденной Иаковом, «еяже глава досязаше до небесе», и «Господь же утверждашеся на ней». Нужно ли добавлять, что только ангелам Божиим дозволительно восходить и нисходить по ней? (Быт. 28, 12-13)[25].

Святейшее место в алтаре есть св. престол. Ни до него, ни до вещей, находящихся на нем, простым людям нельзя дотрагиваться. Поэтому, если, например, пришедший для молебна в дом священник забудет напрестольный крест на столе (допустим такой случай), то нельзя этот крест взять и, догнавши, вручить ему. Необходимо вернуть самого священника или диакона, но никого другого ниже чином[26].

Возвышенное место за престолом, так называемое горнее место, также требует к себе благоговения. На приступках его диаконам даже не разрешается сидеть[27]. Только архиерей за службой может восседать на нем.

Наконец, последняя важная часть алтаря — жертвенник («предложение» в богослужебных книгах). Так как при освящении храма священные сосуды ставятся именно на нем и освящаются вместе с ним[28], да и хранятся обычно на жертвеннике, а до них, как выше было сказано, нельзя касаться непосвященным, то и к жертвеннику нельзя прикасаться (а не то что класть платки с просфорами, поминанья, деньги — для сего есть отдельный столик).

-182-

Алтарь отделяется от храма, места стояния верных (но не оглашенных, кающихся и т. п.), *иконостасом и солеёй* (возвышенным местом между клиросами)[29]. На последней, тем более на амвоне, тоже нельзя стоять мирянам во время богослужения, за исключением тех случаев, когда им нужно приступать ко св. Причастию или приложиться к св. иконам.

Самый храм колоннами в первохристианские времена разделялся на три продольные части, называемые *нефами.* Деление это в большинстве храмов существует и до сих пор, но назначение каждой части сохранилось в общем только у раскольников, держащихся крепко за старину, — в православных же церквах только там, где верующие живут близко к староверам. Я имею здесь в виду древний обычай, по которому мужчины становились в церкви в правой части, а женщины в левой[30]. Части эти отделены были тогда друг от друга не только колоннами, но и решетками, причем, по Апостольским постановлениям (VIII, 28), у дверей женской половины стояли диакониссы, а у дверей мужской — особые привратники. Лица эти наблюдали, чтобы сюда не вошел кто-либо из язычников или лицо другого пола. Первые христиане, хотя святы и сильны духом были, но охраняли чистоту помыслов и молитвы, а вернее сказать, потому и охраняли, что святы и рассудительны были. А мы, беспорядочно перемешиваясь, не только не знаем, что такое истинная молитва и какого она требует охранения, но и все усилия прилагаем, чтобы никогда не узнать нам этого, потому что женщины наши нарочно одеваются в церковь как можно моднее и даже бесстыднее, чтобы бередить чувства мужчин, а последние становятся не на свое место, а выбирают, где удобнее им вместо молитвы питать свое сердце блудными взглядами и разговорами. В данном случае старообрядцы будут нам на Страшном Суде судьями, ибо они требуют у себя не только стояния врозь, но и скромных одежд в храме.

Последняя часть храма есть *притвор.* Во многих церквах она не совсем резко отделена от средней части, а иногда нынешние архитекторы, мало разбирающиеся в церковно-богословских вопросах, и совсем ее исключают. Притвор разделяется на две части — внутреннюю, собственно притвор (также «трапезу» по Уставу), и внешнюю, или паперть. В первой некогда стояли некоторые из кающихся и оглашен-

-183-

ных, теперь Устав предписывает совершать здесь молитвы покаянного характера: часы, литию (на вечерне), повечерие, полунощницу, чин погребения мирских людей и священников. В монастырях иногда притвор служит местом братской трапезы, откуда произошло и его второе название[31].

Во второй части притвора, на паперти, помещались самые низшие классы кающихся[32]. Здесь же находились — как и у нас теперь — и нищие, от латинского названия которых *(паупер* — «бедный») некоторые производят и самое слово «паперть».

В настоящее время, по причине слабости веры и отсутствия самих притворов и особых отделений для различных полов и классов кающихся и верных, каждый должен сам, соответственно со своим духовным устроением и чином, наблюдать свое место. По Симеону Солунскому[33], некоторым из тех, которые должны бы раньше стоять вне храма, теперь позволено оставаться в нем, но стоять позади амвона (облачального, архиерейского), у дверей.

II. Перейдем теперь к частным принадлежностям храма, употребление и обращение с которыми составляет уже составную и необходимую часть богослужения.

1. Церковные колокола и звон. Церковь придает колокольному звону гораздо более значения, чем принято об этом у нас думать. Поэтому и я скажу о нем несколько подробнее, чем бы следовало. Церковь смотрит на него, как на известную часть богослужения, совершаемую звуками строгой музыки (вместо католического органа) и сопровождаемую благословением и молитвами. Церковь сообщает звону колокольному благодать и силу, и очень большую. Звон колокольный — это не прихоть, не страсть, не простая повестка к службе, которую можно было бы приравнять, например, к фабричному гудку, это, повторяю, некое священнодействие, влияющее мистически на окружающую неодушевленную и одушевленную природу, а потому и соединяемое с молитвами.

В «Чине благословения кампана, сиесть колокола или звона»[34] архиерей или священник в молитве благословения, между прочим, молится от лица Церкви к Богу: «И ныне, Владыко Пресвятый... небесным святым Твоим благословением и благодатию всеосвящающаго Твоего Духа благослови и освяти, и влей в онь [в него] силу благодати

-184-

Твоея, яко да услышавше вернии раби Твои глас звука его, в благочестии и вере укрепятся, и мужественно всем диа-вольским наветом сопротивостанут... к церкви же на молитву... в день и в нощи спешно, якоже ведоми да ведутся, да утолятся же, и утишатся, и престанут и нападающыя бури ветренныя, грады же и вихри и громы страшныя, и молния, и злорастворены и вредныя воздухи гласом его». Таким образом, по взгляду Церкви, не громоотводы и прочие хитрости метеорологической науки должны влиять и влияют на воздушные перемены и погоду делают благоприятной, а благодать, присущая звону освященных колоколов. Так Церковь со всех сторон охраняет покой своих чад чудесною силою Божиею[35].

Орудием благовеста церковного, по терминологии «Типикона» и других богослужебных книг, служат:

1) *Било.* Упоминания о нем встречают с VI века. Ныне била упоминаются преимущественно на Афоне, Синае, в Палестине и в некоторых монастырях России. Самые большие била (праздничные) называются *«тяжкая»* (отсюда выражение — «во вся тяжкая»).

2) *Древо.* В житии преп. Феодосия Великого, составленном его современником, о созыве на богослужение говорится: «ударяли в древо — <εκρουον> το ξυλον», то есть в деревянную доску. Били молотком или палкою.

3) *Клепало.* В Соловецком монастыре в каменное клепало ударяли во времена игуменства преп. Зосимы.

В настоящее время, когда доски заменены колоколами, сказанное в Уставе о биле, клепале, древе должно относить к ним.

В «Типиконе» колокола называются:

Кампаны. Наименование «кампан» происходит от названия римской провинции Кампании, где из ее меди были отлиты первые колокола[36]. Впервые они появились на Западе (в VI веке), а потом чрез 300 лет и на Востоке.

Звоны — из-за звучности колоколов.

Самый звон в колокола бывает неодинаков. Звоны различаются[37] —

а) по степени *торжественности:* праздничный, воскресный, полиелейный, будничный (двух родов), постный и похоронный. Звон Великого поста — медленный, косный; в противоположность ему всякий другой называется в Уставе «звоном в красные». Красный звон полагается иногда и в посту;

-185-

б) по роду *исполнения:*

• благовест — звон, при котором ударяют в один колокол или в несколько колоколов, но не во все вместе, а поочередно в каждый колокол. В последнем случае благовест называют

• «перезвон» или «перебор».

• «Три-звон», или «трезвон», как само название показывает, есть звон в несколько колоколов в три приема, когда звонят три раза. Бывает «трезвон в двои», в два колокола, как, например, за часами в Великую среду; обычно для нас слышать после обедни «трезвон во вся».

Наконец, есть еще род звона, о совершении которого говорится

• «часить*»[38]. (*Часить — ударять в колокол перед третьим, шестым, девятым часами в Великом посту и в дни седмичные, когда в них не случается никакого праздника. — Прим, составителя.)

В Уставе определено и самое количество времени для благовеста и для звона перед службой. Оно измеряется количеством молитв, которым должен сопровождаться последний. Так, благовест к <заупокойному> всенощному бдению предписывается сопровождать пением «Непорочных» (псалом 118) или чтением «Помилуй мя, Боже...» (псалом 50) 12 раз. Принимая в расчет, что в 118 псалме 176 стихов, мы видим, что это пение или чтение дает в результате около получаса. Но излишества запрещаются[39].

Чтобы идти начать звонить, надо испросить благословение у начальствующего. В Уставе об этом сказано так (начало главы 1 «О чине малыя вечерни»):

«Прежде солнечного захождения дне субботняго приходит параекклисиарх, сиречь кандиловжигатель, к предстоятелю и творит поклонение ему, знаменуя пришествием своим время клепания. И взем благословение, изшед клеплет...»[40]

Ввиду всего этого и каждому христианину надо относиться к церковному звону с благоговением. При первом же ударе колокола к службе Божией надо, если мы на улице, обнажить голову и осенить себя крестным знамением. Если мы находимся дома, не имея почему-либо возможности пойти в церковь, то звон колокола в определенное время за богослужением может возводить наш ум к Богу с соответствующими мыслями; для этого стоит лишь изучить, когда и как звонят.

-186-

2. *Светильники.* В Свящ. Писании имеется много мест, выясняющих необходимость и значение светильников, хотя бы и при *дневном* богослужении (Исх. 25, 31-40; 27, 20-21; Мф. 25, 3-4; Деян. 20, 7-8; Откр. 4, 2, 5). Поэтому Догмат св. отец VII Вселенского собора говорит: «...изображению честнаго и животворящаго Креста, и св. Евангелию, и прочим святым вещам фимиамом и поставлением свечей честь воздается, яковый и у древних благочестный обычай был»[41]. Поэтому и доныне св. Церковь приглашает своих чад приносить в храм воск (свечи) и елей: «посредством же возжигаемых светильников [изображается] присущее святым непрестанное озарение от Духа»[42]. Много и других символических значений имеют светильники.

Лампады («кандила», по выражению Устава), горя за богослужением и *освящаясь словом Божиим и молитвою* (1 Тим. 4, 5), особенно перед святыми мощами и чудотворными иконами, сами делаются чудотворными — елей, находящийся в них, обладает благодатными свойствами. Посему не надо упускать случая помазаться от них, брать масло с собой домой, пить даже его (для чего иногда — например в московской часовне Иверской иконы Божией Матери — при лампаде находится специальная лжица). О благодатной силе этого елея говорит сама Церковь своим предписанием иерею помазывать на всенощном бдении себя и народ «от кандила (пред иконою празднуемого святого. — Еп. Варнава) святым елеем крестообразно»[43].

Так как до престола нельзя касаться неосвященным, то, понятно, и свечи на нем возжигать и гасить положено священнослужителям — приличнее всего диаконам или иподиаконам[44].

Следующие четыре пункта:

3. *О священных одеждах;*
4. *О завесе алтарной;*
5. *О Царских вратах;*
6. *О каждении,*

из которых первые три имеют значение исключительно для священнослужителей, а о четвертом сказано в ином месте[45], я оставлю без какого-либо объяснения. Ибо я стараюсь давать пищу преимущественно несановной душе, а не уму, служащую только для дела спасения, а не для голого знания.

-187-

7. *Церковно-богослужебные книги.* С некоторыми из них христианину полезно познакомиться поближе и даже приобрести в личную собственность.

Таковы:

1) *Часослов.* Он содержит полунощницу, часы с между-часиями, чин изобразительных, повечерие, молитвы утренние и на сон грядущим, Канон молебный к Богоматери, творение Феостирикта («Параклисис»), и проч.

2) *Канонник.* Как показывает название, содержит в себе, главным образом, каноны.

3) *Следованная Псалтирь.* Она заключает в себе, кроме собственно Псалтири Давида, все вышеназванное и еще много чего другого, полезного и необходимого в жизни христианина.

Я не упоминаю здесь уже о Евангелии и Апостоле.

III. Из вышесказанного прежде всего вытекает, что молитва общественная, церковная, должна быть выше домашней, а потому ходить в храм молиться необходимо. И действительно, в подтверждение этих истин существует множество свидетельств в Священном Писании, у святых отцов и в житиях святых (Агг. 1,8-10; Мф. 21,22; Деян. 12, 5; 22, 17)[46].

Вот из них самая малость.

«Говорят, — пишет св. Иоанн Златоуст[47], — могу молиться дома... Ты сам себя обманываешь, друг мой. Правда, ты можешь дома молиться, но не можешь молиться так, как в церкви, где собрано столько отцов, где возносится к Богу единодушный глас. Ты не можешь так возноситься, когда один станешь призывать Господа, как возноситься можешь, когда стоишь вместе с братьями: здесь есть нечто более — союз любви, молитвы священников. Для того и поставлены священники, чтобы молитвы народа, которые могут быть слабы, соединяя с более сильными, возносить на небо... И Петр освободился из темницы, ибо *молитва бе прилежна бываема от Церкве к Богу о нем* (Деян. 12, 5). Если же церковная молитва была полезна для Петра, то почему, скажи мне, ты презираешь ее силу и какое имеешь оправдание в сем?»

В житии праведной Иулиании Лазаревской[48] рассказывается следующий случай. Из-за своей любви к бедным святая часто оставалась без средств к существованию.

-188-

Однажды, во время суровой зимы, она, не имея теплой одежды и обуви и будучи уже старицей шестидесяти лет, не ходила в храм несколько дней. И вот священник той церкви (св. Лазаря), придя утром в храм, внезапно услышал такой голос от иконы Богоматери: «Иди, скажи милостивой вдове Иулиании, что напрасно не ходит она в церковь. Домашняя молитва приятна Богу, но не так, как церковная. А вы уважайте ее — Дух Божий почивает на ней...».

Ясно, что эти слова могли бы быть сказаны Богоматерью и прямо тайным образом св. Иулиании, но сказаны священнику — не ради его преимущественного благочестия перед последней (поэтому и прибавлено, чтобы он и народ ее уважал, так как она имеет в себе Св. Духа)[49], а ради того, чтобы о них, этих словах Богоматери, все знали. И мы с тобою, читатель.

Второе следствие всего вышесказанного есть то, что в храме Божием надо стоять чинно, внимательно, со страхом Божиим и великим благоговением. Для назидания я приведу сперва несколько данных из быта первых христиан.

Самые уже сборы в церковь у первых христиан были проникнуты степенностью, целомудрием, скромностью. Раннехристианский учитель Климент Александрийский[50] поучал около 190 г. по Р. Х. насчет этого так:

«В церковь муж и жена должны идти прилично одетые, походкой не напускной, храня молчание, пламенея к ближним *нелицемерной любовью* (Рим. 12, 9; 2 Кор. 6, 6), чистые телесно, чистые сердцем, настроенные к молитве. От жены в особенности желательно, чтобы она выходила из дому, совершенно закрывшись.

Это сообщает ей вид степенности, да и для высматривателеи она остается невидимой, так что никакого преткновения из этого не выйдет ни для нее самой, потому что ее глаза будут прикрыты нравственной стыдливостью и покрывалом, но и никакому постороннему мужчине собой она греха не навяжет, доколе лица не откроет. Так хочет этого Господь; для женщины прилично, чтобы она молилась с покрывалом на лице».

Первохристианские женщины имели голову *покрытой,* по крайней мере во время молитвы и пророчествований (ибо тогда были и пророчицы)[51], по заповеди св. апостола (1 Кор. 11, 3-10). Дома же, и при том не за молитвой, а во время отдыха и обычных дел, по-видимому, позволялось снимать покрывало. Об этом говорят некоторые цитаты из

-189-

первохристианских писателей[52] и особенно археологические памятники (живопись), представляющие всегда первохристианских женщин *на молитве покрытыми,* а во время отдыха — без покрывала, с простенькой прической[53]. Конечно, то же самое правило, покрывать голову во время молитвы, простиралось и на девиц[54]. Они тоже обязаны были в церкви стоять покрытыми[55].

При входе в храм, помня заповедь апостола (Евр. 10, 22), первые христиане устраивали умывальницы, обязанность умываться из которых (в алтаре) сохранена в настоящее время только за священнослужителями[56]. Мимоходом упомяну об оригинальной надписи, делавшейся иногда над умывальными сосудами, которую по-гречески можно читать как слева направо, так и справа налево: NIΨON ANOMHMATA MH MONAN OΨIN — «омой прегрешения (твоя), а не только лице»[57].

Меня всегда удивляло тонкое понимание нашим простым народом вещей, смысл которых не улавливает сплошь и рядом даже и его пастырь, даже если он и не только что окончивший семинарию юноша. Но удивляться, собственно, тут нечему. Народ, не критически, а простодушно настроенный, крепко держится за старину, соблюдая все мелочи, усвоенные им от отцов и дедов. Пусть теперь он не сможет объяснить, откуда произошел тот или иной обычай и что он значит, но обычай-то ценен сам по себе. В этом сила преемственности предания. Дело же ученых-богословов отделить цельное ядро от шелухи и приставшей к нему в продолжение веков грязи суеверий и личных мнений.

Вот и в данном случае — перед молитвою наш крестьянин в доброе старое время всегда вымывал руки. Это — на основании только что приведенных историко-археологических данных и собственной богослужебной практики — легко принял бы и рядовой клирик. Но для многих непонятна и неприемлема, по бедности духовного разума и по недостатку вдумчивого отношения к житиям и писаниям святых, следующая практика, укоренившаяся в среде простолюдинов и свободно ими усвоенная. Именно: если крестьянину не удается вымыть рук, прежде чем стать на молитву, то он, по крайней мере, постарается *дунуть* на персты своей правой руки, посредством которых он полагает на себе крестное знамение. А смысл этот глубокий, и обычай этот освящен тысячелетней древностью...[58]

-190-

Благоговение к самому храму и его вещам было замечательное. Некоторые считали себя недостойными входить в святой храм обутыми, поскольку Моисею

еще в Ветхом Завете было велено *иззуть сапоги от ног своих* при его приближении к Божественной Купине (Исх. 3, 5). Иные при входе в церковь лобызали в духовном восторге алтари, стены, двери и даже пороги храма[59]. Воины отлагали свое оружие, каждый — всякую вещь, которая может оскорбить величие и святость места (Мк. 11, 16)[60].

В настоящее время церковный Устав и обычай также регламентируют известными правилами все внешнее поведение пришедшего в храм, поскольку оно необходимо и тесно связано с внутренним настроением молящегося, являясь его выражением и одновременно условием правильного совершения молитвенного делания. Кроме вышеуказанных правил в начале параграфа, приведу еще несколько.

Так, придя к церкви Божией, каждый должен перед дверьми ее оградиться крестным знамением и положить поясной поклон, воздавая этим честь жилищу Божию. По входе в церковь православный христианин обязан стать посреди ее, тут же у дверей, и положить три поясных (а в будни — земных) поклона с молитвою: «Боже, очисти мя грешнаго и помилуй мя. Создавый мя, Господи, помилуй мя. Без числа согреших, Господи, прости мя». Потом, поклонившись на обе стороны предстоящим, прося прощения, сказать мысленно: «Благословите мя, отцы, братие и сестры, и простите мя грешнаго...» Если же в храме никого еще нет, то нужно поклониться святым ангелам, присутствующим в церкви[61]. После этого пришедший в храм пусть идет на свое место.

Со всею отчетливостью это исполняется теперь у старообрядцев, когда они полагают так называемое *начало* при входе в храм. По существу дела, этот обычай остался и в наших строгих монастырях. В древней Святой Руси исполнение его умиляло Павла Алеппского и восточных гостей.

«Вот как миряне входят в церковь, — записывает он в своем дневнике, — сначала каждый делает несколько земных[62] поклонов, затем кланяется присутствующим, хотя бы и их было много, на восток и запад, север и юг. Также и дети, большие и малые, знают этот обычай и делают (земные) поклоны и кланяются присутствующим даже с боль-

-191-

шей ловкостью, чем мужчины. Что касается их крестного знамения, то достаточно назвать его московским: оно совершается ударом пальцев о чело и плечи...[63]

При произнесении умилительного имени Богородица[64], то есть Матерь Божия, все они стукают лбами о землю[65]... делая поклоны по любви к умилительному имени Девы.

Точно так же, когда входят в дом, прежде всего творят крестное знамение пред иконостасом (иконами в переднем углу. — Еп. Варнава) и затем кланяются присутствующим. Так же поступают их мальчики и девочки, ибо вскормлены молоком веры и благочестия. Смотря на таковые их действия, мы удивлялись не на взрослых, а на маленьких, видя, как они своими пальчиками творят крестное знамение по-московски... А мы не умели креститься подобно им, за что они насмехались над нами, говоря: "Почему вы проводите каракули на груди, а не ударяете пальцами о чело и плечи, как мы?"»

«Какая это благословенная страна, чисто православная!» — невольно вырывается у автора...[66]

Стоя в церкви, должно иметь руки опущенными[67], отнюдь не складывая их вместе *(гордая,* «наполеоновская» поза только церковному отщепенцу может быть свойственна), глаза также лучше опустить к земле[68], памятуя, что мы есть и куда пойдем (Быт. 3, 19)[69]. А если уж куда должны быть глаза устремлены, то только на иконы или к святому алтарю. В отдельных случаях можно бы и голову даже преклонять долу, если кто чувствует себя слишком обремененным грехами[70], тем более, что относительно преклонения главы и у самой Церкви, как мы видели, существуют свои особые правила[71].

Поклоны должно стараться класть не произвольно, а когда следует (об этом ниже), хороня от других свое чувство, по заповеди Спасителя (Мф. 6, 6).

«Если, стоя в церкви, — говорит Филарет, митрополит Московский[72], — ты делаешь поклоны тогда, когда велит это церковный Устав, то стараешься удерживать себя от поклонов тогда, когда этого не положено Уставом, чтобы не обратить на себя внимание молящихся, или сдерживаешь воздыхания, готовые исторгнуться из сердца, или слезы, готовые пролиться из очей твоих: в таком расположении ты и среди многочисленного собрания сокровенно предстоишь Отцу твоему Небесному, *Иже в тайне».*

-192-

Нельзя в церкви громко кашлять и сморкаться и, конечно, разговаривать без крайней необходимости, даже шепотом. Демоны, естественно, знают, какому мы подвергнемся осуждению за гробом за неисполнение сих правил, и потому подводят нас под нарушение их особенно в те моменты, когда Устав предписывает соблюдать нарочитую строгость благочиния. Так, время шестопсалмия (после глубокой тишины за концертным «Ныне отпущаеши») у нас считается, не иначе, как по бесовскому внушению, временем, когда можно дать себе волю — посидеть, отдохнуть, выйти, наконец, из церкви, и даже (ужас и кощунство!) покурить чуть ли не на паперти, а церковный Устав предписывает за чтением сих покаянных, глубочайших по содержанию и чувству, псалмов, держать себя следующим образом:

«Не имать кто, — говорит он, — власти шепоты творити, ниже плюнути, или хракнути (харкать. — Еп. Варнава), но паче внимати от Псаломника глаголемым, руце имуще согбенны к персем, главы же преклонены, и очи имуще долу, сердечными очами зряще к востокам, молящеся о гресех наших, поминающе смерть и будущую муку и жизнь вечную...»[73]

Относительно творимых в церкви поклонов в уставах церковных и монастырских обиходниках нет нерушимого единогласия[74], да Церковь и не желает дух молящегося, который должен быть по существу свободным, принуждать во что бы то ни стало следовать, под страхом наказания, точно и скрупулезно установленным правилам. Однако отсюда не следует, что можно и в церкви, как дома, уткнуться каждому в свой угол и делать, что ему хочется. Тогда потеряла бы смысл, ценность и значение самая идея богослужения, которое должно быть в храме *общественным*[75]. И хотя, повторяю, древняя церковная практика не стесняет каждого отдельно христианина в свободном употреблении поклонов и оставляет их на его силу и разумное произволение[76], но необходимо придерживаться в своих внешних обнаружениях внутренней молитвы общих требований Устава. И если бы наше чувство не соответствовало этому внешнему уставному выражению, то это, скорее, показало бы, что его нужно воспитать по-новому, по-уставному, по-

святому, чем оправдывало бы фразы, подобные следующей: «Ах, оставьте меня в покое, ваш устав расхолаживает только мою молитву...»

-193-

Умиление и теплота чувства от самочинных поклонов у не живущих церковной жизнью могут приходить даже скорее, чем от уставных, но цена их не одинакова с последними, и они могут быть терпимы только постольку, поскольку человек пребывает в неведении. И потом все дело в привычке: привыкнем к уставным поклонам, привыкнет и чувство наше появляться тогда, когда это требуется. Во всяком случае, заранее можно сказать, что больше шансов не впасть в прелесть, в бесовское умиление, при прохождении внешней молитвы по правилам святых отцов, чем по внутренним позывам страстного чувства.

Итак, общий порядок, частности которого в разных монастырях и чиновниках древних соборов могут быть неодинаковы, должно указать следующий. Когда служащий, отправляющий чреду богослужения, выходит пред Царские врата, чтобы благословить чтение девятого часа или полунощницы или во время проскомидии благословить чтение часов, перед возгласом «Благословен Бог наш», также когда диакон выходит начать Божественную литургию, перед «Благослови, Владыко», и на всенощном бдении, при троекратном произнесении иеромонахом или священником «Приидите, поклонимся», — как сами служащие, так и молящиеся в глубоком молчании полагают *три* поясных поклона. Затем, при всех службах, на всяком «Трисвятом», на «Приидите, поклонимся» и на троекратном произнесении «Аллилуиа» полагается *три* поясных поклона. На «Аллилуиа» же среди «Шестопсалмия», ради глубокой тишины, равно как и в начале *утренних* двух псалмов, на «Приидите, поклонимся» и на «Трисвятом» поклонов не полагается. На «Сподоби, Господи», как на вечерне, так и на утрене, полагается по *три* поясных поклона. На возглас «Яко подобает Тебе всякая слава, честь и поклонение» всегда полагается *один* поклон. При пении или чтении стихир, стиховен и других молитвословий тогда только полагается поклон, когда слова стихиры побуждают к поклонению, например «припадем», «поклонимся», «молимтися», «кланяемтися». При чтении акафиста на каждый кондак и икос полагается по одному поклону; при троекратном произнесении тринадцатого кондака — *три* поклона. На «Честнейшую» при каждом стихе уставы назначают по *одному* поклону[77]. Пред чтением и после чтения св. Евангелия, во время пения «Слава Тебе, Господи,

-194-

слава Тебе», как на литургии, на утрени, на молебнах, так и во всякое время, когда только читается Евангелие, всегда полагается по *одному* поясному поклону. По окончании первой половины Херувимской песни, пред Великим входом, полагается поясной поклон и наклонение головы; по окончании «...яко да Царя» на «Аллилуиа» полагается *один* поясной поклон. Во время пения «Достойно и праведно есть» — *три* поясных поклона. По возгласе «Приимите, ядите» и «Пиите от нея вси», когда поют «аминь», — по одному поясному поклону. По окончании «Тебе поем», «Достойно есть», перед «Отче наш» и при явлении Св. Даров полагается *по одному земному* поклону. Перед возгласом «Святая святым» полагается *два* поясных и третий *земной* поклон.

В воскресные и праздничные дни земные поклоны заменяются поясными.

§ 7*. Продолжительность молитвы. О молитве непрестанной.

(*Пропущенный параграф (§ 6. О церковных службах. — Всенощная и литургия. — Примечания к некоторым дням и праздникам годового круга богослужения), в связи с его большим объемом, будет помещен в дополнительном томе. — Прим, составителя.)

«Сказывали об авве Арсении, что по вечерам, в субботу, на воскресный день, он становился спиною к солнцу и, *подняв руки свои к небу,* молился до того времени, как солнце начинало светить ему в лицо; после чего он садился»[1].

«Вошел я, — рассказывал авва Дула, ученик преп. Виссариона[2], — к нему в келью и застал его стоящим на молитве. *Руки его были простерты к небу,* и он оставался в этом подвиге четырнадцать дней»[3].

Сам авва Виссарион сказывал: «Я сорок дней и сорок ночей провел среди терния, стоя и без сна»[4].

«Когда прошел я все подвижническое житие, которое избрал, — поведал преп. Макарий Александрийский о себе Палладию, автору славного «Лавсаика», — я захотел сделать то, чтобы ум мой в продолжение только пяти дней не отвлекался от Бога и ни о чем другом не мыслил, но к Нему одному был обращен. Решившись на это, запер я свою

-195-

келью и сени перед нею, чтобы не отвечать никому, кто бы ни пришел. Начал я то с другого же дня, дав своему уму такое приказание: смотри, не сходи с небес; там ты с ангелами, архангелами, со всеми горними силами, херувимами, серафимами и с Самим Богом, Творцом всяческих; там будь, не сходи с неба и не впадай в чувственные помыслы. Проведши так два дня и две ночи, я до того раздражил демона[5], что он сделался пламенем огненным и сжег все, что было у меня в келье; самая рогожа, на которой я стоял, объята была огнем, и мне представлялось, что я весь горю. Наконец, пораженный страхом, я на третий день оставил свое намерение, не могши сохранить ум свой неразвлеченным и нисшел к созерцанию сего мира, *дабы то не вменилось мне в гордость*[6].

Когда Юлиан Отступник спустился на юг Персии и осадил ее столицу, Ктезифон, «то послал демона[7], чтобы он скорее шел на запад и принес ему оттуда какой-нибудь ответ[8]. Когда же демон пришел в то место, в котором жил отшельник, то пребыл десять дней неподвижным, не могши идти вперед ни днем ни ночью, потому что монах в эти дни не переставал молиться[9]. И демон, будучи праздным, возвратился к пославшему его. Он же спросил его: "Почему ты замедлил?" Демон отвечал: "И замедлил, и пришел назад, ничего не сделавши, ибо я пробыл десять дней, сторожа Поплия -монаха, когда он перестанет молиться, чтобы идти далее, но он не переставал, почему я и не мог идти, но возвратился, ничего не сделавши"»[10].

...Когда просматриваешь жития святых, постоянно наталкиваешься на множество подобных примеров[11]. Не нужно никаких пояснительных и сопроводительных слов — читатель и сам может видеть, как подвижники и истинные христиане относились к молитве и сколько на нее полагали времени. Но и этого было им мало: цель их была — стяжание и прохождение *непрестанной* молитвы.

I. Понятие о непрестанной молитве

У святых отцов-аскетов, как равно и вообще в практике церковной, мы встречаем два определения непрестанной молитвы — широкое и узкое.

Что такое непрестанная молитва в широком смысле, вполне будет понятно, если мы припомним, например, следующие слова преп. Исаака Сирина[12]:

-196-

«Надлежит нам знать, возлюбленные, и то, что всякая беседа, совершаемая втайне (т. е. в сердце. — Еп. Варнава), всякое попечение доброго ума о Боге, всякое размышление о духовном устанавливается молитвою, и нарицается именем молитвы, и под сим именем сводится воедино, будешь ли разуметь различные чтения, или глас уст в славословии Богу, или заботливую печаль о Господе, или телесные поклоны, или псалмопение в стихословии, или все прочее, из чего составляется весь чин подлинной молитвы, от которой рождается любовь Божия...»

Как легко видеть, всякое дело, направленное к прославлению Бога, уже есть молитва. Все наше поведение с утра до вечера, если только мы свою работу делаем как бы пред лицом Самого Господа, есть молитва. И если мы настроим себя на это постоянное «хождение пред Богом»[13], то у нас будет непрестанная молитва. А если мы милостыней приобретем любовь бедных, которые за нас будут молиться и таким образом своей молитвой восполнят нашу, немощную, когда она прервется ради естественных нужд (например, во время сна), — то дело будет и совсем хорошо. Притом такой распорядок повседневных дел — даже среди хозяйства, но при внимании, направленном на Бога, — не может считаться особенно обременительным; во всяком случае, он не может идти в сравнение, например, с «умным» деланием Иисусовой молитвы в тесном смысле этого слова, о чем речь будет ниже.

И древние великие подвижники снисходили к такому образу жизни, ибо невозможно, как мы видели из примера преп. Макария, человеку держать постоянно ум в великом напряжении и созерцании горнего. Но с другой стороны, нельзя долгое пребывание в церкви и внешнее продолжительное исполнение правила считать за непрестанную молитву.

Вот пример, разъясняющий эти положения.

Некогда некоторые монахи, так называемые евхиты, пришли к авве Лукию, в Еннат. И спросил их старец:

— Какое у вас рукоделие?

— Мы не занимаемся рукоделием, — отвечали они, — но, как заповедует апостол, непрестанно молимся.

И сказал старец:

— Ужели вы и не едите?

— Едим, — отвечали они.

-197-

— Кто же молится за вас, когда вы едите? ...Еще сказал им:

— Вы и не спите?

— Спим.

— Кто молится за вас, когда вы спите? И не нашлись на это ответить ему. Тогда старец сказал им:

— Простите мне, вы не делаете, как говорите. Я же вам покажу, что и занимаясь своим рукоделием, непрестанно молюсь. Размочив немного прутьев, я

сажусь с Богом и, плетя из них веревку, говорю: «Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей и по множеству щедрот Твоих очисти беззаконие мое» [Пс. 50, 1].

И спросил их:

— Не молитва ли это? Те отвечали:

-Да.

Старец сказал:

— *Проводя целый день в работе*[14] и молитве, я зарабатываю около 16 монет[15] (почти два рубля. — Еп. Варнава)[16]. Две из них (четвертак. — Еп. Варнава) подаю в дверь (нищим), а на остальные ем. И молится за меня принимающий две монеты, когда я ем или когда сплю, и по благодати Божией у меня совершается *непрестанная* молитва[17].

Вопрос о непрестанной молитве сильно занимал подвижников[18]. Некоторые из них, стоя во главе монастырей, старались всеми силами изобрести, как бы установить у себя в обители непрестанное моление в храме. Так как отдельному человеку не по силам такой подвиг, то заведены были чреды. Братия делилась, например, на 24 чреды, и каждая группа в свой час приходила в церковь отправлять псалмопение. Таким образом днем и ночью воссылалось непрестанное славословие Богу. Обители с таким уставом получили название «неусыпаюших»[19]. Основание им положил преп. Александр (+ ок. 430 г.).

II. Нужно ли долго (непрестанно) и часто молиться?

Всеконечно. Опуская святоотеческие древние[20] изречения на этот счет, приведу рассуждения нашего соотечественника и великого молитвенника о. Иоанна Кронштадтского.

«Для чего нужна продолжительная молитва?» — записывает он в своем «Дневнике»[21]. И отвечает:

-198-

«Для того, чтобы продолжительностью усердной молитвы разогреть наши хладные, в продолжительной суете закаленные, сердца. Ибо странно думать, тем более требовать, чтобы заматеревшее в суете житейской сердце могло вскоре проникнуться теплотою веры и любви к Богу во время молитвы. Нет, для этого нужен труд и труд, время и время. *Царствие Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его* (Мф. 11, 12). Не скоро Царствие Божие приходит в сердце, когда от него так усердно люди бегают. Сам Господь изъявляет волю Свою, чтобы мы молились не кратко, когда представляет в пример вдову, надолзе ходившую к судье и утруждавшую его просьбами своими (Лк. 18, 2-6). Господь-то, Отец-то наш Небесный, знает прежде прошения нашего, чего мы требуем (Лк. 6, 8), в чем нуждаемся, да мы-то не знаем Его, как бы следовало, суете-то мирской мы очень преданы, а не Отцу Небесному; вот Он по премудрости и милосердию Своему и обращает нужды наши в предлог к обращению нас к Нему. Обратитесь, заблуждающие чада Мои, хоть теперь ко Мне, Отцу вашему, разогрейте верою и любовию сердца свои ко Мне, бывшие прежде хладными».

Но мы никак не хотим обратиться. Если у нас есть свободное время, мы его лучше «убьем» (какое выражение придумали на обличение себя!) попусту, истратив на веселье, театры, кино, гости и на что угодно, только не на молитву. Трудно даже в мыслях представить, чтобы современный человек, «легковесный» или «с весом», вместо утренней газеты прочел, например, перед иконами акафист...

Я говорю, конечно, о так называемых верующих, а не о безбожниках. Всякая долгая служба в церкви нас тяготит. Как мало тех, которые остаются в церкви до конца! Большинство, поздно приходя, уходит уже «после Евангелия»* (*Речь идет о всенощной. — Прим, составителя.) (как принято у этих людей выражаться), в лучшем случае после Великого славословия (последний сольный номер певчих).

Во что у нас обратилась и самая служба Божия?

Она сокращается так, что вся «краса» ее — все ее трогательные молитвословия и песнопения, умилительные стихиры, проливающие целительный бальзам на скорбную душу человека и умиротворяющие его точащееся кровью сердце от мирских скорбей и искушений диавола, — исчезает или даже

-199-

уже исчезла. Остались одни неизменяемые песнопения, ектений да возгласы. Потому люди и жалуются, что скучно. Действительно, как ни придут в церковь, все одно и то же. А что не одно и то же, то дьячки и певчие выпускают.

Чем же заполняется пустота, если торжественность дня требует более продолжительной службы, чем получасовая или часовая будничная? Даже Божественная литургия заполняется концертами, цель которых возбуждать художественное восхищение — выразимся даже так[22], — но никак не приводить слушателей в чувство сознания своей греховности, помогать им сосредоточить свои мысли на глубоком содержании молитв и песнопений, в которых излагается все дело спасения человека и раскрывается самая идеология Божественной литургии, точнее — догмата искупления. А если на дело посмотреть с аскетической точки зрения, то цель (бесов, стоящих за спиною композиторов и нашептывающих им в ухо мелодии) не иная, как та, чтобы изгнать умиление и всякую тень покаянного чувства — которое особенно для них непереносимо — из храмов, из сердец верующих и лишить богослужение его основы, без чего оно не может быть *православным* и *истинным* богослужением.

Но, тратя большое количество времени, измеряемое в общем счете часами, на театральное пение чисто оперного характера, всячески гневаются на священнослужителей, если те захотят прибавить хотя несколько минут, чтобы благоговейнее, не торопясь, причаститься. Всякое минутное замедление после причастного концерта кажется всем бесконечным и невыносимо томительным. Не хватает еще, чтобы кто-либо торопил в алтаре священнослужителей так, как это делал Карл X, приговаривая вполголоса причащающемуся священнику: «Да ну же, поп... [следует ругательство]. Глотай скорей своего доброго Бога!..»[23] Впрочем, в душе, может быть, ленивцы и богохульствуют...

Так как цель моя, в общем, не порядки обличать, а вред непорядков выяснять ради лучшего выявления положительной стороны дела, то этих кратких слов достаточно для разумного, чтобы ему не бегать из церкви с половины службы, не увлекаться пением (и даже лучше не слышать его, современное, и не слушать — выбирая церкви с более простым, хотя бы общенародным, пением), и не томиться длинными службами. Почему нам тоскливо? Потому что приходим посмотреть, послушать — и только. Дали пищу

-200-

любопытству, истратили на это несколько минут, и делать больше нечего. А оставшиеся до конца службы часы куда девать? И вот нам скучно. А если бы мы горели духом, с воплем крепким возводили ум, сердце и очи свои к небу, то пяти-

шестичасовая всенощная для нас прошла бы незаметно. Мы — как мухи осенние. Лениво ползут наши мысли и очи, цепляются за карнизы, облаченье, окружающие лица, платья, оживляются несколько, когда священнослужители выходят на середину храма, и опять застывают, когда певчие перестают петь и начинается чтение. Наши взоры блуждают по сторонам и никогда не заглядывают внутрь. А если бы мы стояли в церкви, как пойманный преступник перед судом, на котором ему грозит смертная казнь, мы, без сомнения, были бы поживее. И даже очень поживее. Тогда бы время для нас летело слишком быстро, скорее, чем в театре...

III. Возможность непрестанной молитвы в собственном смысле как предел совершенства Еще в Ветхом Завете св. пророк Давид (конечно, исходя из собственного опыта и вдохновляемый Духом Святым) уверял всех, что молитва непрестанная возможна. Желая тверже насадить в сознании молящихся это важнейшее положение подвижничества, он начал свою книгу молитв и песнопений, то есть Псалтирь, с ублажания того человека, который достиг подобного состояния (Пс. 1, 2). В Новом Завете божественный апостол Павел уже в виде прямой заповеди преподает христианам: *непрестанно молитеся* — αδιαλειπτως προσευχε(1 Фес. 5, 17). Значит, возможно молиться непрестанно, раз апостол требует этого. А между тем, как часто в обществе даже умом признать сего не хотят...

Непрестанная молитва — пробный камень для определения степени достигнутого совершенства. Спросил один брат равноангельного Исаака Сириянина, пришедшего в меру таинственных созерцаний Св. Троицы и совершенной молитвы, каково то главное делание подвижника, по которому можно узнать, достиг ли он совершенства на этом свете. Святой ответил[24]:

«То, когда сподобится человек непрестанного пребывания в молитве. Ибо, как скоро достиг он сего, взошел на высоту всех добродетелей и соделался уже обителью Св. Духа.

-201-

А если кто не приял несомненно сей благодати Утешителя, то не может свободно совершать пребывание в сей молитве, потому что, как сказано, когда вселится в ком из людей Дух, тогда не прекратит он молитвы, но Сам Дух молится всегда (Рим. 8,26). *Когда и в сонном и в бодрственном состоянии человека молитва не пресекается в душе его, но ест ли, пьет ли, спит ли, делает ли что, даже и в глубоком сне, без труда издаются сердцем его благоухания и испарения молитвы. Тогда молитва не отлучается от него, но всякий час, хотя и не обнаруживается в нем внешне, однако в то же время совершает в нем службу Божию втайне...* И ее сподобляется *один из многих тысяч людей*[25], потому что это тайна будущего состояния и жития... Не молитвою молится душа, но чувством ощущает духовные вещи оного века, превышающие понятие человеческое, *уразумение которых возможно только силою Св. Духа.* А это есть умное созерцание, но не движение и не взыскание молитвы, хотя от молитвы заимствовало себе начало... И нет часа, в который бы внутреннее их движение было не в молитве, как сказали мы выше. И когда приникает Дух Святой, всегда обретает таковых в молитве; и от этой молитвы возносит их к созерцанию... *Ибо не имеют они нужды в образе продолжительной молитвы, ни в стоянии и в чине продолжительной службы.* Для них достаточно вспомянуть о Боге, и тотчас пленяются любовию Его.

Впрочем, не нерадят совершенно и о стоянии на молитве, когда воздают честь молитве и, *кроме непрестанной молитвы, в назначенные часы стоят на ногах.* Ибо видим св. Антония стоящим на молитве девятого часа и ощутившим вознесение ума своего. И другой из отцов, с воздетыми руками стоя на молитве, приходил в восхищение на четыре дня».

В заключение хочу обратить особенное внимание читателя на последние строки этого отрывка. Как они важны для нас, не смеющих мечтать ни о каком совершенстве! Святые «не имеют нужды ни в стоянии, ни в продолжительной службе» и, однако, имея в сердце непрестанную молитву, «в назначенные часы стоят на ногах». Вспомним еще, кто были апостолы, в частности Петр и Иоанн? И мы о них читаем: «Петр и Иоанн шли вместе в храм в час молитвы девятый» (Деян. 3, 1). Как живые, встают они перед глазами, так ярко выписано это место в «Деяниях». Вот Антоний Великий тоже справляет девятый час. И множество иных примеров. Не о важности церковной молитвы я хочу

-202-

сейчас говорить. Об этом сказано (или будет сказано) в ином месте[26]. Я хочу обратить внимание на совершение церковных служб на дому. Когда-то издавались полные молитвословы с полунощницами, утренями, повечерницами. Очевидно, был спрос. И молитвословы те — не иерейские, а для мирян. Цель их издания понятна. Она выражена в следующих словах увещания, печатаемого в конце «Следованной Псалтири»[27]:

«И никтоже без молитв и во время церковного пения да пребывает, где-либо в приключении на месте быти случится кому, в дому, или на пути, но по силе своей да совершает и не унывает нерадением, и весьма суетными попечениями да не отягощается. И малое убо определенное, и во времени совершаемое правило в великое вменится от Христа Господа [1 Кор. 13, 19]»[28]

Наши предки так и делали. Что мешает делать это теперь? «Следованные Псалтири», в которых печатаются все службы, и теперь издаются, правда, в формате, нельзя сказать чтобы удобном для путешественника или паломника. Можно посему купить удобный «Иерейский молитвослов». В церкви идет служба, а ты, за дальностью расстояния или еще почему, не можешь пойти — прочти ее дома. Полчаса-час-полтора всегда найдутся, если сделать язык воздержнее и прекратить лишние знакомства. Ах, какие настали времена! Наши предки, не учившиеся в университетах, хорошо разбирались в службах и церковных книгах, а мы, у которых голова пухнет от знаний, не знаем даже славянских цифр, да и читать-то правильно по-славянски не умеем. А ведь по национальности, по крови *славянами* считаемся! И своего родного языка не знаем... Но кто желает себе спасения, примет к сведению то, о чем я здесь говорю, и не только к сведению, но и к руководству.

§ 8. Предмет молитвы.

1. О чем нужно молиться?

Св. Исаак Сирин, великий учитель и художник сей добродетели (молитвы), так отвечает на этот вопрос: Не будь несмыслен в своих прошениях, чтобы не оскорбить тебе Бога неразумием. Будь мудр в своих молитвах, чтобы сподобиться тебе славы. Проси досточестного у Дающего без зависти... чтобы возвеличилось

пред Ним достоинство твое и возрадовался Он о тебе. Если кто попросит у Царя немного гноя, то не только сам себя обесчестит маловажностью своей просьбы, как показавший тем великое невежество, но и Царю своею просьбой нанесет оскорбление. Так поступает и тот, кто в своих молитвах просит у Бога *земных благ».*

Итак, молиться о чем-нибудь земном — ниже достоинства человеческого, и, оставив небесное, просить, чтобы нам не умереть с голоду, чтобы было на что жить, просить шуб, хороших должностей и приятного обхождения с нами начальствующих или подчиненных ради нашего собственного спокойствия и благополучия — все равно что, по словам того же св. отца, просить собственного гноя или кала. Ангелы и архангелы — эти вельможи Небесного Царя — огорчаются, видя и слыша такие прошения, исходящие из уст человека.

Поэтому:

«Не проси у Бога того, что Сам Он без прошения дает нам по Своему промышлению, и дает не только своим и возлюбленным, но и тем, которые чужды ведения о Нем. Ибо сказано: "не будьте, *якоже язычницы, лишше* глаголющими в молитвах своих" (Мф. 6, 7). Это есть телесное, и сих *языцы ищут,* сказал Господь. Вы же *не пецытеся, что ясте, или что пиете,* или *во что облечестеся. Весть бо Отец ваш,* что имеете в этом нужду (Мф. 6, 25, 32). Сын у отца своего не просит уже хлеба, но домогается наибольшего и высшего в дому отца своего. Ибо по немощи только ума человеческого Господь заповедал просить ежедневного хлеба. Но смотри, что заповедано тем, которые совершенны ведением и здравы душою. Им сказано: не пекитесь о пище или одежде, потому что если Бог печется о бессловесных животных, о птицах и о тварях неодушевленных, то кольми паче попечется о вас. *Ищите же* паче *Царствия Божия и правды Его, и сия вся приложатся вам* (Мф. 6, 33)»[2].

Таким образом, общее и основное положение заключается в том, что человеку надо молиться о даровании небесных благ, а не земных. Исключение может быть только для крайне немощных и в случаях крайней необходимости.

В этом удостоверяет нас преп. Серафим Саровский. Помолившись Богу о том, чтобы ему с Н. А. Мотовиловым *быть в Духе (Святом),* и, получив просимое, преподобный говорит своему «служке»:

-204-

«Не успел я, убогий, перекреститься, а только лишь в сердце своем пожелал, чтобы Господь удостоил вас видеть благостыню во всей ее полноте, как уже Он немедленно и на деле исполнением моего пожелания поспешить изволил. Не велехвалюсь говоря я это, и не с тем, чтобы показать вам свое значение и привести вас в зависть, и не для того, чтобы вы подумали, что я — монах, а вы — мирянин, нет, ваше боголюбие, нет... Господь равно слушает и монаха, и мирянина, простого христианина, лишь бы оба были православные и оба любили Бога из глубины душ своих, и оба имели в Него веру, хотя бы "яко зерно горушно", — и оба двинут горы...

Так-то, ваше боголюбие, все, о чем бы вы ни просили у Господа, все восприимете, лишь бы только то было *во славу Божию или на пользу ближнего.* Потому что и на пользу ближнего Он же к славе Своей относит, почему и говорит: "Вся, еже единому от меньших сих сотвористе, Мне сотвористе"...

Но если даже и для собственной вашей нужды, или пользы, или выгоды вам что-либо нужно; и это даже все столь же скоро и благопослушливо Господь Бог изволит послать вам, только бы в том *крайняя* нужда и необходимость настояла, ибо любит Господь любящих Его... Одного опасайтесь, ваше боголюбие, чтобы не просить у Господа того, в чем не будете иметь крайней нужды. Не откажет Господь вам и в том за вашу веру православную во Христа Спасителя, ибо не предаст Господь жезла праведных на жребий грешных и волю раба Своего Давида сотворит неукоснительно, однако взыщет с него, зачем он тревожил Его без особой нужды, просил у Него того, без чего мог бы весьма удобно обойтись»[3].

Сказания о подвижниках передают даже такие случаи, когда Бог совершал чудеса, чтобы помочь человеку в деле, на первый взгляд не совсем необходимом и далеком от спасения. Из многих случаев приведу один.

Некто из древних святых египетских послал своего ученика за водой. Колодезь же был очень далеко от кельи старца. Ученик, отправившись за водой, забыл взять с собой веревку, на которой спускался кувшин в колодезь. Заметил же он это, когда уже пришел к колодцу, и очень опечалился, потому что далеко было, как сказано, до их жилья. Не знал он, что ему делать, куда идти; а возвратиться в келью

-205-

без воды не хотелось. Тогда в великом огорчении он встал на молитву и со слезами сказал: «Господи! Умилосердись надо мною по великой милости Твоей! Ты сотворил небо и землю, море и все, что в них, Ты един сотворил все чудное... Умилосердись надо мною ради служителя Твоего, который послал меня.

Окончив молитву, он воскликнул:

— Колодезь! Колодезь! Раб Христов, мой отец, послал меня почерпнуть воды...

Немедленно вода поднялась до устья колодца. Брат наполнил кувшин свой водой и возвратился в келью, славословя Всемогущего Бога.

А вода в колодце опять спустилась на свой обычный уровень[4].

Хотя Бог призрел на молитвы ученика ради могущественной силы послушания и достоинств его духовного отца, но все же сотворил чудо, чтобы исправить его собственную нужду и личную вину.

2. Различие в предметах молитвы; кому о чем прилично молиться

Как и земные, небесные блага бывают разной ценности, и потому надо сообразовываться со своим душевным устроением: достойны ли мы получить то, о чем просим? Нужно посему, как говорит мирская пословица, «брать епанчу по своему плечу». Ведь если бы даже мы и получили что-либо выше нашей духовной меры, то, конечно, не смогли бы вместить оное, и получился бы вред. Но Бог делает все к лучшему, и не всегда наши прошения удовлетворяет, как мы того хотим, но заменяет просимое часто другим, более полезным для нас. И святые смирялись и просили себе того, чего хочет Бог, а не говорили: «Дай мне апостольство, силу чудотворения для пользы людей, дар прозорливости, чтобы врачевать немощные совести» и прочее. Но сперва истребляли и уничтожали в себе страсти, а потом, получив эти дары, благодарили за них Бога, считая себя недостойными их (1 Кор. 15, 9; 2 Кор. 11, 17; 12, 11).

«Кто просит у Бога меньше того, чего он достоин, тот, конечно, получит более, нежели чего стоит. Об истине сего свидетельствует мытарь, просивший отпущения грехов и получивший оправдание. Разбойник также просил только, чтобы Господь помянул его во Царствии Своем, но он пер-

-206-

вый получил весь рай в наследие»[5].

И св. Исаак Сирин говорит:

«Отречемся от того, чтобы искать у Бога высокого, когда не посылает и не дарует Он этого; потому что Бог знает сосуды, избранные на служение Ему... Умоляю тебя, да не входит тебе и на помысл это; но паче всего приобрети терпение для всего, что ни бывает с тобою. И в великом смирении и сокрушении сердца... будем просить [у Господа] отпущения грехов своих и душевного смирения»[6].

Последние предметы составляют содержание истинной молитвы всех новоначальных, и о них я скажу подробнее, разбивши их на отдельные пункты.

3. Молитва о прощении грехов

«Хотя бы ты взошел на всю лествицу добродетелей, — говорит св. Иоанн Лествичник[7], — однако и тогда молись о прощении грехов, слыша, что св. Павел говорит о грешниках: *от них же первый есмь аз* (1 Тим. 1, 15)».

Пример такой молитвы мы видим у одного из великих святых древности, у которого *сорок* лет молитву составляло одно прошение: «Я согрешил как человек, Ты же прости как Бог». «И отцы, — прибавляет св. Исаак Сирин[8], передающий этот случай, — слышали, как он с печалию твердил этот стих, а между тем плакал и не умолкал. И эта одна молитва заменяла ему службу днем и ночью».

4. Молитва об исцелении от страстей «Страстные! — восклицает св. Иоанн Лествичник[9]. —

Будем прилежно и неотступно молиться Господу; ибо все бесстрастные из страстного состояния достигли бесстрастия».

Молиться об этом, конечно, понятная и вожделенная цель всякого спасающегося.

5. Молитва о слезах

«Прежде всего молись о приобретении слез, чтобы плачем смягчить тебе ту грубость, какая есть в душе твоей», — говорит св. Нил Синайский[10]. Но, прибавляет он далее, «...не обращай в страсть того, что служит средством от страстей, чтобы не прогневать еще больше Даровавшего благодать. Многие, проливая слезы о грехах и забыв цель слез, обезумели и вышли из себя»[11].

-207-

Подробности о том, как пользоваться слезами не во вред себе, а на пользу и чтобы не делать их самоцелью, не увлекаться ими, изложены в другом месте[12].

6. Частные виды дозволенных
и недозволенных прошений

Непременно нужно молиться, когда идешь вопрошать старцев[13]. Хорошо молиться за других. «Если кто-нибудь просит тебя помолиться о нем, то хотя ты и не стяжал еще дара молитвы, не отрицайся. Ибо часто вера просящего молитвы спасет и того, кто молится о нем с сокрушением сердца»[14].

Но «не возносись, когда ты молился о других и был услышан; ибо это их вера подействовала и совершила»[15].

И к этому нужно добавить слово св. Варсонофия Великого: «Когда кто скажет: "Помолись о мне", скажи в сердце своем: "Бог да помилует нас", и этого достаточно. А поминать его всегда — дело не твое, но совершенных, могущих молиться друг о друге»[16].

Есть одно исключение из этого правила: о прежних своих возлюбленных лучше бы не молиться[17] (но пусть этот вопрос каждый сам решает для себя).

§ 9. Условия действенности молитвы и бесовские козни и страсти расстраивающие.

Больше полторы тысячи лет тому назад св. Ефрем Сирин[1] сказал: *«Юность* одно имеет в виду, а именно, что Бог по всемогуществу Своему все может сделать; но не знает, что во всем действует Бог премудро, хотя все для Него возможно, однако творит одно то, чему нужно совершиться».

Но и до сих пор слова эти сохранили свою силу. И хорошо святой сказал: *«Юность* одно имеет в виду...» Действительно, только *юному,* если не детскому даже, возрасту (главным образом в духовном смысле) свойственно говорить: «Вот молился я, но Бог не слышит и не исполняет прошения. Либо Бога нет, либо Он не всемогущ» и прочие «безумные глаголы»[2]. Неправильно здесь уже то, что смешивают два разных понятия в одно: у таких молельщиков «Бог не слышит» и «Бог не исполняет» — одно и то же. Но это вещи совершенно

-208-

различные. Бог может слышать и не исполнять наших прошений и может не слышать и исполнять — попускать их. *И отпустих я по начинанием сердец их, пойдут в пачинаниих своих,* как говорит Сам Бог в последнем случае (Пс. 80, 13). Например, человек, перед тем как совершить заведомо худое дело, молится Богу, чтобы Он помог ему совершить его как можно успешнее; конечно, Бог не слышит, то есть не благословляет, не помогает такому человеку, но, бывает, и не препятствует ему. Выводить отсюда последнему в случае видимой удачи в деле, что Бог ему помог, «услыхал», было бы по меньшей мере странно. Но если бы после долгих и усиленных молитв с пашей стороны мы и не получили бы просимого, то и тогда нельзя было бы обвинять Бога в том, что Он не слышит. Ибо Господь все делает к пользе нашей, и если мы не получили чего-нибудь, то, несомненно, как говорит св. Иоанн Лествичник[3], по какой-либо из следующих трех, или даже больше, причин: «или потому что прежде времени просим; или потому, что просим не по достоинству и по тщеславию; или потому что, получивши просимое, возгордились бы или впали бы в нерадение».

Но кроме богохульства и обвинения Бога в нежелании нас слышать и помогать нам, еще великая погибель таится в вышеприведенных словах двойственных юному возрасту>. Собственно говоря, она-то и является источником этого богохульства. Это — гордость, нежелание обвинять во всем себя и устремление во всем упрекать Бога. Ведь как бы естественно надо поступить, когда не получишь того, о чем просил Бога? — Смириться. Надо бы разглядеть и с сокрушенным сердцем рассмотреть, действительно ли мы стоим того, чтобы Господь нас слушал. И если мы стоим на *правом* пути, то сердце непременно нам скажет, что мы — *грешники,* потому *Бог* нас и не слушает, *но аще кто богочтец есть и волю Его творит, того послушает* (Ин. 9, 31). О, окаянное это наше устроение, которое мы в себе создали сами и которое постоянно и во всем подущает нас обвинять других, *а* не себя!..

Характерно, хотя и бесстыдно-кощунственно, не по-пророчески, «отрыгнул» (Пс. 44, 2) пред всеми подобное настроение поэт:

-209-

Опять сияние в лампаде,
Но не могу склонить колен.
Ликует Бог в надзвездном граде,
А мой удел — унылый плен.
С иконы темной *безучастно*
Глаза *суровые* глядят.
Открыт молитвенник напрасно:
Молитвы древние *молчат,* —
И пожелтелые страницы,
Заветы строгие храня,
Как *безнадежные* гробницы,
Уже *не смотрят* на меня.

Федор Сологуб* (*См.: *Сологуб Ф.* Стихотворения. Л., 1975. — Прим, составителя.)

Тут сплошь обвинение посторонних, всех и вся, но только не самого себя. Поэт в своих требованиях доходит до того, что желает (очевидно, вдохновленный мелодиями граммофона и прочих хитроумных аппаратов, изобретенных культурой XX века), чтобы молитвы сами собой говорили, а произносить их молящемуся — устарелое дело... Но если бы понимать эти слова о «молчании» молитв и в иносказательном смысле, все равно они не оживут и не «заговорят» до тех пор, пока мы их *со смиренным чувством* не *проговорим* раз с тысячу, а значит без числа[4]. Великий труд — молитва, и многого она требует от человека. А удовлетворял ли сам поэт этим требованиям, когда писал эти свои строки?..

Но, кроме всего вышеуказанного, из-за чего наши прошения могут остаться без ответа, есть еще целый ряд причин, по которым молитва наша стелется по земле, а не взлетает на небо. Причины эти находятся в нас самих и зависят только от нас, а не от Бога. *«...Господь хотел бы, чтобы все человеки в одно мгновение сделались бесстрастными»,* — говорит досточудный светильник рассуждения св. Иоанн Лествичник[5] (ср.: Мф. 18, 14; 23, 37; Иез. 33, 11; Иер. 8, 5 и друг.). Но что же делать, если люди-то этого не хотят?.. Когда душа человеческая, подобно блуднице у пророка Осии, в ответ на призыв Бога к покаянию говорит: *«Пойду за любовниками моими, которые дают мне хлеб и воду, шерсть и лен, елей и напитки»* (Ос. 2, 5).

Обстоятельства, препятствующие молитвенному деланию или, наоборот, развивающие его в нас, можно разде-

-210-

лить на два разряда: одни относятся всецело к внутреннему устроению человека, другие касаются существа самого молитвенного подвига. И внутри себя каждый разряд делится на две части: одна выражает внешнюю сторону дела, а другая — внутреннюю.

I. Что в самом человеке способствует и что мешает развитию настоящей молитвы?

Телесные добродетели и пороки

1. Уединение, молчание, безмолвие. Вместо всяких рассуждений, здесь полезнее будет выписать несколько мыслей из святых отцов, великих делателей в молитвенном подвиге. Те плоды, которые они стяжали и слышание о которых совершенно невыносимо для человеческого уха в наше время, обусловлены

исполнением в точности нижеуказанных правил (во всем этом параграфе). Поэтому не будем обращать внимания на хулителей, которые говорят, что невозможно тому быть, о чем пишется в житиях святых, ибо они так говорят, желая оправдать свои собственные лень и нерадение. Мы же прислушаемся к словесам святых, чтобы нам, если не начать уже исполнять их, то, по крайней мере, сокрушиться душою от них и укорить себя за смрадную жизнь.

Вот, например, златые словеса св. Исаака Сириянина[6] как некие первоначальные ступени небошественной лествицы. Взошедший по ним на небо да поможет и нам хотя несколько приподняться от земли. Но не забудем, что это только *начало* трудного пути!..

«Уста молчаливые истолковывают тайны Божий, а скорый на слова удаляется от Создателя своего...

Сколько человек удаляется от собеседования с людьми, столько же удостаивается дерзновенным умом своим беседования с Богом, и в какой мере отсекает от себя утешение мира сего, в такой удостаивается радости Божией о Святом Духе. И как гибнут рыбы от недостатка воды, так умные[7] движения, возникающие от Бога, исчезают в сердце инока, который часто обращается и проводит время с мирскими людьми...

В какой мере язык воздерживается от многоглаголания, в такой озаряется ум к различению помышлений; а много-

-211-

глаголанием приводится в замешательство и самый рассудительный ум...

Ничто так не охлаждает огня, вдыхаемого в сердце инока (конечно, и всякого спасающегося. — Еп. Варнава) Святым Духом к освящению души, как обращение с людьми, многоглаголание и всякая беседа». (Кроме разговоров на душеспасительные темы с людьми духовными. Такие беседы, сильнее всякой добродетели, возбуждают нашу душу к подвигам и заботе об очищении от страстей. Но тут не нужно забывать, что таких людей очень мало, а что касается наших единомысленных друзей, то они, подобно нам, сами еще нуждаются в уврачевании[8].)

Приложу еще несколько заповедей и советов другого великого созерцателя таинств священной молитвы, св. Иоанна Лествичника[9]:

«Познавший благоухание огня, сходящего свыше[10], бегает многолюдных собраний, как пчела — дыма. Ибо как дым отгоняет пчелу, так и сему нетерпимо многолюдство».

«Вкусивший молитвы часто произношением одного слова оскверняет ум и, ставши потом на молитву, не находит вожделеваемого, что находил прежде».

«Ежели не всегда можно пребывать в уединении и молчании, живя в монастыре и занимаясь возложенными от настоятеля послушаниями [пусть, не смущаясь, применят это к себе и телефонная барышня с приказчицей модного магазина], — говорит преп. Серафим Саровский[11], — то хотя некоторое время, оставшееся от послушания, должно посвящать на уединение и молчание, *и за сие малое не оставит Господь Бог ниспослать благодатную свою милость».*

Ко всему предыдущему 'очень важное замечание. Когда святые отцы говорят о молчании, то имеют в виду так называемое «молчание в разуме»[12] — молчание наших помыслов и недозволение нам заниматься мирскими делами. Но если мы язык свяжем, а умом будем скитаться («строить воздушные замки», мечтать или

излишне заботиться о повседневных делах), то не только это не будет называться молчанием и не принесет нам никакой пользы, но даже вред нам будет от такого молчания, и мы понесем осуждение за лицемерие. Впрочем, и этого мало сказать. Настоящий христианин должен воздерживаться от помыслов не только худых, *но и добрых и полезных*[13] по видимости, ибо

-212-

до тех пор пока он не пришел в бесстрастие и совершенство, он не может поручиться, что последние не подсказаны диаволом. (В большинстве случаев это так и бывает.) Посему выше и безопаснее Иисусовой молитвы, произносимой с сокрушением и сердечным вниманием, ничего нет.

Связано также молчание и с послушанием. Иной проговорит целый день (миссионер, проповедник, духовник, старец, преподаватель в школе), и это ему вменяется *в молчание* — при условии, если говорит *на пользу, а не на разорение слышащих* (2 Тим. 2, 14; 2 Кор. 10, 8), а иной (послушник, особенно когда вмешивается в разговор старших и противоречит своему духовному отцу; безмолвник и вообще всякий, кто лезет не в свое дело) скажет одно лишь слово, и оно ему вменится, все равно как продолжительная болтовня[14].

Выражение же «вменяется» я употребляю здесь не в значении обвинения такого человека за гробом, но в смысле наказания еще на земле, что сказывается тотчас же расстройством налаженного духовного чина (как это мы только что видели в последней цитате из Иоанна Лествичника).

2. Посильный пост и воздержание. Ум наш святые отцы хорошо сравнивают с легким пером или пухом. Если последний не отсыреет и не намокнет, то при самом слабом дуновении ветерка уже летит в высоту, взвивается кверху; а если попадет в воду или будет отягчен какою-либо другой жидкостью, то уже теряет свое прежнее воздушное качество и, будучи брошен на воздух, вместо того чтобы лететь, никнет к земле и падает книзу.

«Так и ум наш, если будет свободен от бремени приражающих к нему пороков [главным образом чревоугодия, блуда, сребролюбия]... то, облегчаемый силою природной чистоты своей, при самом тихом веянии духовного размышления, возвышается к превыспреннему и, оставляя все дольнее и земное, переносится к небесному и невидимому»[15]. Поэтому-то Господь и заповедует нам: *Внемлите же себе, да не когда отягчают сердца ваша объядением и пиянством и печальми житейскими...* (Лк. 21, 34.)

3. Чтение Свящ. Писания. Это одно из довольно важных условий для стяжания молитвенного духа. Чтение Писаний, говорит св. Исаак Сирин[16], есть «источник чистой молитвы». К сожалению, оно у нас совершенно забыто. Если

-213-

Библия и читается, то только у сектантов, да с тою целью, чтобы найти в ней противоречия. Внушают же демоны это человеку затем, чтобы тот не получил великой пользы от чтения Свящ. Писания. Ибо оно укрепляет ум, служит орошением молитве, подает свет разумению, удерживает помыслы от рассеяния, не дает им кружиться, непрестанно посевает в душе памятование о Боге, указует святые пути, сообщает разуму тонкость и мудрость.

Вот почему преп. Серафим Саровский[17] в числе прочих и такое дал еще наставление одному новоначальному иноку:

«Если находишься в келье, не имея рукоделия, *всячески* прилежи чтению, а *наипаче Псалтири.* Старайся каждую статью прочитывать многократно, дабы содержать все в разуме».

Вот почему Псалтирь и Евангелие даже по мертвым читают, ибо и им это чтение помогает[18]. Но и за живых хорошо читать.

Духовные добродетели и страсти

4. Вера. Без веры же невозможно угодити Богу, — говорит апостол, — *веровати же подобает приходящему к Богу, яко есть, и взыскающым Его мздовоздатель бывает* (Евр. И, 6). «Вера воскриляет молитву, и без веры молитва не может возлететь на небо... *Верующий не тот, кто думает, что Богу все возможно, но кто верует, что получит от Него все, чего просит.* Вера получает и то, на что не смеет надеяться, как показал это пример благоразумного разбойника на кресте. Матерь веры есть труд и правое сердце; ибо последнее делает ее несомненною, а первый созидает ее»[19].

5. *Послушание.* Это величайшее пособие к молитве, но не у всех оно в руках, ибо и в нынешних монастырях его не скоро сыщешь, и в лучшем случае там пробавляются внешним исполнением приказаний, а об откровении помыслов и понятия не имеют. Если же и открываются помыслы, то с самооправданием и нечисто, и получается, что послушник приходит только докладывать к старцу, как он в том-то и в том-то распорядился, а не обвинять себя в грехах.

Как же спасающемуся в миру использовать это средство? Есть ли возможность у человека получить тот же результат (или, по крайней мере, приближающийся к нему) от какого-либо иного делания, которое вполне бы могло за-

-214-

менить *послушание* монастырское и *исповедание помыслов* духовному отцу и которое было бы вне пределов досягаемости и гонений со стороны мира? — Есть. Конечно, вышеуказанные два делания ничто в свете заменить не может, но все же есть нечто, что при вспомоществовании благодати Божией, *немощная врачующей и оскудевающая восполняющей,* как читается в молитве над хиротонисуемым в какой-либо священный сан, может способствовать духовному росту человека очень сильно. Что же нужно делать? Завести монастырскую обстановку дома; родителей в том, в чем они не заставляют нас идти против Христа[21], слушаться беспрекословно, как игуменов и игумений, а к братьям и сестрам относиться как к братьям и сестрам во Христе. Это первое и самое малое, незначительное. А главное заключается в том, чтобы контролировать с утра до вечера свои помыслы. И если мы увидим, что грешная мысль пришла или *только еще подкрадывается,* сейчас же дверь на запор, и ну вопить к Богу: «Господи, помози, Господи, защити», а уж взошла уже и осквернила, начадила в клети души нашей, то — просить прощенья, молясь, как учит преп. Серафим Саровский[20] в подобном случае, так: «Согреших, Господи, словом, делом, помышлением и всеми моими чувствы. Прости мя...» Тысячу раз на день согрешишь, тысячу раз кайся. И не давать ни своему помыслу скитаться, ни глазам заглядываться, ни рукам ни к чему любопытному касаться, ни каким чувствам распускаться. Внушает нам помысл на улице посмотреть на что-либо — воздохнем в ответ к Богу: «Отврати очи мои, еже не видети суеты...» (Пс. 118, 37) или: «Давид говорит: *не предлагах пред очима моима вещь законопреступную* (Пс. 100, 3), будем и мы, душа моя, подражать ему». И так во всех прочих случаях — на каждое представляющееся искушение станем

противопоставлять помыслу текст из Свящ. Писания (на то и требуется изучать и часто читать его) или из святых отцов.

Таким образом, хотя мы и заменим живые заповеди духовного отца вычитанными евангельскими и святоотеческими, но если мы нелицемерно и не жалеючи себя будем отсекать пред ними свою волю и так, как будто бы видели воочию пред собою Господа или же Серафима Саровского, Иоанна Лествичника и других <святых подвижников>, то результат будет добрый. *Не далече* будем *от Царствия Божия* (Мк. 12, 34). Исповедание же помыслов заменим

-215-

как можно более частою исповедью, хотя бы и без причащения Святых Тайн. Непременно соединять то и другое необязательно, и необходимо только для тех, кого насильно приходится загонять в церковь и к св. таинству. Для подвизающегося же хорошо будет *еженедельно исповедоваться* и *ежемесячно причащаться.*

И вот, если после таким образом проведенного дня станем на молитву, то вскоре овладеем своим умом и прольем потоки слез. Душа же наша исполнится света и радости[22].

6. Безгневие и кротость. Добродетели эти есть благородный отпрыск нелицемерного и непорочного послушания. Итак, по порядку предложится слово и об этом.

Что же такое безгневие?

«Начало безгневия есть молчание уст при смущении сердца; средина — молчание помыслов при тонком смущении души; а конец — непоколебимая тишина при дыхании нечистых ветров»[23], при всех злословиях, оскорблениях, оплеваниях, гонениях. Всякий может проэкзаменовать себя, чтобы узнать, в каком классе спасающихся он находится, или, может быть, он не знает еще и азбуки, хотя по внешнему учению окончил университет или даже славным ученым считается.

Итак, полное безгневие есть тишина и мир помыслов, хотя бы на человека обрушился весь мир. Если именно это состояние души является условием пребывания в человеке Святого Духа, ибо сказано: *в мире место Его* (Пс. 75, 3), то, следовательно, «ничто столько не препятствует пришествию в нас Духа Святого [а с ним вместе и *неизглаголанной* молитвы (Рим. 9, 26)], как гневливость»[24].

Поэтому-то святые отцы так строго и наказывали всячески хранить себя от этой страсти, даже запрещали быть вблизи гневающихся.

«Если другие препираются при тебе, — говорит св. Исаак Сирин[25], — замкни уши свои и беги оттуда, чтобы не услышать тебе выражений гневных и не умерла душа твоя, лишившись жизни. Сердце раздраженное не вмещает в себе тайн Божиих; а кроткий и смиренномудрый есть источник тайн нового века [Откр. 21, 1, 5]».

Зная такую силу безгневия и кротости, демон всячески старается осквернить молитву человека этой страстью. Он искушает его гневом до молитвы, старается подвигнуть на

-216-

гнев во время самой молитвы и, наконец, уничтожает все ее плоды, заставляя человека возгораться гневом после нее. Так, придя после обедни домой, мы, не находя на столе готового самовара, поднимаем шум, не зная того, что бесам только

того и надо было. Но попускает им действовать так против нас Бог, и св. Иоанн Лествичник раскрывает, почему так:

«От всякого отрока каждодневно учитель без упущения требует, чтобы он дал ответ во всем, чему научился от него, и от всякого ума Бог во всякой молитве требует, чтобы показал силу, которую получил от Него. Итак, должно внимать. Когда трезвенно помолишься, вскоре будешь борим на гнев; ибо враги наши обыкновенно так поступают»[26].

Приведу еще пример из истории крепостного права, показывающий, как бесы стараются испортить человеку самую молитву. Наглядно рисует дело в своих записках современник.

«Марья Васильевна тоже была штука! — пишет этот сельский священник про одну помещицу. — И у себя в доме и в церкви она усердно и подолгу молилась на коленях. Стоит барыня дома на коленях, выкладывает кресты, закинет глаза под лоб и вдруг увидит, что какая-нибудь Малашка сделала что-нибудь не так, как хотелось бы барыне, например, стул поставила не так, нечисто смела и т. п., что-нибудь в этом роде. Стоит барыня на коленях, занесет руку ко лбу и вдруг вскочит:

— Малашка, что ты делаешь?

И... бац, бац по лицу и — опять на колена: "Господи! Соблазнила меня эта... помилуй меня!"

Или стоит на коленях барыня и молится, а в это время горничная убирает ее комнату. Сердечные излияния барыня всегда выражала вслух:

— Господи! Прости мне, я вчера осудила!.. А ты, Варька, ныне молилась?

— Молилась, сударыня.

— Уж я думаю, что молилась! Чай, молилась, а сама на Федьку глаза пялила. Господи, не оставь детей моих, спаси и их!..»[27]

Тут гнев, все его исчадия, тщеславие и все что угодно. Но «если облечешься в совершенную кротость и безгневие, — говорит святой Иоанн Лествичник ко всякому желающему избавиться от толпы нелепых помыслов на молитве, — то немного будешь трудиться, чтобы освободить ум твой от пленения»[28].

-217-

7. Милосердие. Терпеть напраслину, не воздавая злом за зло, — это одно дело, добродетель пассивная, а благотворить врагам и ненавидящим нас (Мф. 5, 44) — это совершенно другое, ни с чем не сравнимое, короче говоря, сверхъестественное дело, добродетель активная, деятельная. Насколько же превосходнее ее участие в молитвенном деле в сравнении с предыдущей добродетелью! Творя ее, человек является подражателем Самого Бога (Мф. 5, 45).

Отсюда прямой вывод — значит, враги должны нападать на нас за нее сильнее. И с другой стороны — осквернить молитву противоположной страстью, жестокостью и злопамятностью, демонам должно быть всего милее. «Милость» же у бесов проявляется в самых чудовищных внушениях, и тот, кто их слушает, делает невероятные по жестокости вещи. И притом, чтобы сделать человека более ответственным за грех, враги стараются все время его поддерживать во внешнем подвиге. Таким образом получается такой тип, каким был Иоанн IV (Грозный), соединявший аскетические подвиги и всенощную молитву со страшной жестокостью вплоть до кровожадности.

Вместо примеров из жизни Иоанна Грозного, всем известных, я, в целях большей наглядности своей мысли, выпишу несколько строк из характеристики (по

старым цензурным условиям изданной за границей) еще одного типа времен крепостного права.

«Он (помещик) был набожен, — сообщает современник[29], — не пропускал ни обеден, ни заутрень, не пил чая до обедни и строго соблюдал все посты; а между тем (как будто удивляется очевидец, явно не понимая духовной сути дела, — еп. Варнава) обычное его занятие между заутренею и обеднею по праздникам было следующее. Отправляясь к заутрени, он говорил: "Приготовить", т. е. собрать в контору людей, назначенных быть сеченными, и припасти розги. После заутрени он приходил в контору и начиналось сечение. Когда истощалось число людей, подлежавших наказанию, тогда он говорил: "Эй, скажи батьке благовестить". И спокойно он отправлялся к самому началу часов. С этим-то человеком, старцем уже за 70 лет, и мне пришлось иметь дело»... (Дальнейший предмет воспоминаний нас не касается.)

Посему-то святой сказал:

«Кто любит истинную молитву и гневается или памятозлобствует, *тот поврежден в уме,* потому что уподобля-

-218-

ется человеку, который хочет рассмотреть ясно и обращает туда и сюда глаза свои»[30].

И другой святой говорит:

«Быть злопамятным и молиться значит то же, что сеять в море и ждать жатвы»[31].

И еще сильнее:

«Дела *без милосердия* пред Богом — то же, что человек, который *закалает сына в присутствии отца его»*[32].

8. Смирение. Хотя эта основная добродетель христианская, без которой христианина как такового и быть не может, превратилась в звук пустой, находится в гонении, считается худшим из зол в обществе и непригляднейшим из качеств души, однако желающему спастись необходимо насаждать семена этого благоуханного древа жизни с самого начала. Не надобно смотреть, как судит о ней мир[33], а <важно>, как судит Бог. Ибо если мы хотим через молитву чего-нибудь попросить, то, конечно, просить ведь будем у Бога; следовательно, должны и наблюдать то, что угодно Богу, а не людям, а Ему угодно смирение (Мф. 11,29). Не иначе, друга мои, можем мы быть услышаны, не иначе, как только через стяжание в себе сей царственной ходатаицы перед Богом за наше недостоинство. На деле св. Исаак Сирин учит поступать для сего так[34]:

«Когда предстанешь в молитве пред Богом, соделайся в помысле своем как бы муравьем, как бы пресмыкающимся по земле, как бы пиявицею и как бы ребенком лепечущим. Не говори пред Богом чего-либо от знания, но мыслями младенческими приближайся к Нему и ходи пред Ним, чтобы сподобиться тебе того отеческого промышления, какое отцы имеют о детях своих младенцах. Сказано: *храняй младенцы Господь* (Пс. 114, 5)».

На молитве, следовательно, нет профессоров, нет ученых, нет гениев, но есть только муравьи и черви (Пс. 21,7), а не люди. Знаю, жестоко это слово для слуха нынешних людей, но что же делать — зато другим оно мило и любезно, как и апостол говорит: *Яко Христово благоухание есмы Богови в спасаемых и в погибающих; овем ибо воня смертная в смерть, овем же воня животная в живот* (2 Кор. 2, 15-16).

Но если верующий утверждает в себе на молитве *гордостное* устроение, то он впадает в величайшее искушение. Я не обращаюсь к тем людям, которые сами себя превратили в хульных бесов, ибо врачевать их никто не может уже,

-219-

кроме Самого Бога, но выпишу здесь рассуждение «О неизъяснимых хульных помыслах» св. Иоанна, игумена горы Синайской, для лиц глубоко верующих, любящих Бога и жестоко страдающих от этих супостатов. Величайшее зло это делается еще ужаснее оттого, что нам крайне невыносимо стыдно открыться на исповеди своему духовному отцу в этих гнусных скверных помыслах и без затруднения передать их. Благодаря этому последние нередко доводили многих до полного отчаяния и безнадежия.

• «Часто во время Божественной литургии, и в самый страшный час совершения Тайн, — говорит св. отец[35], — сии мерзкие помыслы хулят Господа и совершаемую святую Жертву. Отсюда явно открывается, что эти нечестивые, непостижимые и неизъяснимые слова внутри нас не душа наша произносит, но богоненавистник бес, который низвержен с небес за то, что и там хулить Бога покушался. И если мои эти бесчестные и нелепые изречения, то как же я, приняв оный небесный Дар, поклоняюсь? Как могу благословлять и в то же время злословить?

• Часто этот обольститель и душегубец многих приводит в исступление ума. Никакой помысл не бывает так трудно исповедать, как этот; поэтому он во многих пребывал до самой старости, ибо *ничто так не укрепляет против нас бесов и злых помыслов, как то, что мы их не исповедуем, но таим и питаем их в сердце.*

• Никто не должен думать, что он виновен в хульных помыслах; ибо Господь есть сердцеведец и знает, что такие слова не наши, но врагов наших.

• Пьянство бывает причиной преткновения (т. е. спотыкания, на улице, например. — Еп. Варнава), а гордость — причина непотребных помыслов. Хотя преткнувшийся неповинен за преткновение, но за пьянство, без сомнения, будет наказан. [Следовательно, и не за хульные помыслы мы ответим, но за ту почву — гордость, — на которой враг сеет их, подлежим суду, ибо сами ее создали.]

• Когда мы станем на молитву, то эти нечистые и неизрекаемые помыслы восстают на нас, а по окончании молитвы тотчас от нас отходят; потому что они не имеют обыкновения бороться с теми, которые против них не вооружаются.

• Безбожный сей дух не только хулит Бога и все Божественное, но и слова срамные и бесчестные произносит в нас, чтобы мы или оставили молитву, или впали в отчаяние.

-220-

• Этот лукавый и бесчеловечный мучитель многих отвлек от молитвы; многих отлучил от Св. Таин; некоторых тела изнурил печалию; иных истомил постом, не давая им ни малейшей ослабы.

• Он делает это не только с мирянами, но и с проходящими монашескую жизнь, внушая им, что для них нет никакой надежды ко спасению и что они окаяннее всех неверных и язычников.

• Кого дух хулы беспокоит и кто хочет избавиться от него, тот пусть знает несомненно, что не душа его виновна в таких помыслах, но нечистый бес, сказавший некогда Самому Господу: *сия вся Тебе дам, аще подпоклонишимися* (Мф. 4, 9). Посему и мы, *презирая его, и вменяя за ничто* влагаемые им помыслы, скажем ему: *иди за мною, сатано; Господу Богу* моему поклонюся и *Тому Единому*

послужу; *болезнь* же твоя и слова твои обратятся *на главу* твою, и *на верх* твой *снидет* хула твоя в нынешнем веке и в будущем (Пс.7,17).

• Кто другим образом хотел бы победить беса хулы, тот уподобился бы покушающемуся удержать своими руками молнию. Ибо как настигнуть, состязаться и бороться с тем, который вдруг, как ветер, влетает в сердце, мгновенно произносит слово и тотчас исчезает? Все другие враги стоят, борются, медлят и дают время тем, которые подвизаются против них. Сей же не так: он только что явился и уже отступил; проговорил — и исчез.

• *...Перестанем судить и осуждать ближнего,* и мы не будем бояться хульных помыслов; ибо причина и корень второго есть первое.

• ...Кто презирает сего врага (т. е. так относится к хульным помыслам, как будто их и нет. — Еп. Варнава), тот от мучительства его освобождается; а кто иным образом ухищряется вести с ним борьбу, тем он возобладает. Хотящий победить духа словами (т. е. кто хочет, противореча им, сопротивляться, как в борьбе с другими бесами. — Еп. Варнава), подобен старающемуся запереть ветры».

Итак, врачевство от хульных помыслов одно — или, пожалуй, вернее сказать, нет никакого определенного врачевства, кроме того, чтобы отнюдь не обращать внимания на нападающие на нас хульные мысли, как будто их и нет. И тогда они отстанут.

И наоборот, чем больше человек мучится и тревожится

-221-

ими, тем они делаются все упорнее, наглее и постояннее. Так что вскоре и совсем житья от них не будет[36].

9. Совлечение грехов и страстей. Внимательный читатель уже должен заметить, что всеми предыдущими добродетелями обнимаются, хотя кратко, все степени духовного преуспеяния человека. Начато было с добродетелей ново-начальных и окончено добродетелями средних и совершенных. Поскольку человек поднимается выше вообще по лествице доброделания, постольку поднимается он выше и по степеням молитвы. Конец всего есть полное бесстрастие и божественная любовь — тогда-то человек познает и истинное существо молитвы. Но так как каждая добродетель сама по себе в отдельности имеет свое начало и свой конец (ср. выше пункт 6 на с. 216), то и для недавно начавших подвизаться *обязательно изучение азов* милосердия, смирения и тому подобного, то есть таких областей духовного ведения, которые в полной мере им недоступны. От того, как усердно они подвизаются против страстей вообще и как усердно и с надеждою стараются возобладать Невозобладаемым для твари, и будет, таким образом, зависеть *первая половина* успеха в деле молитвы.

II. Что должен наблюдать человек во время самой молитвы?

Внешние качества молитвы

10. Порядок со стороны содержания молитвословий. «Прежде всего изобразим на хартии нашего моления искреннее *благодарение* Богу; потом исповедание грехов и *сокрушение* души в чувстве; после сего да представляем Царю всяческих наши *прошения.* Сей образ молитвы есть самый лучший, как одному из братии от ангела Господня было показано», — заключает досточудный авва Иоанн[37].

Этого должен придерживаться подвизающийся в личных молитвах, когда молится своими словами, от себя. В другого же рода молитвах (например

«утренних», «на сон грядущим» и вообще *церковных)* нужно держаться того порядка, какой указан Церковью, и не переставлять.

Но понятно, что здесь полагается *общее* правило; не требуется загонять дух человека в тупик насильно и во всех случаях. Иногда и сами обстоятельства заставляют начать

-222-

предложенный порядок с конца (например, в момент, когда подвергаемся искушению), иногда приличнее произносить известный вид молитвы в одно время, а другой оставить даже совсем до иного времени, более подходящего к нашему душевному устроению. Так и апостол иногда один порядок советует, а иногда другой (Флп. 4, 6; 1 Тим. 2, 1).

Для нас пока достаточно одного *общего* правила, а подробности интересующийся может видеть сам у святых отцов[38], а всего лучше на своем собственном опыте, если только не находится в обольщении.

11. Немногословие. Его заповедал Сам Господь (Мф. 6,7). Однажды спросили преп. Макария Великого, как должно молиться. «Не нужно многословить», — отвечал тот и дальше посоветовал *часто,* но *кратко* воздыхать от всего сердца к Богу: «Господи, как Ты хочешь и как знаешь, помилуй!»; если же нападет искушение, вопити: «Господи, помоги!»[39]

«Молящемуся следует и *не многословить* и *постоянно* молиться. Творить *краткие* и *частые* молитвы, с небольшими промежутками...», — говорит св. Иоанн Златоуст[40]. Этим достигается то, что внимание у человека не будет слабнуть и расточаться на множество привходящих мыслей, как это бывает при чтении длинных молитв. Поэтому плохо делают те, которые набирают себе в правило много акафистов, особенно составленных в новое время[41]. Длинные периоды, которыми они обыкновенно насыщены, скоро утомляют ум новоначального, и молитва его делается скучной, утомительной, невнимательной[42].

Но, понятно, здесь речь идет о *личной,* домашней молитве, а не о церковной. Дома мы должны молитву подлаживать к себе так, чтобы можно было достичь наибольших результатов при одной и той же затрате сил, а в церкви мы сами должны подлаживаться к молитвам, каковы бы они ни были по форме и по содержанию (например, длинные в день Св. Троицы, за вечерней). Речь идет не об общеобязательных, утренних, вечерних и прочих молитвах, а о добровольно принятых на себя сверх обычных.

Внутренние качества молитвы

12. Страх Божий. «Нет большего греха, как молиться без страха Божия, без внимания и благоговения. Кто молится... просто, как попало, с небрежностью и презорством,

-223-

тот явно не знает, что такое есть Бог, не знает и небрежничает. Почему Бог, от Коего исходит и отпущение грехов и всякое благо, хотел бы помиловать и его, но не может, а паче гневается... ибо таковой устами Богу молится, а ум с бесами ведет беседу[43]. От кого же после сего ожидать ему милости?»[44]

«Не столько осужденный боится изречения своей казни, сколько ревностному молитвеннику страшно предстояние на молитве», — говорит преп. Иоанн Лествичник[45].

Так святые отцы чувствовали себя на молитве! А они ведь среди людей как боги были какие, заключали небо и землю (3 Цар. 17, 1), воскрешали мертвых (Деян. 20, 9-12) и проч.

Но у нас не только забыли заповедь Божию о страхе и трепете на молитве (Пс. 2, 11), а еще и угрозы Богу шлют. Так, Гаэтано в романе С. Лагерлеф[46] «Чудеса антихриста» учит донну Микаэлу молиться таким образом:

«Поймите, вы должны показать Ей [Богоматери], что вы способны погубить себя, если Она не придет к вам на помощь! Вы должны окунуться в грех, вы должны обречь себя на смерть, если не добьетесь своего! Вот как надо заставлять слушаться святых!»

Прибавлю и от себя восклицательный знак, скорее выражающий с моей стороны ужас, чем удивление взглядам и понятиям нашего века!

13. Внимание. «Демон крайне завидует молящемуся человеку и употребляет все средства затруднить его в исполнении намерения, — поучает великий делатель богодвижной молитвы преп. Нил Синайский[47], — поэтому не престает посредством памяти возбуждать мысли о разных вещах и посредством плоти приводить в движение все страсти, чтобы положить ему препоны в превосходном его шествии и преселении к Богу».

Кроме воспоминаний, угрызает и похищает у нас плоды умособранной молитвы рассеяние и развлечение посторонней, окружающей обстановкой, до укусов комаров и мух включительно[48]. Поэтому в церкви молитва при всей своей силе и действенности может потерять, да и теряет, много из своих прекрасных качеств из-за того лишь, что мы встали не там, где надо. Кто хочет молиться в подлинном смысле «невещественно»[49], тому нечего становиться на юру, чтобы

-224-

перед ним постоянно ходили, толкали его, спрашивали, просили свечи передавать и ставить и прочее. Для этого всегда найдется достаточно людей, не без удовольствия постарающихся «оказать услугу» ближнему и Господу Богу, которые дома у себя лампадку едва помнят зажигать, по полдня у них потухшая стоит, а в церкви, подущаемые демоном рассеяния, становятся, например, у подсвечника чудотворной иконы, зорко следят за свечками, чтобы какая не упала, не подтаяла, и очень бывают раздосадованы, если они, собравшись наконец помолиться и перекрестить свой лоб, в это время прозевают поставить или снять новые свечи, которые за них снял другой. Но иногда демоны приводят нас в гнев, если кто тронет нас и попросит свечу поставить. А бес тщеславия тут же подскакивает к нам на язык, и мы, слушая, что он нам внушает, выпаливаем: «Что вы трогаете, мешаете, лезете (словечки употребляются, смотря по степени раздражительности), *молиться* не даете...» Или когда встанем на колени и кто-нибудь пройдет мимо, заденет, в запальчивости восклицаем: «Куда вы лезете (а тому, конечно, нужно пройти), видите, человек молится!..» Но так как и обличаемый нами не бесстрастен, то иногда отвечает на ответ наш вдесятеро, и вот — началась брань.

И если бы люди знали, что они из-за этого теряют! Я думаю, тогда не только на ногу и на мозоль позволили бы себе наступать беспрепятственно, но если бы им и на голову горящий подсвечник опрокинули, даже не заметили бы, что это было. Но, оставив подобных лиц на их собственное попечение — им и простительно, ведь они не вкусили дара молитвы, не понимают, что она такое, хотя бы в самых простых свойствах, — подвизающийся пусть найдет себе в церкви укромный

уголок[50], чтобы ему никого и ничего не было видно, кроме иконы перед собой, и чтобы его не видели, если, по благодати Божией, придется ему помолиться усердно. Последнее, то есть чтобы нас не видно было, тоже надо наблюдать и предусматривать, ибо демоны имеют обыкновение отвлекать внимание не только на свечки, но и на окружающих людей; и притом на искренно молящихся едва ли не больше, чем на стоящих в замысловатых шляпках и букольках. Но делают свои наблюдения эти ротозеи, в лучшем случае, не для своего поучения и обличения или укорения своего окаянства и рассеяния, а чтобы преподнести после службы свое наблюдение молившемуся в виде

-225-

похвалы. И тщеславием, как каким степным пожаром, сжигаюся тогда только что собранные на ниве сердца плоды. Будем бегать этих завистливых людей, звонящих о наших добродетелях на всех улицах и перекрестках и в то же время, в том же самом разговоре, смешивающих наше имя с грязью.

В целях освобождения себя от рассеяния и для сосредоточения внимания святые отцы советуют стоять в церкви с *закрытыми глазами*[51], открывать же очи разве только тогда, когда будешь унывать или сон будет отягощать и склонять к дремоте. Тогда нужно обращать глаза на образ и на горящую свечу или лампаду. Понятно, что молиться с закрытыми глазами следует, если помыслы наши, действительно, собираются, а если не так, то можем впасть в лицемерие.

Но если мы приобретаем явную пользу от молитвы с закрытыми глазами, смущаться окружающим соблазном нечего. Люди вокруг нас соблазняются: грешит человек — осуждают его; начал каяться — снова осуждают и даже больше прежнего: «Тоже туда же лезет, со свиным рылом в калашный ряд... Всем ведь известно, какой был...» Поэтому нечего смущаться — мир прелюбодеен, так и с Господом поступал (Мк. 8, 38; 6, 3).

14. Постоянство. Многие не верят в бесов. Почему? Потому что не ведут *духовной* жизни, *опыта* нет своего. Говорят: «Покажите»... Нечего и показывать, не сокровище какое, бесчисленное множество их окружает нас, но потрудитесь, чтобы у «ничтожества», какое ты представляешь для бесов, да и на самом деле каковым являешься, хоть немножко бы затеплился в сердце огонек молитвенный и — сейчас же начнут искушать. Хорошо заметны их действия, направленные против *постоянства* в молитве.

Иной раз (а при напущении на себя лени может быть и всегда) человеку, прежде чем встать на молитву, такая тягота бывает! И там неможется, и здесь ломает, а главное, не хочется, «душу воротит». Но сломал себя, решил вытерпеть, хотя бы мука в тысячу раз сильнее была, встал на молитву — ан муки-то и нет. Как будто и не было никогда. И всего за минуту, за секунду даже произошел такой неожиданный перелом, что человек не в силах сдержать себя от удивления. Что же это значит? — Бесы нападали, а когда увидели, что не сломишь человека, отошли. Зачем же ото-

-226-

шли? Ведь они всегда мешают молиться? — Да, мешают, но только ленивым, потягивающимся, скучным. А кто в бодрости себя держит и при звоне колокола и при наступлении времени молитвы сразу бросает все свои дела, от того они отступают, потому что не хотят, чтобы из-за них человек венцы приобрел. Они заранее видят, что им молящийся не уступит ни пяди, умру, скажет, а эти полчаса-

час промолюсь как надо, так они его и не беспокоят, ибо завистливы, и не хотят, повторяю, чтобы мы получили венцы от Бога за молитву да еще за борьбу с ними. И только тогда, когда увидят, что мы «что-то, по их мнению, уж долго размолились», подступают опять, подущая поскорее кончить молитву и соблазняя нужными делами. А то, дескать, опоздаешь, бросай, после домолишься. Но если уступим, то нам, конечно, домолиться уже не придется[52].

Посему святые отцы заповедуют:

«Стой неутомимо, молись усиленно, избегай всякой мысли о заботах и житейских расчетах; они смущают и тревожат тебя, чтобы ослабить напряжение сил твоих»[53].

Но ведь и по немощи своей без всяких даже искушений демонских человек рассеивается и отягощается, стоя в самой благоприятной для молитвы обстановке. Что же ему делать?

Св. Иоанн Лествичник[54] учит: «Старайся всегда возвращать к себе уклоняющуюся твою мысль или, лучше сказать, *заключай ее в словах молитвы.* Если она по младенчеству твоему (в духовной жизни. — Еп. Варнава) утомится и впадет в развлечение, то *опять* введи ее в слова молитвы; ибо непостоянство свойственно нашему уму. Но Тот, Кто силен все утвердить, может и уму нашему дать постоянство. *Если ты неослабно в сем делании подвизаешься,* то и к тебе приидет *Полагали пределы морю* ума твоего, и скажет ему в молитве твоей: *доселе дойдеши и не прейдеши* (Иов. 38, 11). Духа связывать невозможно, а где Создатель духа сего, там все Ему покорно».

Итак, не будем удивляться и не верить, слыша о том, как бесы бессильны были вывести святых из молитвенного состояния, несмотря на то что употребляли самые невероятные способы. Ведь мы это сравниваем со своей собственной *человеческой* природой, а святые ее *обожили.* Они про себя что говорят? — *Мы же ум Христов имамы* (1 Кор. 2, 16). Пойми же, человече, Христов ум имеют, потому и не рассеиваются.

-227-

Но не будем роптать, отчаиваться и лениться. Св. Иоанн Лествичник приобрел этот Христов ум *не иначе, как тем простым способом, который он только что сообщил нам.* Последуем же ему.

15. Чувство. Это очень важное условие — чтобы молитва наша была окрылена, скора и доходна. Но качество это само по себе есть уже дар Божий, снискиваемый усиленною и продолжительною, усердною молитвою. Однако всеми усилиями должно подвизаться, чтобы молитва наша сопровождалась «благоговением, сокрушением [сердечным] и душевною болью при исповедании грехопадений, с безмолвными воздыханиями»[55].

Хотя мы и не подвижники, но в заключение упомяну и о настоящих искушениях бесовских, бывающих людям на молитве. Ибо враг ненавидит ее больше всего на свете. По-моему, самое действенное и радикальное средство познать бесов для неверующих — это пойти им в полночь на кладбище (беру даже святое, но уединенное место; а не какое-нибудь болото или чащу леса) и встать на молитву, конечно, усердную, продолжительную и искреннюю, чтобы бесы видели, что не из любопытства это делается. И тогда — смотря по чувству, — может быть, даже и недолго трудиться придется такому человеку, как они придут. Не уверен я только, не отнимется ли у них разум после такого опыта... Итак, говорю, бесы ненавидят

молитву и всячески стараются согнать с нее подвизающегося. Поэтому немного пусть будет сказано и о сем. Начну с невидимых действий и закончу видимыми явлениями.

1) «Некоторые бесы возбуждают в нас во время молитвы смех, чтобы чрез сие подвигнуть Бога к негодованию на нас», — говорит св. Иоанн Лествичник[56]. Иные побуждают нас от лености спешить при чтении молитв и при пении (стихир, например, в церкви), а другие, наоборот, убеждают петь медленнее... от самоуслаждения. Вот коварство бесов! Куда угодно повернуть могут, сейчас в одну сторону, через минуту в противоположную. И в тот момент, когда человек думает, что бесы отошли и что у него явилось *благодатное* умиление от Бога, они тогда-то его и искушают и снова и с большей силою начинают незаметно нападать на него. А мы и не замечаем, как нас обкрадывают эти невидимые

-228-

воры и записывают в свои хартии наши грехи, чтобы представить нам, когда после смерти мы пойдем по мытарствам!..

2) Кто заботится всеми силами, чтобы приобрести настоящую, чистую молитву, тот «слышит от демонов и шум, и стук, и голоса, и ругательства, но не падет и не выдаст им [своего] помысла (устремленного на Невидимого Бога и вопиющего), говоря Богу: *Не убоюся зла, яко Ты со мною еси* (Пс. 22, 4) и тому подобное[57]. Во время таковых искушений надо употреблять *краткую* и *усиленную* молитву». (См. выше пункт 11.)

3) «Если демоны будут угрожать тебе, так что явятся внезапно в воздухе, поразят и расхитят ум твой или, как звери, будут терзать тело твое, — говорит св. Нил Синайский[58], — не бойся их и нимало не заботься об угрозе их, потому что устрашают тебя, искушая, обратишь ли на них полное внимание или совершенно пренебрежешь ими».

-229-

Глава 13. О пришествии Святого Духа и Его действиях.

§ 1. Общие понятия. Какого человека называют святым сами святые.

Подобная формулировка заглавия необходима потому, что мир не только не знает, но и не может знать и определить, кто и что такое святые, и даже просто отличить их от «святош» и всяких проходимцев, выдающих себя за подвижников, не в состоянии или, наоборот, в святых видит только «святош» и лицемеров. «От того, кто говорит в Духе Святом, — писал еще св. Симеон Новый Богослов, следуя которому я намерен изложить этот параграф, — высокоумные и недугующие дьявольскою гордынею отвращаются, как от высокоумного и горделивого, будучи словами его больше поражаемы, чем приводимы в умиление и сокрушение; а того, кто мелет, как жернов, и говорит от чрева своего или по науке, хвалят и принимают, хотя он о деле спасения все лживо толкует. Таким образом, между такими нет никого, кто бы мог добре и как есть на самом деле распознать и видеть (людей или дело спасения)»[1].

Сей же великий и равноангельный муж, находясь в божественном экстазе, так поет (от первого лица) о святых в одном из своих гимнов:

... как Он [Бог], видимый во плоти,

Не был знаем народом, что Он — Бог,
Так и мы [видимся такими], какими были для всех, —
О чудо! — видимыми, конечно, человеками;
Тем же, чем стали мы по Божественной благодати,
Мы обыкновенно не бываем видимы многими,
Но одним тем, у которых очищено око души,
Мы являемся, как в зеркале;
Не очистившимся же ни Бог, ни мы
Не бываем видимы, и для них совершенно невероятно,
Чтобы мы когда-либо всецело сделались таковыми[2].

Святой не сказал здесь больше того, что сказано у апостола (1 Кор. 2, 10-16). Но отсюда следует, что если бы мы и захотели для выяснения вопроса о святости по существу обратиться за справками к миру, не могли бы у него их отыскать.

-230-

И если во всем прочем в духовной жизни его суждения — как мы видели по всей книге — ложны, нелепы и извращенны, то в отношении определения святости взгляды мирских людей, можно заранее сказать, будут только чудовищными... Поэтому, переходя в область сверхъестественного, я хочу предыдущим заглавием не только отграничить самого себя в описании ее от всякого земного мудрования о ней, но и предложить читателю пред чтением этого отдела отрешиться от своих мнений о святых — если они уже у него составились на основании соответствующей литературы или общежитейских толков, — мнений подчас, повторяю, вздорных, уродливых, диких и кощунственных[3].

Прибавлю еще несколько слов о тех, которые вовсе не признают в настоящее время возможности быть человеку святым. Я говорю, конечно, о христианах, а не о безбожниках.

Работая всеми членами души и тела греху, не видя в себе никаких видимых действий благодати, — но как ей и действовать, когда ее гонят?! — они суемудрствуют о том, что прошли-де те времена, когда были святые и можно было, по мере и желанию, ими сделаться, а теперь не то. «Иначе [говорят], — продолжаю словами св. Симеона Нового Богослова, — тех любил Бог, сподобивший их великих даров Св. Духа, и иначе относится Он к нам; нас, говорят, Он едва милует... быть же нам, как апостолы или как древние святые, никак невозможно»[4].

Таких ленивцев в деле спасения собственной души и самооправдателей, *идущих против ясных положений Писания и слова Самого Бога* (1 Пет. 1,16; Мф. 5, 48; Лк. 6, 36; 1 Кор. 4, 16), св. отец называет «еретиками», «богоборцами» и «антихристами»[5].

И как можно назвать их иначе?..

1. Кто имеет право именоваться святым?

«Похвалу и ублажение святых составляют двоя сия — православная вера и добродетельное житие, и третье — дары Всесвятого Духа. Первым двум — вере и делам — споследует и третье — дары...

Но если кто не имеет непогрешительной веры и добрых дел, на того никак невозможно низойти благодати Святого и поклоняемого Духа. Если же не внидет в какого человека

-231-

благодать Св. Духа, чтобы обитать в нем явно и заведомо, то такого никак не следует именовать духовным человеком. А тому, кто не соделался духовным, как можно быть святым?.. Мне кажется, что этому никак нельзя быть. Солнце без света как может называемо быть солнцем? И человек, не имеющий Духа Святого, как может именоваться святым?»[6]

2. Телесное и духовное делание святых

Но святые не даром делаются святыми. И мы, если хотим получить их награду, должны творить их же дела.

Какие же это дела? На этот вопрос отвечают нам все жития святых, дошедшие до нас. Возьмем, например, жизнь родоначальника монашества св. Антония Великого.

«Итак, что делал Антоний Великий, когда уединенно жил в гробнице — и притом тогда, когда не знал еще в совершенстве духовного делания? Не заключился ли он в гробнице так, как мертвый? Имел ли с собой хоть что-либо из вещей мира и заботился ли сам о себе хоть сколько-нибудь? Не умер ли он весь и всецело для мира и не искал ли единого Бога, могущего даровать ему жизнь и воскресение? Не довольствовался ли он одним хлебом и водою? Не выносил ли он мужественно всякое зло от демонов, хотя они так сильно нападали на него, что однажды он остался полумертвым от их побоев? Когда же принесли его по этому случаю в церковь, как мертвого и пошевельнуться не могшего, то он, пришедши в себя, не возвратился ли назад и не выступил ли опять небоязненно против своих врагов один?[7]

Простое будто это действие, а между тем сколь оно было важно! Ибо если бы он не возвратился к своим врагам, а остался в мире и если бы он, решась таким образом терпеть до конца, не предал себя произвольно на смерть со всею готовностью, то не удостоился бы увидеть превожделенное лице Христа Господа и услышать сладчайший глас Его. Но как он взыскал вседушно, толкал всеусердно, претерпел до конца, то и получил достойную терпения своего награду. Ибо, как я сказал, он умер произволением для всего, любве ради Христовой, и сидел в уединении как мертвый, пока не пришел Христос, животворящий мертвых, не извел его из ада, т. е. из душевной тьмы, и не ввел в чудный свет лица Своего, который узрев, Антоний освободился от всякой скорбности и, преисполняясь радости, воззвал:

-232-

— Господи, где же был Ты доселе?!

Словами "где был Ты, Господи?" он показал, что не знал, где был Господь; тем же, что сказал "доселе", показал он, что теперь увидел, восчувствовал и познал присутствие Христа Господа.

Итак, если мы не хотим отрещися мира таким же способом и не произволяем терпеть подобно св. Антонию, то как возможно нам удостоиться увидеть Бога благодатию Духа Святого и преисполниться радости духовной, подобно ему? Нет, никак это невозможно...

Итак, кто подражает святым делами своими и подвигами, тот наверное сподобится получить и равную благодать... Итак, которые чуждаются всегдашнего самопринуждения, самоозлобления и самостеснения, произвольной нищеты и самоохотных лишений, такие пусть не говорят, что имеют в себе Духа Святого.

Ибо без трудов, потов и болезненных подвигов в добродетелях, никому не дается сей небесный дар...

Я знаю человека, который, почитавши Божественных Писаний в правоте помышлений и простоте души и бденно помолившись несколько дней и ночей без особых каких-либо трудов и подвигов, такого сильного сподобился просвещения от благодати Св. Духа, что ему показалось, будто он находится вне тела, вне дома, вне сего мира. Была ночь, когда он увидел этот свет, — и вдруг стало светло, как в полный день. Но как он получил такое богатство без труда, то скоро стал и небречь о нем, впал в нерадение и лишился всего того богатства, — и до такой степени, что совсем даже из памяти его выпало, что некогда видел таковую славу.

...Те, которые возжелали увидеть землю обетования[8], которую видеть сподобляются кроткие, смиренные и нищие (духом), с удовольствием подъемлют всякую тесноту, скорбь, скудость, нищету, — и всеусильно воздерживаются от всякой телесной сласти, покоя и чести, отдаляются от всякого человека, и малого и великого, и бегают их *без ненависти,* чтобы сподобиться внити в землю обетования, прежде чем пресечется течение настоящей жизни, т. е. прежде чем умрут. Таковые много смиряются и, почитая себя истинно злонравными, многогрешными, врагами Бога и преступниками заповедей Его, проводят жизнь в скорбении, печаловании и покаянии и всячески стараются узнать, что бы еще следовало им сделать, чтобы примириться и содружиться со Христом Господом. За это и Господь дарует

-233-

им наконец не только познать, что надлежит им делать, чтобы примириться с Ним, но дает им силу и терпение и делом совершить все потребное для того, чтобы увидеть и стяжать над всем и во всем сущего Бога и после того жить уже как на небе и там иметь свое обиталище, хотя находятся в горах, в пещерах, в кельях, в городах, и таким образом служить Ему с удовольствием и отрадностью, с радостью и веселием неизглаголанными.

Таково делание святых! Таково действование тех, в которых действует Дух Божий!»[9]

3. Достоинство святых

Несмотря на эту многоскорбную и уничиженную (каковой она видится со стороны) жизнь, святые велики по своему достоинству. В последних строках св. Симеона Нового Богослова достоинство это уже проглядывало отчасти; теперь приведу определенные положения на сей счет.

Достоинство святых в том, что они становятся на земле *богами* — по благодати, конечно. Бог находится в них, и они — в Боге. Они не разлучаются с Богом «ни днем, ни ночью, ни в пище, ни в питии, ни даже во сне, либо в пути, или при перемене места... говоря же яснее — совершенно вечно со-пребывают с Ним душою»[10]. Если принять во внимание, что большинство людей не только Св. Духа, но и благодати Его не имеют[11], то будет понятно, как велико достоинство святых.

«Они, — говорит св. Симеон Новый Богослов, излагая собственный опыт, — воспринимают ум Христов, т. е. совершенно нелживые уста и язык, посредством которого беседуют с Отцом Вседержителем и всегда вопиют: "О Отче, Всецарю и Творче всех!"

Келья у них есть небо, а сами они являются солнцем, и в них пребывает Свет незаходимый и Божественный... Итак, в них нет ночи, но каким образом — я не

могу тебе сказать. Ибо я дрожу, пиша тебе это, и, помышляя, трепещу; но я изъясняю тебе, как и каким образом живут служащие Богу и Его одного, вместо всего, взыскавшие и обретшие, Его одного возлюбившие, с Ним одним соединившиеся и соделавшиеся монахами, как одни — с Одним, хотя бы они и остались среди большого собрания народа. Ибо, поистине, те суть монахи[12] и одни только те уединяющиеся, которые пребывают с одним Богом и одни в Боге, обнажившись от всевозможных помышлений и помыслов и созерцая од-

-234-

ного только Бога... Они живут в своих кельях, как в некоем светлом чертоге, и думают, что пребывают на небе, или же и поистине там пребывают. Смотри, не окажись неверующим. Ибо они не находятся на земле, хотя и держимы землею, но живут во свете будущего века, в котором витают и шествуют ангелы... Ибо хотя Бог почивает во святых Своих, но и святые в Боге и живут и движутся, ходя во свете, о чудо, как бы по твердой земле, как ангелы и сыны Вышнего. ...Соделай дом души твоей палатою в жилище Христу... каплями слез твоих, воплями, рыданиями, коленопреклонениями и частыми вздохами, если желаешь, о монаше, быть поистине монахом (мпнЬжщн)[13].

Ей, братия мои, теките к Нему деяниями. Ей, други, восстаньте и не отставайте. Не прекословьте нам, обольщая себя самих. Не говорите, что невозможно воспринять Божественного Духа. Не говорите, что возможно спастись и без Него... Не говорите, что Бог не бывает видим людям. Не говорите, что люди не видят Божественного Света или что это невозможно в настоящее время. Никогда, друзья, это не было невозможным, но и весьма даже возможно для желающих, для тех исключительно, которые, проводя жизнь в очищении от страстей, соделали чистыми умные очи. Для прочих же греховная скверна поистине бывает слепотою, которая и здесь и там лишит их Божественного света и, не обольщайтесь, пошлет их в огонь и во тьму.

...Ей, други, приидите и вознесемся вместе со мною, не телом, но умом, душою и сердцем, в смирении и сокрушении сердца взывая к щедролюбивому и единому Человеколюбцу Богу, и Он непременно услышит и помилует, Он непременно откроется и явится и покажет нам Свой ясный свет»[14].

§ 2. Внутреннее состояние человека, достигшего святости.

Чувства святых — «сверхчувственны». Или, иначе сказать, святые обладают некоторым особым, выше всех ощущений воспаряющим, чувством для познания того, *ихже око не виде, и ухо не слыша, ина сердце человеку не взыдоша* (1 Кор. 2,9).

Они сами про себя говорят: «Дарующий нам то, что выше чувства, дает нам благдатию Св. Духа и другое чувство выше чувства, чтобы мы

-235-

им чувствовали чисто и ясно дары Его и дарования, которые выше чувства»[1].

А если бы чувствования святых были во всем подобны нашим и отличались разве только некоторою упорядоченностью, то стоило ли ради этого так подвизаться, как это делали они, стоило ли в продолжение десятков лет быть гонимыми, попираемыми, от всех поносимыми, *в трудех множае, в ранах преболе, в темницах излиха, в смертех многащи... в труде и подвизе, во бдениих множицею,*

во алчбе и жажди, в пощениих многащи, в зиме и наготе (2 Кор. 11, 23-28; Евр. И, 36-38)?!. В том-то и дело, что «нынешние временные страдания, — как говорит божественный Павел, — ничего не стоят в сравнении с тою славою, которая откроется в святых вполне»[2] в будущем, отчасти открывается в них и здесь (Рим. 8, 18).

Ввиду всего этого заранее нужно сказать, что не только мы лично не можем *по существу* передать на бумаге те чувства, которыми дышат и сияют святые, — на такое изложение сам автор никогда бы и не дерзнул, если бы не имел готового материала в сокровищнице св. Церкви, — но и сами святые затрудняются это делать. Только посредством аналогий и намеков пытаются они передать читателю то, что происходит в их душе, и последний, конечно, должен понимать, что описание это далеко от истины и что его несравненно труднее составить, чем, например, втолковать слепому картины тропической природы (заход солнца, восход луны, ночь), так художественно изображенные Гончаровым в его книге «Фрегат "Паллада"».

Не желая понять этих простых вещей, люди необдуманно и слепо обвиняют святых в том, что они заполняют страницы своих сочинений невероятными историями, сказками и легендами, а их самих считают помешанными и галлюцинантами, хотя эта хула на Св. Духа нисколько не упрощает дела и не способствует постижению истины.

Поэтому я бы не стал писать настоящей главы, но, имея в виду, что, кроме этих людей, есть еще много других, верующих, простых сердцем и ревностно жаждущих хотя отчасти приобщиться к духовному состоянию святых, — я для них и решил изложить учение о чувствах и божественном озарении святых, основываясь на творениях последних. Вместе с тем, не находя в богословской литературе книг, откуда желающие бы могли узнать о внутреннем

-236-

состоянии подвижников, я думаю, что мои выдержки из святых отцов будут не лишни до тех пор, пока кто-либо не даст читателям настоящего, глубокого и всестороннего исследования — не только по данному вопросу, но и вообще по аскетике. С меня же довольно и того, чтобы только поставить вешки за собой, а не мостить и укатывать для людей гладко дорогу, поднимая целину... И то — ради заповеди Христа: *и обращься утверди братию...* (Лк. 22, 32.)

Различные названия мы встречаем в творениях отцов для определения того неземного состояния, в котором пребывают святые. Оно и понятно. Во-первых, его нельзя выразить по существу, а приходится описывать какие-либо частные и внешние стороны, каковых — бесконечное множество; из них святые и выбирают наиболее существенные. Во-вторых, это происходит оттого, что по-разному действует на человека благодать Св. Духа, в зависимости от воспитания, образования, темперамента, пола, возраста, окружающих обстоятельств (1 Кор. 12, 4-11). Но разные, собственно, только названия, а дарование (или, вернее сказать, Дух Святой) одно. Можно еще и так выразиться: многоразличные словеса святых отцов о совершенстве есть, в сущности, разные описания одного и того же предмета. Один рассказывает об одной его частности, другой — об иной, а всю красоту разом описать невозможно. Вот их собственные свидетельства.

Упомянув о вере, надежде, любви, бесстрастии и других добродетелях, св. Иоанн Лествичник говорит: «По моему разумению, вера подобна лучу, надежда —

свету, а любовь — кругу солнца. Все же они составляют одно сияние и одну светлость».

И еще сказал:

«Любовь, бесстрастие и сыноположение различаются между собою одними только названиями. Как свет, огонь и пламень соединяются в одном действии, так должно рассуждать и о сих совершенствах»[3].

Исходя из этого, и я приведу описания различных проявлений и действий благодати Св. Духа в совершенных мужах и женах. Из многих же дарований выберу, однако, немногие, а именно: или наиболее часто упоминаемые в святоотеческих творениях, или же наиболее могущие, по

-237-

моему мнению, дать незнакомому с богословием правильное понятие о цели и назначении своей жизни на земле и на небе.

I. Обожение

«Бог не для того сделался человеком, чтобы Ему поклонялись и веровали, что Он Бог и человек, — просто как случилось; но Он соделался человеком для того, *чтобы мы соделывались общниками Божеского естества,* как и Он соделался общником человеческого естества, и, познав силу сего таинства и восчувствовав благодать, *благодарили Его*[4].

В чем же состоит это приобщение Божеству, это обоже-ние тварной человеческой природы, это богоуподобление (Гал. 3, 27; 1 Ин. 3, 2)?

Те, которые сподобились соединиться с Богом, «бывают и сами богами по благодати... Отец одевает их в первую одежду, т. е. в одеяние Господа, которое носил Он прежде сложения мира... и вместе в Духа Святого, Который и изменяет боголепно всех их некиим дивным, неизреченным и божественным изменением... Дает им еще Отец и ум Христов, да сияет он над главою их и открывает им тайны, которых не может выразить в слове язык человеческий. Дает Он им при этом и новые очи, и новый слух»[5].

Те, которые — хотя бы были раньше «омраченными: блудниками, прелюбодеями, распутниками (ασωτοι), грешниками... — отрекутся суетного и обманчивого мира, без ненависти (αμισως) возненавидят родителей и братии, считая себя странниками и пришельцами в жизни; те, которые лишат себя богатств и имуществ, совершенно отвергнув пристрастие к ним; те, которые ради славы небесной от души возгнушаются пустой славы и похвал людских; те, которые отсекли свою волю и соделались для пастырей как бы незлобивыми овцами; те, которые стали мертвы телом ко всякому худому деянию, до пота трудясь над возделыванием добродетелей и руководясь в жизни одною только волею кормчего (т. е. старца и духовного отца. — Еп. Варнава), чрез послушание омертвевая и опять же оживая; те, которые, благодаря страху Божию и памяти смертной, по все дни и ночи проливают слезы и умно (мысленно. — Еп. Варнава) припадают к стопам Владыки, испрашивая милости и оставления грехов»[6], — эти, благодатию Божией, наконец

-238-

делаются нетленными[7], «чадами Божиими, братиями Спасителя, сонаследниками Христу, Богу же наследниками, богами, пребывающими с Богом в Духе Святом, хотя и связанными одною только плотию, но духом свободными, которые легко совосходят со Христом на небеса и стяжали там полное гражданство

в созерцании благ, коих не видели очи»[8]. Когда Создатель вдохнет Божественного Духа в человека, тогда «Он вселится и будет обитать [в последнем], и просветит, и всего его переплавит, тленное обестленив и вновь переплавив обветшавшую храмину души его»[9]. Члены тела обоженного человека становятся членами Христовыми[10], и сам он уже не господин более над собою, но орган Духа Святого, в нем обитающего, Который подвизает его и Сам опять подвизаем бывает им, и не может такой человек насытиться возвещением истины[11].

Но и после всего этого, после сочетания человеческой природы с Богом, святой «неизменно остается двояким из того и другого: по усыновлению — богом, по природе же весь является ничем иным, как человеком»[12].

II. Бесстрастие

«Великолепие неба суть звезды, — говорит св. Иоанн Лествичник[13], — а украшение бесстрастия — добродетели; ибо бесстрастие, как я думаю, не иное что есть, как сердечное небо ума, которое все коварства бесов считает за детские игрушки».

«Итак, истинно бесстрастным называется и есть тот, кто тело свое сделал нетленным, ум возвысил превыше всякой твари, все же чувства покорил уму, а душу представил лицу Господню, всегда простираясь к Нему, даже и выше сил своих»[14].

Еще по-иному можно определить бесстрастие таким образом:

«Та душа имеет бесстрастие, которая приобрела такой же навык в добродетелях, какой страстные имеют в сластях (страстях)»[15].

На примерах последнее будет виднее.

«Если верх *объядения* состоит в том, что человек принуждает себя на принятие пищи, когда и не хочет есть, то верх *воздержания* — в том, чтобы и при алкании неповинную плоть свою удручать воздержанием»[16]. «Так, один старец страдал некогда в сильной болезни, так что у него изнутри извергалось много крови.

-239-

В это время у одного брата случилась сухая древесная почка; сварив кашицу, он опустил в нее почку[17], принес старцу и просил его вкусить, говоря: "Окажи любовь, вкуси; это, может быть, тебе поможет". Старец, посмотрев на него *внимательно и долго,* сказал: "Поистине, желал бы я, чтобы Бог оставил меня в этой болезни еще на тридцать лет..." И при такой болезни святой старец не хотел принять даже малую часть кашицы. Брат взял кашицу и ушел в свою келью»[18].

«Если предел *блуда,* — продолжает св. Иоанн Лествич-ник[19], — есть то, когда кто похотствует при виде животных и даже бездушных созданий, то предел *чистоты* состоит в том, чтобы ко всем иметь такое же чувство, как к предметам неодушевленным[20].

Если крайняя степень *сребролюбия* есть то, когда человек не может перестать собирать богатство или не насыщается им, то высота *нестяжания* состоит в том, чтобы не щадить и тела своего [как было в предыдущем случае со старцем в болезни].

Если крайним пределом *уныния* считается, когда кто и в покое... не имеет терпения, то верхом *терпения* справедливо называется то, если человек, находясь в утеснении, считает себя имеющим отраду[21].

Если пучину *гнева* означает то, когда человек и наедине гневается, то глубина *долготерпения* показывается в человеке, когда он пребывает в равном спокойствии

и в присутствии и в отсутствии злословящих». Однажды авва Иоанн Колов[22] сидел против церкви. Братия окружили его и спрашивали о своих помыслах. Один из старцев, увидев это и искушаемый завистью, говорит ему: «Сосуд[23] у тебя, Иоанн, полон яда». «Так, авва, — отвечает ему святой, — и ты сказал это, видя одну только наружность; а что сказал бы ты, если бы увидел внутренность!»[24]

«Если крайнее *тщеславие* есть, когда человек, не видя при себе никого, кто бы его хвалил, обнаруживает тщеславные поступки[25], то признак совершенного *нетщеславия* есть, чтобы и при посещениях других никогда не окрадываться тщеславной мыслью[26].

Если знак погибели, т. е. *гордости,* есть, когда кто возносится и малыми и незначительными делами, то спасительный признак *смирения* есть смиренно думать о себе и при великих начинаниях и совершенствах»[27].

-240-

Вот весь радужный спектр из семи главных страстей и добродетелей, на которые разлагается бесстрастие — этот луч от Божественного Солнца, а вокруг — совершенная тьма порабощения страстям.

К этому можно разве что добавить о первоначальном райском незлобии святых, совершенной простоте, детской невинности с отсутствием стыда и еще о некоторых качествах, которые не может слышать ухо ныне живущих людей, и потому я их опускаю[28].

Но бесстрастие бесстрастию рознь, иное — бесстрастие тела, а иное — бесстрастие души[29]. Бывает, и от еретиков и неверующих отходят страсти — иными словами, демоны перестают подвигать этих людей на последние, но в этом нет никакой заслуги[30]. У них это от естества, а у святых — от добродетели.

Существует пять следующих причин, по которым отходят страсти от человека, и, сверяя с ними собственное состояние, нужно проверить, не бесовское ли в нас бесстрастие вместо божественного. Ибо многие хулители имени Господня хвалятся своим «бесстрастием» и, наоборот, упрекают монахов в якобы половом психопатизме[31].

1) «От некоторых, не только верных, но и неверных, отошли все страсти, кроме одной, — говорит св. Иоанн Лествичник. — Сию одну они оставляют, как зло первенствующее, которое наполняет место всех прочих страстей; ибо она столь вредоносна, что может свергнуть *с* самого неба»[32]. Страсть эта — гордость, разумеется[33].

2) «Вещество страстей, будучи изнуряемо Божественным огнем, потребляется; а по мере того, как вещество искореняется и душа очищается, отходят и страсти, если сам человек не привлечет их опять веществолюбивым житием и леностью»[34].

3) «Иногда бесы отступают и сами собою, чтобы ввести нас в беспечность, и потом внезапно нападают на бедную душу, расхищают ее и до такой степени приучают к порокам, что она после того уже сама себе наветует и противоборствует»[35].

4) «Известно мне и другое отступление оных зверей: оно бывает тогда, когда душа совершенно утвердится в греховных навыках. Пример этого мы видим на младенцах, которые, когда не дают им сосцов матерних, по долговременной привычке своей сосут пальцы»[36]. Это положение

-241-

можно иллюстрировать следующим назидательным и для нашего времени рассказом о. Амвросия Оптинского[37]. «Сидел бес в образе человека и болтал ногами. Видевший это духовными очами спросил его: "Что же ты ничего не делаешь?" Бес отвечал: "Да мне ничего не остается делать, как только ногами болтать, — люди все делают лучше меня"».

5) «Знаю еще и пятое бесстрастие, — заключает речь Лествичник[38], — которое бывает в душе от многой простоты и похвального незлобия. По справедливости посылается таковым помощь от Бога, *спасающаго правыя сердцем* (Пс. 7, 11), и неприметно для них самих избавляющего от страстей: как и младенцы, когда с них снимут одежду, почти не примечают наготы своей».

Добро и вожделенно божественное бесстрастие, но — не всех оно удел. «Спастись и примириться с Богом всем не невозможно»[39], но для того, чтобы быть бесстрастным, нужны и время долгое, и ревность пламенная (Рим. 12, 11), и труды великие, а главное — помощь Божия[40]. Ибо бесстрастие — это дар Божий[41], как и все, что выше естества человеческого. А дары Свои Господь дает кому захочет, и не человеку здесь пытаться что-либо говорить, возражать или даже просто понимать (Рим. 9, 18-21). Ему нужно одно — смириться под крепкую руку Божию и делать предлежащее ему дело, не ожидая за это вообще никакой награды (Лк. 17,7-10).

Каков путь к бесстрастию? — Самый *верный* лежит чрез *послушание и смирение*[42]. Приобретенное чрез эти добродетели бесстрастие незыблемо, даже если бы человеку пришлось постоянно находиться посреди базара или пребывать в окружении человеческих пороков. Но приобретенное среди затвора посредством *безмолвия,* оно все-таки при частом сближении с миром не бывает непоколебимым[43].

Разумные извлекут отсюда пользу и поучение.

III. Созерцание

Так как человек составлен из двух частей (из души и тела), то и все в нем требует двоякой заботы, сообразно с двойственностью его состава. Сначала, как мы видели, он трудится над приобретением телесно-душевных добродетелей, посредством их очищает себя от страстей, а потом переходит и к чисто духовному деланию — созерцанию. Но невозможно кому-либо возвыситься до области этого выс-

-242-

шего деяния, если на практике не исполнить прежде низшего[44]. И об этом мною уже было говорено выше[45], и еще несколько слов будет добавлено ниже.

Но что же такое самое созерцание? — «...три суть созерцания естеств, в которых ум возвышается, оказывает свою деятельность и упражняется: два созерцания естеств сотворенных, разумных и неразумных, духовных и телесных; и еще созерцание Святой Троицы»[46].

Порядок этих созерцаний таков... Но, чтобы дело было понятнее, начну еще с деяний, предшествующих всякому созерцанию.

Прежде всего от человека требуется безупречность во всем его внешнем поведении[47] и усердие по мере сил в телесных добродетелях[48]. Этим он угомоняет в себе плотские страсти и прекращает нечистые токи тела, хотя, конечно, еще ни о каком совершенстве речи быть не может. Это, так сказать, только распашка почвы и подготовка ее для будущего посева. И если человек на этом остановится и не

засеет на поле своего сердца доброй пшеницы добродетелей, то оно опять зарастет вскоре сорными травами страстей и даже еще в большей степени, раз найдут те для себя почву разрыхленной и удобренной. Об этом Сам Господь сказал (Мф. 12, 42-45)[49].

Итак, нужно человеку вступить в так называемое (у отцов) «умное житие», состоящее в непрестанном болезновании сердца о грехах, и в молитве, и в охранении себя от тайных страстей, чтобы не вторглась какая-нибудь из них в область сокровенную и духовную. *«Все это есть дело сердца,* — говорит св. Исаак Сирин, — оно-то и называется житием умным»[50]. В этом состоянии сердце человека утончается, ум становится острее и начинает постепенно смотреть на вещи прямо, а не противоестественно (чрез естество)[51]. Это самая низшая ступень созерцания, которое лучше назвать даже *ведением*[52]. Всходит же на нее человек, кроме всего прочего, посредством непрестанного изучения Священного Писания, которое помогает ему приобретать здравый взгляд на вещи.

Эта вторая степень доброделания в *практическом* отношении очень важна, и на ней нужно остановиться подольше, чтобы поговорить поподробнее. Выше было уже сказано, какое великое значение имеет исполнение заповедей Господних вообще с точки зрения закона Божьего — от них

-243-

не освобождаются даже безмолвники, если они имеют хотя малое общение с братиями[53]; приведу теперь святоотеческое учение о необходимости хранения заповедей для очищения ума и стяжания им наивысшей чистоты, вводящей человека во дворы созерцания.

Прежде всего здесь нужно сказать следующее. Хотя цель монашеской и истинно христианской жизни заключается в том, чтобы достигнуть чистоты, или божественной любви (как бы ни назвать это состояние совершенства), но домогаться и просить это страстному человеку у Бога никак не следует. Иными словами, если бы кто из живущих в миру, услышав, что дары Св. Духа подаются через дерзновенную молитву к Богу, и бросив всех и вся, заперся бы в своей комнате на молитву и стал бы ходить в церковь для сего, начал бы поститься, изнурять себя и говорить: «Ах, как я люблю спасение», — то поступил бы неразумно и лживо. Ведь не из того, чего вожделевает человек, познается, что он любит, но из того, что он любит, делается заключение о том, чего он вожделевает, ибо чего не возлюбит человек, того и не будет вожделевать. Так и здесь. Если человек, находясь в страстном устроении, как будто стремится к этим великим состояниям и, вообще говоря, к Богу и говорит, что он любит чистоту и Бога, то это еще не значит, что он действительно Его любит, но если кто всячески старается на деле показать себя чистым и со всею ненавистью и гневом подвизается против страстей, сражаясь за заповеди Христовы, — то из этого уже можно выводить, что именно и Кого человек любит (Ин. 14, 21).

Ведь о любви к Богу все говорят, даже и неправославные, а о любви к ближнему — даже кощунники, богоборцы, неверующие. И слово это всякий произносит как свое собственное; однако же при произнесении таких слов движется только язык, душа же не ощущает того, что говорит. И многие больные не знают даже, что они больны. Ибо зло есть недуг души, и прелесть — гибель истины. И весьма часто люди, недугующие этими болезнями, объявляют себя здоровыми и у многих заслуживают похвалу. Но пока душа не уврачуется от зла и не будет

приведена в естественное здравие, в каком создана; человеку невозможно вожделевать сверхъестественных даров Духа, ибо душа, болезнующая страстями, не ощущает чувством своим духовного, но желает и стремится к нему только потому, что слышала

-244-

об этом от других, и по откровениям, почерпнутым из Священного Писания.

А если кто скажет, что молитвой можно всего добиться, то можно ответить такому — да, разумной и дерзновенной. А у грешника где же дерзновение, раз он погряз в страстях и потому подлежит гневу Божьему и наказанию геенной, и где его разум, когда он видит рядом с собою голодного и нищего брата и, вместо того чтобы послужить ему и утешить его, отворачивается под предлогом молитвы и каких-то «высших» духовных дел?[54]

Итак, ясно, что нужен другой порядок в прохождении доброделания, чтобы достигнуть человеку совершенства и созерцания, и рассудительные давно приобрели последние и уже обладают ими.

Порядок этот следующий. Сперва необходимо терпеливо, с принуждением себя бороться за чистоту. И если душа препобедит страсти, то приобретает себе эту чистоту; а истинная чистота сердца делает то, что ум приобретет дерзновение в час молитвы.

Но как заболевший сын не сомневается в своем отце и не просит у него такими словами: «Дай мне что-нибудь», «Сделай меня наследником», а старается сперва выздороветь и стать на ноги, и по выздоровлении имущество отца само собою становится его собственностью, так и разумный христианин или монах не должен рассуждать и просить у Бога: «Дай мне то-то и то-то». Ибо промышление Божие о нас выше того, какое бывает у отца о сыне. И потому следует нам смиряться, плакать о тех причинах согрешений, которые помимо нашей воли сделаны в помыслах или самым делом, и с сокрушенным сердцем говорить словами мытаря: *Боже, милостив буди мне грешнику* (Лк. 18, 13). С другой стороны, тайно и явно делать все, чему научил Господь, сказав: *...егда сотворите вся поведенная вам, глаголите, яко раби неключими есмы, яко еже должны бехом сотворити, сотворихом* (Лк. 17, 10), и притом так, чтобы совесть наша свидетельствовала нам, что мы действительно неключимы и имеем нужду в помиловании. Мы должны всегда помнить — и об этом уже было говорено довольно[55], — что «не дела отверзают заключенную [страстями] дверь нашего сердца, но сердце сокрушенное и смирение души»[56]. Таким образом, больной всегда смиряется и прилагает попечение о выздоровлении от своих недугов (страстей), а потом уж

-245-

домогается сделаться царем, потому что чистота и душевное здравие суть Царство души[57]. Принеся же покаяние и получив здравие души, грешник входит в область чистого естества и царствует во славе Отца Своего.

И никак иначе это не бывает. Ибо — расширю несколько и продолжу дальше предыдущие положения — если бы душа, будучи заключенной в темницу страстей, могла свободно возлюбить Бога, то не имела бы большой нужды спрашивать и дознавать о таинствах мира духовного, не требовала бы старческого окормления и руководства. Для нее достаточно было бы одних святоотеческих писаний, и всякий, окончивший духовную академию, одним дипломом приобретал бы себе вместе с тем и патент на звание «святого» человека, что говорить и думать, конечно, нелепо.

Желать посредством исследования и расспросов уразумевать таковые тайны есть неразумие души, ибо и блаженный апостол Павел руководился не наукой или иным каким вещественным способом познания, когда сказал, что видел и слышал тайны и *неизреченны глаголы, ихже не леть есть человеку глаголати* (2 Кор. 12, 4), но «восхищением восхищен был в духовную область и видел откровение тайн»[58]. Итак, явно для всякого, что внешнее обучение и знание при наличии в человеке страстей не приносят пользы и недостаточны, для того чтобы открыть дверь, преграждающую путь к чистоте. Если же будут отъяты от души страсти, то ум просвещается и устанавливается на чистом основании естества и уже не имеет нужды в вопросах, потому что ясно сам видит блага, обретающиеся на своем месте[59]. Это все равно как наши внешние чувства: они ведь не вследствие обучения и вопросов ощущают и воспринимают окружающие вещи, но каждое чувство *естественно,* в силу имеющейся у него способности к этому, познает внешний мир, а если у него эта способность, как выражаются специалисты, атрофирована и почему-либо не действует, то, сколько ни учи и ни рассказывай человеку о том предмете, какой подлежит восприятию не действующим у человека чувством, последний не может иметь о нем здравого понятия. Так, сколько ни говори слепому о славе солнца и луны, о красоте звезд и блеске драгоценных камней, он воспринимает и судит и представляет себе эту красоту только по названию, знание же, и рассуждение, и восхищение ею (если только можно говорить о последнем) далеки от наслаждения, до-

-246-

ставляемого самим видением этих предметов зрячим. Подобно сему нужно мыслить и о созерцании духовном. Ибо ум, презирающий в сокровенные тайны Духа, если он пребывает в своем *естественном* здравии, то есть исцелился от страстей и украсился добродетелями, начинает *сам собою* видеть вещи духовного мира и *вполне созерцает славу Христову,* а не спрашивает и не учится, но наслаждается тайнами нового мира превыше свободы воли своей и соразмерно горячности веры и своей надежде на Христа. И, следовательно, напрасно неверующие (объясняется это, как видно из предыдущего, невежеством их) упрекают нас, христиан, что они не видят чудес (и выводят *отсюда* — вот логика! — что их нет), что то, о чем учит Евангелие, — невозможная вещь, что святые, да и вообще все спасающиеся, в лучшем случае, ненормальные люди (а то прямо обвиняют духовенство в личных корыстных целях)[60]. Вместо того чтобы требовать от христиан объяснения и демонстраций чудес, к которым — для проверки *духовных* вещей — хотят подойти опять-таки с научными методами и громоздкими, из меди и железа (!), аппаратами[61], неверующие должны в точности исполнить то, чего требует от своих чад св. Православная Церковь, и вот, после того как проведут в подвигах и добродетелях лет 30-50, то, несомненно, и сами будут творить чудеса, если только до конца уничтожат в своем сердце сатанинскую гордость и обольщение. Тогда уже придется не нам их учить, а нам учиться у них. И как было бы хорошо это...

«Итак, — сводя все к одному, говорит святой Исаак Сирин, — если ты любишь чистоту, отсеки ко всему любовь, расточаемую на всех[62], и, вошедши в виноградник сердца своего, делай в нем [Мф. 20, 2], истребляй в душе своей страсти, старайся *не знать злобы человеческой.* Чистота взирает на Бога, воссиявает и цветет в душе не вследствие прошения, но *вследствие неведения*

злобы какого бы то ни было человека. Если же желательно тебе, чтобы сердце твое соделалось вместилищем тайн нового мира, то *обогатись сперва делами телесными,* постом, бдением, службою, подвижничеством, терпением, низложением помыслов и прочим. Связывай ум свой чтением Писаний и углублением в них, *напиши пред очами у себя заповеди и отдай долг страстей,* когда бываешь побежден и побеждаешь. *И непрестанным молитвенным и [просительным] собеседова-*

-247-

нием (разумеется с Богом. — Еп. Варнава) и углублением в молитвословия *искореняй в сердце своем всякий образ и всякое подобие, прежде тобою воспринятое*[63]. Приучай ум свой углубляться в тайны Спасителева домостроительства и оставь просить себе ведения (разумения тайн духовного порядка. — Еп. Варнава) и созерцания, которые будут в своем месте и в свое время, превыше словесного описания. Продолжай делание заповедей и труды в приобретении чистоты; и проси себе у Господа в молитве огнем разжженной о всем печали (какую влагал Он в сердца апостолам, мученикам и отцам), да уканет она в твое сердце, и да сподобишься умного жития... Законная дверь, вводящая в это, есть *любовь.* Если приобретем любовь, она вводит нас в это. Если же сподобимся сего [дарований духовных] по благодати без любви, то непременно когда-нибудь утратим мы это; потому что стяжание и страж высших святых и божественного жития есть любовь [1 Кор. 13, 1-2]»[64].

Так, в подвижничестве все связано между собою и завершается любовью, *яже есть союз совершенства* (Кол. 3, 14). Без добродетелей и объединяющей их всех любви нельзя достигнуть и созерцания. И сколько бы человек ни употреблял усилий, чтобы духовное низошло к нему, оно не покоряется. И если дерзновенно возмечтает он, и возведет взор к духовному сам, и будет доходить до него разумом невовремя, то скоро притупляется его зрение, и вместо действительного усматриваются им призраки и образы — человек впадает в прелесть.

Теперь пора сказать и о самом существе созерцания. Из всего вышеописанного следует, что говорить подробно о сем и пускаться в глубину изысканий — дело лишнее и даже вредное для новоначальных. Но чтобы знали они, ради чего именно им надо подвизаться, и скорбеть, и страдать всю жизнь, приведу из множества описаний созерцания подвижниками Природы несозданной и природы тварной только описание созерцания Божественного Света Св. Троицы (Ин. 8, 12; 1 Ин. 1, 5; 1 Тим. 6, 16), оставленное св. Симеоном Новым Богословом. У последнего этих описаний много, но я выберу из них два, наиболее доступные пониманию молодых подвижников и полезные им, ибо обращены к их сердцу и относятся к покаянному деланию: случаи эти вставлены преподобным в рамку повествования о своих естественных, телесных подвигах. Один случай

-248-

дает описание созерцания, полученного им *по благодати,* за горячность веры и по молитвам его духовного отца, другой — относится к тому времени, когда он уже стал приходить в меру *любви*[65], преуспев во всех заповедях и подвигах; он живописует длительный процесс, что лучше проясняет дело.

1. Первый рассказ св. Симеон Новый Богослов ведет не от себя, но якобы от лица некоего послушника.

«Один юный рассказывал мне, что был он послушником у одного старца благоговейного, равного по добродетелям великим святым, и слыша, как он часто говаривал, что на тех, которые подвизаются, свыше приходят божественные озарения и множество света, в каковом состоянии бывает и собеседование Бога с человеками, удивлялся сему, и такое, говорил он мне, возымел я желание получить и себе такое благо, что от жаждания того забывал все, и земное, и небесное, — забывал пищу, и питие, и всякий телесный покой. Старец же мой, будучи великим святым, имел и дар прозорливости и, видя, что я без размышления исполнил все его повеления, между тем не ел и не пил, а был весь погружен в свои мысли, приказал мне есть, потому что имел великое и безмерное ко мне сострадание и благоутробие. Я ел и нехотя, ибо боялся греха преслушания. Но сколько ел, столько еще больше разгоралось во мне пламя внутри. Невыносимо было мне насилие, какое делал мне старец. Слезы текли у меня как река, и, плача так, вскакивал я часто из-за трапезы, думая, по маломыслию, что он полагает препоны доброму моему стремлению, не зная, какую чрезмерную боль и тяготу ношу я в своем сердце.

В один день пошли мы в город, близ которого он жил, для посещения духовных детей его, и пробыли там весь день. Вечером возвратились мы в келью от большого труда и жара алчущие и жаждущие: ибо старец не имел обычая где-либо есть и отдыхать, а было тогда лето, и старцу — годов с шестьдесят. Когда если мы за стол, я не ел, потому что очень утомился и думал, что если поем и попью, то совсем не смогу стать на молитву и с обычным жаром испрашивать желаемого. Так думал я и сидел, как бы находясь вне себя. Тогда святой мой, смотря на меня и, по дару прозорливости, зная причину, по которой я не ел, и какими мыслями занята моя голова, возымел жалость ко мне и сказал:

-249-

— Ешь, чадо, и пей, и отныне оставь всякую печаль, потому что если бы Бог не хотел явить тебе милость, то не благоволил бы Он привести тебя ко мне.

Итак, поели мы и напились больше нежели вдоволь. Ел и он, снисходя к моему изнеможению.

Когда потом убрали мы со стола, говорит мне он:

— Ведай, чадо, что *Бог не благоволит много ни к посту, ни к бдению, ни к другому какому телесному труду, ни к какому другому доброму делу, и не являет себя никому другому, кроме только смиренной, непытливой и благой души и сердца.*

Слыша это, я удивился слову и наставлению святого и, горя сильным внутренним огнем и все грехи свои во мгновение ока приведя на мысль, облился весь слезами, текшими из очей моих, и, падши к ногам святого и обняв их, сказал:

— Молись о мне, святче Божий, да обрету милость по твоему ходатайству, так как из тех добрых расположений, о которых сказал ты, я не имею ни одного, да и ничего доброго, кроме только многих моих грехов, которые знаешь и ты.

На это святой мой показал мне такое сильное соболезнование, что сам заплакал и, велев мне подняться с земли, сказал:

— Имею веру, что Бог, такие богатые явивший ко мне Свои милости, дарует и тебе сугубую благодать, ради одной веры твоей, какую имеешь ты к Нему — Богу и ко мне, последнему и худейшему.

Это слово я принял так, как бы слышал его от Самого Бога, и, помышляя о сугубой благодати, какую получил Елисей чрез пророка Илию, уверовал, что, хотя я и недостоин, но человеколюбивый Бог очень скоро творит волю боящихся Его, и, с поклоном испросив молитвы, пошел в свою келью. Отпуская меня, старец дал мне заповедь — прочитать на ночь лишь Трисвятое и — лечь.

Вошедши туда, где имел я обыкновение молиться, и начав: *Святый Боже* — и вспомнив слово святого старца, я вдруг заплакал и в такие пришел слезы, и в такой пламень к Богу, что не могу выразить того словом, ни той радости и сладостного утешения, какие были тогда во мне.

Падши затем лицом наземь, я увидел нечто дивное, ибо вот — *воссиял мысленно во мне великий свет* и взял к себе весь мой ум и всю душу. Изумился я такому внезапному

-250-

чуду и стал, как вне себя, забыв и место, в котором стоял, и что такое я, и где я, вопиял только: «Господи, помилуй!» — как догадался, когда пришел в себя.

Впрочем, отче мой, кто был тот, кто говорил во мне и приводил в движение язык мой, не ведаю, — Бог то весть, — не ведаю и того, как соединился я с тем светом, в теле ли быв или вне тела. Ведает это тот самый свет, который изгнал из моей души всю тьму и всякое земное мудрование, отнял от меня всю вещественность и тяжесть тела и произвел в моих членах великое расслабление и изнеможение. Это изнеможение и расслабление моих членов и нервов было так сильно от крайнего напряжения, что мне казалось, будто я слагаю с себя бремя тления. В душе же моей он произвел великую радость, умное чувство и сладость, высшую всякой чувственной сладости. Сверх того, он дивно даровал мне свободу и забвение всех помыслов, какие в мире, и открыл самый способ исхождения из настоящей жизни; потому что все чувства ума и души моей прилеплены были тогда к единому неизреченному веселию и радости от того света.

Но когда безмерный тот, явившийся мне, свет мало-помалу умалился и наконец совсем стал невидим, тогда я пришел в чувство и познал, какие дивности внезапно произвела во мне сила того света. Почему, испытав удаление его и видя, что он опять оставил меня одного в этой жизни, я столь много опечалился и душа моя так сильно возбо-лезновала о том, что не могу выразить тебе, как следует, великой скорби, которая как огонь возгорелась тогда в моей душе. Если можешь, отче мой, сам вообрази и болезнь разлучения того, и высоту великого того благодеяния, и безмерную любовь, явленную мне и разгоревшуюся во мне, а я не могу ни языком сказать, ни умом понять безмерность того видения.

Я сказал ему:

— Нет, всечестный отче и брате! Ты изобрази мне действия того света, который явился тебе.

И он, сладкий, исполненный Святого Духа и сподобившийся такого видения, ответил мне кротчайшим и медоре-чивым гласом:

— О отче! Свет тот, когда является, веселит, а когда скрывается, оставляет рану и болезнь в сердце. Приходя или нисходя на меня, Он возводит меня на небеса, одевая и

-251-

меня светом. Он является мне, как некая звезда, и есть не-вместим для всей твари; сияет как солнце, и мне непонятно, как вся тварь держится Его силою. Он

показывает мне все, что есть в творении, — и повелевает мне не заходить за пределы человеческого естества. Меня объемлют кровля и стены; а он отверзает мне небеса. Поднимаю чувственные мои очи, чтобы посмотреть, что есть на небе, и вижу, что там все так же есть, как было прежде. Удивляюсь этому — и слышу свыше глас, таинственно говорящий мне:

— *То, что видишь теперь, есть таинственное предъизоб-ражение будущих благ, которых, совершенно как они есть, не увидишь, пока носишь плоть. Но возвратись в себя самого и смотри, чтобы не сделать чего-либо такого, что может лишить тебя благ, которые сподобился ты получить. Если же и погрешишь когда, в научение смирению, позаботься не бегать покаяния, потому что покаяние вместе с Моим человеколюбием изглаждает и прежние, и настоящие грехи»*[66].

Далее св. Симеон перечисляет и указывает подобные пути и добродетели, которыми достигается это превышеес-тественное состояние, по описание их я опускаю, ввиду того что они совпадают с теми, что были изложены по преп. Исааку Сирину*.

(*На этом рукопись Главы 13 обрывается. — Прим, составителя.)

-252-

Приложение.

Умное делание подвижника.

Когда, сказывает преп. Исаак Сирин, один из величайших христианских подвижников и мистиков, человек долго пребывает, как должно, в глубоком и пустынном безмолвии, то «забывает себя и естество свое и делается как бы человеком, который пришел в исступление, вовсе не памятуя о сем веке, преимущественно занят мыслью о величии Божием и, погружаясь в это умом, говорит:

— Слава Божеству Его!

— Слава чудесам Его!

— Дивны и необычайны все дела Его!

— На какую высоту возвел Он мое убожество! Чему сподобил меня поучаться, на какие отваживаться помыслы, чем услаждать душу мою!

Обращаясь мыслию к чудесам сим, и всегда ими изумляемый, пребывает он в непрестанном упоении и как бы уже вкушает жизнь по воскресении, потому что безмолвие весьма много содействует сей благодати. Ибо ум его находит возможность пребывать в себе самом с миром, какой приобретен им в безмолвии. А вместе с тем возбуждается сим к памятованию того, что сообразно с порядком жизни его. Ибо, мысленно представляя славу будущего века и блага, по упованию уготованные праведным, пребывающим в оной духовной жизни и в Боге, и новое оное восстановление, не содержит ни в мысли, ни в памяти того, что есть в мире сем. И когда будет сам упоен, снова переносится оттуда созерцанием к веку сему, в котором еще живет, и в изумлении говорит: "О, *глубина богатства, премудрости,* ведения, смысленности, разумности и домостроительства неисследимого Бога, *яко не испытани судове Его, и неизсле-довани путие Его* (Рим. 11, 33)! Ибо, когда Он уготовал иной столько чудный век, чтобы ввести в него все разумные существа и

сохранить их в нескончаемой жизни, какая была причина сотворить Ему этот первый мир, расширить его и столько обогатить его полнотою и множеством видов и естеств, и дать в нем место причинам многих страстей и тому, что их питает, и что им противоборствует? И почему сначала поставил нас в этом мире, водрузил в нас любовь к

-253-

долголетней в нем жизни и внезапно исхищает нас из него смертию, немалое время хранит нас в бесчувственности и неподвижности, уничтожает образ наш, разливает растворение наше, смешивает его с землею, попускает, чтобы состав наш разрушился, истлел и исчез, и чтобы вовсе не осталось ничего от естества человеческого; а потом, во время, какое определил достопоклоняемою премудростию Своею, когда восхощет, воздвигнет нас в ином образе, какой Ему только известен, и введет нас в другое состояние. Сего не мы только, человеки, надеемся, но и сами святые ангелы, не имеющие нужды в этом мире, по необычайности естества своего малым чем не достигшие совершенства, ожидают нашего восстания из тления, когда восстанет род наш из персти и обновится тление его! Ибо ради нас и им возбранен вход, и они ждут единократного отверстия двери нового века. И сия тварь (ангелы)* (*Таков текст, но об ангелах ли речь здесь? Не о твари ли животной? — Еп. Варнава.) с нами успокоится от тяжести тела, обременяющей нас, как говорит апостол: *яко и сама тварь откровения сынов Божиих чает, да свободится от работы нетления в свободу славы чад Божиих* (Рим. 8, 19-21), по совершенном разорении века сего в целом его устройстве, и по восстановлении естества нашего в первоначальное состояние".

И отсюда уже возносится умом своим к тому, что предшествовало сложению мира, когда не было никакой твари, ни неба, ни земли, ни ангелов, ничего из приведенного в бытие, и к тому, как Бог, по единому благоволению Своему, внезапно привел все из небытия в бытие, и всякая вещь предстала пред Ним в совершенстве. И снова нисходит умом своим ко всем созданиям Божиим, обращает внимание на чудесность тварей у Бога и на премудрость произведений Его, в изумлении рассуждая сам с собою: "Какое чудо! Насколько домостроительство и Промысл Его превышают всякое понятие, сколько чудная сила Его крепче всех творений Его! Как из небытия привел Он в бытие тварь сию — это неисчислимое множество различных вещей? И как опять разорит ее, уничтожив это чудное благоустройство, эту лепоту естеств, это стройное течение тварей, часы и годы, это сочетание дня и ночи, годовые перемены, эти разнообразные, прозябающие из земли цветы,

-254-

эти прекрасные здания городов и в них приукрашенные чертоги, это быстрое движение людей, это существование их, обремененное трудами от вшествия своего в мир до самого исшествия? И как внезапно прекратится этот чудный порядок, и наступит другой век, и воспоминание о первой этой твари вовсе не взойдет никому на сердце, и будут иное видоизменение, иные помышления, иные попечения! И естество человеческое также не воспомянет вовсе о сем мире и о первом образе жизни своей; потому что ум человеческий прилепится к созерцанию оного состояния и уму людей не будет досуга возвратиться снова к брани с плотию и кровию. Ибо с разорением сего века немедленно приимет начало век будущий.

...И тогда как бы в исступлении размышляет и говорит: "Сколько еще времени будет стоять век этот? И когда восприимет начало век будущий? Сколько еще времени храминам этим спать в этом виде и телам быть смешанными с перстию? Какова будет оная жизнь? В каком образе восстанем и составится естество это? Как прейдет оно в новую тварь?"

И когда размышляет он о сем и подобном сему, приходит он в *восторг, изумление* и *безмолвное молчание.* И восстает он в этот час, и преклоняет колена, и с обильными слезами воссылает *благодарения и славословия* единому премудрому Богу, всегда славимому во всепремудрых делах Его»[1].

Таково внутреннее делание достигшего совершенства молчальника. После размышлений о скоротечности и гибели всего земного надо бы, кажется, ожидать скорбной молитвы об избежании будущего гнева и даровании прощения грехов, но он вместо сего — приходит в «восторг» духовный, в экстаз и с потоками умиленных слез воссылает Богу «благодарения» и «славословия». Это значит, что таковой человек нетленен при жизни и воскрес прежде всеобщего воскресения людей[2]. Он умолил уже Господа за свои грехи и не раб Его уже, а сын.

-255-

Заключение. Православная эсхатология.

§ 1. Смерть (первая, телесная).

Современный врач выразится, что смерть есть просто прекращение физиологических функций организма, философ назовет ее самым страшным и непонятным явлением.

«Для нас, в нашей жизни и во всей нашей Вселенной, есть только одно замечательное событие — это наша смерть», — говорит на этот раз совершенно справедливо Морис Метерлинк[1]. Таким образом, с этим явлением постепенно связался целый ряд философских и религиозных представлений в истории человечества, в корне совершенно лживых. Истину тайны смерти и загробного существования человека раскрывает только христианство.

Еще у греков смерть являлась безжалостным существом, хотя и братом сна[2]. Еврипид в «Алкесте» представляет смерть мрачным жрецом подземелья, одетым в черное платье, с жертвенным ножом в руке, которым он отрезает у каждого усопшего по пряди волос. Образ этот не лишен смысла, но становится вполне понятным, как увидим ниже, только в христианстве. *Стоики* видели цель философии в приобретении уменья умирать, нынешние философы, не имея добродетелей даже этих язычников, просто учат, что смерть есть переход души куда-то зачем-то (К. Краузе, Г. Т. Фехнер и другие).

Каково же учение Церкви об этом предмете? Смерть явилась в мир как наказание человеку за преслушание (Быт. 2, 17; 3, 19), а чрез Адама необходимо сделалась уделом всего рода человеческого (Рим. 5, 12; 1 Кор. 15,22).

Адам, говорит св. Василий Великий[3], «стал вне рая, вне оной блаженной жизни, сделавшись злым не по необходимости, а по безрассудству. Поэтому он, как согрешил по причине худого произволения, так умер по причине греха. *Оброцы бо греха смерть...* (Рим. 6, 23.) В какой мере удалился от жизни, в такой приблизился к смерти; потому что Бог — жизнь, а лишение жизни — смерть. Поэтому Адам сам

себе уготовал смерть чрез удаление от Бога, по написанному: *Яко се, удаляющий себе от Тебе погибнут...* (Пс. 72, 27.)

-256-

Так, не Бог сотворил смерть, но мы сами навлекли ее на себя лукавым соизволением».

«И стали мы люди все тленны и смертны, и нет ничего, что могло бы отстранить этот великий и страшный приговор, — описывает св. Симеон Новый Богослов[4] то, что произошло вслед за преступлением Адама. — Надобно знать, что как человек имеет тело и душу, то смертей у него две: одна смерть души, другая — смерть тела; равно как и два бессмертия — душевное и телесное, хотя то и другое в одном человеке, ибо душа и тело один человек. Так, душою Адам умер тотчас, как только вкусил [запрещенного плода], а после, спустя 930 лет, умер и телом. Ибо как смерть тела есть отделение от него души, так смерть души есть отдаление от нее Святого Духа... По этой потом причине и весь род человеческий сделался таким, каким стал чрез падение праотец Адам, — смертным по душе и по телу».

Но с пришествием Христа дело изменилось. Чрез исполнение заповедей и приобщение таинствам церковным душа человека снова оживает, делается нетленной благода-тию Св. Духа еще в настоящей жизни. Но тело все-таки умирает, по приговору: *...земля еси, и в землю отыдеши* (Быт. 3, 19). В общее же воскресение, после Страшного Суда, и тело будет нетленным.

Таким образом, «смерть не отменена и не оставлена бездейственной в настоящей жизни, а только попрана и бывает презираема»[5], благочестивыми, разумеется, а не нечестивыми, которые из-за смрада страстей лишились Св. Духа и умерли душою. Последние же не попирают и не презирают смерть, но она сама их попирает, потому что является для них не переходом в вечную блаженную жизнь, а жесточайшим концом, влекущим душу на дно адово.

Человеку не нужно никогда забывать важной вещи: смерть есть предел времени, назначенного для подвигов его в здешней жизни, и по смерти — нет ни покаяния, ни исправления (Лк. 16, 26; Гал. 6, 10; 2 Тим. 4, 7-8)[6].

Если принять еще во внимание, что никто не знает, когда придет его смертный час, то понятно, что христианину ничего другого не остается — если он желает быть в будущем веке с Богом, ангелами и святыми, а не с диаволом, — как постоянно готовиться к смерти. *...Поминай последняя твоя, и во веки не согрешиши,* — говорил еще древний мудрец (Сир. 7, 39). Имея этот наказ в сердце, святые отцы

-257-

сами исполняли его и другим заповедали, чтобы эти слова Писания все, хотящие спастись, приняли к сведению, потому что без сего и приступить ко спасению невозможно. Ибо как человек принудит себя к доброделанию, если не вселится в него постоянное помышление «о четырех последних — о смерти, о Втором Христовом пришествии, о муке вечной и о животе вечном»[7].

Так как время своей смерти человеку неизвестно, а главное, так как смерть, как сказано выше, есть наказание за грехи, казнь, после которой человеку предлежит суд, и так как «суд этот будет единственный, окончательный и страшный, а еще более праведный, нежели страшный, или, лучше сказать, потому и страшный, что он праведен»[8], то понятно, что даже святые страшились смерти. Авва Агафон, великий в древних святых, за три дня до смерти перестал беседовать с братиями и

погрузился в глубокое размышление. Окружающие спросили: «Авва Агафон, где ты?» «Я предстою суду Христову», — отвечал он. «Неужели и ты боишься?» — сказали ему. «Я старался по силе моей сохранять заповеди Божий, но я человек; откуда знаю, были ли угодны дела мои Богу?» Братия вновь допытывалась у великого подвижника: «Неужели ты не надеешься на свое жительство, которое было сообразно воле Божией?» — «Не могу надеяться, потому что иное суд Божий, а иное человеческий». Они хотели было его еще о чем-то спросить, но он сказал: «Окажите мне любовь, теперь не говорите со мною, потому что я не свободен». И он скончался с радостью. Очевидно, он увидал пришедших за его душою небожителей*.(*См.: Достопамятные сказания. С. 48. Об авве Агафоне, 29. Прим. составителя.)

Таковы предсмертные минуты духоносного мужа. Ниже я приведу для примера кончину преп. Сисоя Великого, уже в самый момент смерти, в присутствии ангелов, молившего о покаянии и трепетавшего за свою участь. Ради поучения и устрашения нас, имеющих окамененные сердца и души, легкомысленно относящихся к своему будущему страшному концу, Промысл Божий допускал иногда воочию ужас смерти, самого разлучения души с телом и препирательства ее с подступившими бесами и у праведников, творивших еще при жизни знамения и чудеса. Вот такое-то истязание

-258-

и заставляет страшиться разумных. Но приведу самый пример.

Про кончину преп. Стефана, около 40 лет проведшего в суровейших подвигах, сподобившегося еще при жизни дара слез, постничества и кормившего, как нередко видели, леопарда из собственных рук, про кончину этого мужа св. Иоанн Лествичник[9] рассказывает, что он за день до смерти пришел в исступление и с открытыми глазами озирался то на правую, то на левую сторону своей постели, и, как бы истязуемый кем-либо, он вслух всех предстоявших говорил иногда так: «Да, действительно, это правда, но я постился за это столько-то лет», а иногда: «Нет, я не делал этого, вы лжете»; потом опять говорил: «Так, истинно так, но я плакал и служил братиям»; иногда же возражал: «Нет, вы клевещете на меня». На иное же отвечал: «Так, действительно так, и не знаю, что сказать на это, но у Бога есть милость...» «Поистине страшное и трепетное зрелище, — прибавляет св. Иоанн Леетвичник, — было это невидимое и немилостивое истязание. И что всего ужаснее, его обвиняли и в том, чего он и не делал. Увы, безмолвник и отшельник говорил о некоторых из своих согрешений: "Не знаю, что и сказать на это", хотя он около сорока лет провел в монашестве и имел дарование слез... В продолжение сего истязания душа его разлучилась с телом. И неизвестно осталось, какое было решение и окончание сего суда и какой приговор последовал?»

Но Бог, любящий истинных рабов Своих, исполняющих Его заповеди, в большинстве случаев наперед говорит им о кончине их, чтобы с одной стороны избавить их от страха неизвестности, с другой — обрадовать скорым избавлением от тяжелых трудов, скорбей, лишений, гонений, мучений. Святые в свою очередь предсказывали о времени своей кончины близким людям, иногда с точным обозначением имеющих сопровождать ее обстоятельств.

Мне кажется, что это предузнание и назначение святыми наперед точного дня и часа своей смерти, которых, всякий должен сознаться, никто не знает и случайно даже не может описать верными чертами, является одним из лучших доказательств

в пользу существования Бога, Всемогущего и Всеведущего, и уделяющего частицу Своего всеведения праведникам, и распоряжающегося жизнью и смертью по Своему усмотрению. Святой, за несколько месяцев или

-259-

дней сообщающий о своей кончине в словах, иногда противоречащих всему окружающему, собирающий в час смерти вокруг себя духовных чад, и с порога потустороннего мира благословляющий их, и предсказывающий им в точности их будущую судьбу, что может быть удивительнее и достославнее, и что могут в противовес этому дать подобное из своей жизни нечестивцы и неверующие!

Но, сделавши одно отступление, я сделаю и другое — приведу примеры, иллюстрирующие высказанную мысль, чтобы не оказаться голословным и показать, что мои доводы являются убедительными не только для меня самого, но и для самых заскорузлых сердец и умов, почерпавших при этом уверенность в науке, — это особенно подходит к нашему времени.

«Жидовин некий, именем Иосиф, живяше в Кесарии, той бе таков врач искусен, яко человека имущаго умрети познавше от жил прежде трех или пяти дней, и сказоваше ему час кончины его. Богоносный же отец наш Василий, провидя духом быти хотящее его обращение ко Христу, любяще его вельми, и часто к беседе своей призывающи его, учаше оставити еврейский закон и прияти святое крещение; но Иосиф отрицашеся, глаголющи: в нейже вере ро-дихся, в той хощу и умрети. Святый же рече ему: веру ими ми, яко ни аз, ниже ты умреши, донележе не родишися от воды и духа: кроме бо сея благодати, не мощно есть внити в Царствие Божие. Еда ли и отцы твои не крестишася во об-лаце и мори, и пиша от камене, иже бе прообразением духовного камене Христа, от Девы спасения ради нашего родившагося, Егоже отцы твои распяша, и погребен быв воскресе в третий день, и на небеса возшед седе одесную Отца, и оттуду приидет судити живым и мертвым? Многа же и ина полезная словеса сказоваше ему святый; но жидовин пребываше в неверствии своем. Егда же приспе время отшествия святаго к Богу, разболеся святый, и призва жидовина аки бы врачевския от него помощи требуя, и рече ему: что мнится ти о мне, Иосифе? Он же осязав жилы святаго, рече к домашним: уготовите вся, яже к погребению, яко умрет абие. Василий же рече к нему: не веси, что глаголеши. Рече же жидовин: веру ми ими, владыко, яко еще солнце днесь не зайдет, а ты умреши. Василий же глагола ему: аще пребуду до утра, до часа шестаго, то что сотвориши? Отвеща Иосиф: да умру. Святый же рече: ей, да умреши греху, да оживеши

-260-

Богу. Глагола ему евреин: вем, что глаголеши, владыко, се клянуся тебе, яко аще жив будеши до утра, то сотворю волю твою. Помолися же к Богу божественный отец Василий, да продолжит живот его до утра спасения ради евреинова, и получи просимое. Во утрие же посла призвати его, и не ят веры Иосиф слузе зовущему его, дабы Василий был жив, обаче иде видети хотя умершаго: увидев же его жива суща, бысть аки во изступлении. Таже падши на нозе святому, истинным сердцем рече: велик Бог христианский, и несть инаго Бога разве Его, отрицаюся убо богоненавистнаго жи-довства, и приступаю ко истинней христианстей вере, повели убо, святый отче, не отлагающи подати ми святое крещение, и всему дому моему. Глагола же ему святый Василий: аз сам крещу тя моими руками. Приступив же евреин, ося-за руку святаго десную, и рече: изнемогоша силы твоя, владыко, и

естество до конца ослабе, не можеши убо мя крес-тити сам. Отвеща Василий: имамы Создателя укрепляю-щаго нас, и восстав вниде в церковь, и пред всеми крести жидовина и весь дом его, нарече же того Иоанном; и причасти его Божественных Тайн, сам литургисав в той день, и поучив довольно новокрещеннаго о вечной жизни, и ко всем словесным своим овцам слово учительное сотворив, пребысть до часа девятаго. Таже последнее всем целование и прощение дав, благодарение воссылаше Богу за вся неиз-реченныя ему благодати, и еще благодарению сущу во ус-тех его, предаде душу свою в руце Божий, и приложися ко архиереом архиерей, и к проповедником великий гром слова...» ю

Но в чем же состоит сама смерть? Кто эти «истязатели», о которых упоминалось выше в житии преп. Стефана и о которых говорит Сам Христос (Лк. 12, 20: απαιτουσιν)?

Из всех примеров святоотеческой или вообще церковной литературы[11] я приведу здесь наиболее подробное и обстоятельное описание последних минут жизни человеческой и самого момента смерти из сказания блаж. Феодоры в житии преп. Василия Нового[12]. Когда ученик последнего, Григорий, в видении просил блаженную старицу, уже прошедшую мытарства (см. следующий параграф) и находившуюся в блаженных обителях, рассказать о своей кончине и об обстоятельствах, сопровождавших ее смерть, то она поведала ему следующее:

«Чадо Григорий! О страшной вещи вопросил ты меня, о

-261-

которой и вспомянуть ужасно. Когда настал час моей смерти, я увидела лица, которых никогда не видала, услышала глаголы, которых никогда не слыхала. Что скажу? Лютые и тяжкие бедствия, о которых я не имела понятия, встретили меня по причине дел моих; но молитвами и помощью общего отца нашего Василия я избавилась от них. Как рассказать тебе ту телесную боль, тягость и тесноту, которым подвергаются умирающие? Как бы кто, обнаженный, упавши на великий огонь, горел, истаявал, обращался в пепел: так разрушается человек смертною болезнью в горький час разлучения души с телом. Когда я приближалась к концу моей жизни, и наступило время моего преставления, тогда увидела я множество эфиопов, обступивших мой одр. Лица их были темны, как сажа и смола; глаза их — как каленые угли; видение так люто, как сама геенна огненная. Они начали возмущаться и шуметь. Одни ревели, как звери и скоты, другие лаяли, как псы, иные выли, как волки. Смотря на меня, они ярились, грозили, устремлялись на меня... между тем, как бы ожидая какого судию, долженствующего прийти, готовили хартии и развивали свитки, на которых были написаны все мои злые дела. Убогая моя душа была объята великим страхом и трепетом. Не только томила меня горесть смертная, но и грозный вид и ярость страшных эфиопов были для меня как бы другою лютейшею смертью. Я отвращала глаза мои во все стороны, чтобы не видеть страшных лиц их и не слышать голоса их, но не могла избавиться от них, — они всюду шатались; помогающего мне не было. Когда я окончательно изнемогла, то увидела двух светоносных ангелов Божиих, в образе юношей невыразимой красоты, идущих ко мне. Лица их сияли, взор был исполнен любви; волосы их были, как снег, белые с злато-видным отблеском; одежды их сверкали, как молнии; они были препоясаны златыми поясами... Приближаясь к одру моему, они стали на правой стороне его, тихо беседуя друг с другом. ...Черные эфиопы содрогнулись и отступили несколько далее. Один из светоносных юношей, с гневом обращаясь к

темным, сказал: "О бесстыдные, проклятые, мрачные и злобные враги рода человеческого! Зачем всегда предваряете приходом к умирающим, и молвою вашей устрашаете и смущаете всякую душу, разлучающуюся с телом? Но не очень радуйтесь, потому что здесь не найдете ничего. Есть Божие милосердие к этой душе, и нет вам в

-262-

ней ни части, ни жребия". Когда ангел перестал говорить, эфиопы зашатались, подняли клич и молву — начали показывать злые мои дела, содеянные от юности, и вопияли: "Ничего в ней не имеем? А эти чьи грехи? Не она ли сделала то и то?" Так вопия, они стояли и ожидали смерти. И вот пришла смерть, рыкая, как лев, видом очень страшная, человеческого подобия, но без тела, составленная из одних нагих человеческих костей[13]. Она принесла различные орудия к мучению: мечи, стрелы, копья, серпы, пилы, секиры и другие неведомые. Узревши это, смиренная моя душа вострепетала от страха. Святые ангелы сказали смерти: "Не медли, разреши эту душу от союзов плотских, скоро и тихо разреши ее: она не имеет много тяжести греховной". Смерть приступила ко мне, взяла малую секиру и отсекла мне сперва ноги, потом руки; после другими орудиями расслабила мне все члены, отделив их по суставам один от другого. Я лишилась рук, ног; все мое тело омертвело, и я уже не могла двигаться. Потом отсекла мне голову — я не могла приводить в движение головы моей, соделавшейся мне чужою. После этого она растворила в чаше какой-то состав и, приложив к устам моим, насильно напоила меня. Так горько было это питье, что душа моя не могла вынести его: содрогнулась и — выскочила из тела... Светоносные ангелы тотчас приняли ее на свои руки. Оглянувшись назад, я увидела лежащее мое тело бездушным, нечувственным и недвижимым. Как бы кто, совлекшись одежды и кинувши ее, стоял и смотрел на нее: так и я смотрела на тело мое и удивлялась. В то время как святые ангелы держали меня, демоны, бывшие в образе эфиопов, обступили нас, вопия: "Множество грехов имеет эта душа: пусть отвечает нам!" — и показывали грехи мои»[14].

Далее идет повествование о том, как душа блаженной Феодоры в сопровождении своего ангела-хранителя и ангела-вестника смерти[15], с одной стороны, и бесов — с другой, стала восходить по мытарствам.

С точки зрения чистого неверия смерть представляет такое нелепое и непонятное явление в жизни, равного которому нет другого. Она есть прекращение сознания. Последние минуты угасающего в болезни человека поэтому должны бы быть для мышления самыми трудными, непроизводительными. Так называемое «ясное, полное сознание» и «твердую память», чтобы быть последовательным,

-263-

конечно, надо понимать относительно. И полагая с материалистами, что мысль есть движение мозгового вещества, которое при конце жизни должно быть крайне истощено, необходимо заключать, что в предсмертные минуты ум не должен уже производить гениальные мысли, хотя б они принадлежали Шекспиру, Гете, Ньютону. Если же допустить, что мы имеем дело с сумасшедшим, слабоумным, полным идиотом, у которых как раз мозговые центры-то повреждены, то, безусловно, должно думать, что при смерти, они уже прямо становятся животными, без признаков малейшей разумности. Странно бы было, чтобы неумолимая, бездушная, действующая по непреложным законам природа, в самые последние

минуты человека, минуты не выздоровления его, когда поднимаются и укрепляются все силы душевные и телесные, а в минуты смерти, всеобщего угасания организма, его гибели и разложения, вдруг не только бы восстановила сознание и мышление в прежнее состояние, здоровое, но и придала бы ему такую силу и выражение, каких оно не имело раньше. Нельзя, конечно, признавая строгую эволюцию и хотя бы некоторую целесообразность в природе ожидать, чтобы идиот перед смертью не только бы *вдруг* поумнел, но и получил способности, которых в обычном состоянии не имеет иногда здоровый. Всем этим я хочу сказать, что все мои предыдущие слова .о просветлении и расширении сознания человеческого до границ прозорливости, о том, что предсмертные минуты, когда человеку открывается иногда уже горний мир прежде, нежели он отошел в него, являются поэтому наиболее яркими и превосходными, хотя бы он был и без языка, должны для неверующих казаться невероятными. Их собственное мнение на этот счет я сейчас постарался изложить. Однако наука, в которую одну только они веруют, говорит чудные и странные для нее вещи, твердо и ясно подтверждающие таинственное учение св. Церкви о смерти. Конечно, приводимые мною факты только упоминаются известными неверующими учеными, а не объясняются, потому что не сказать о них нельзя, раз они существуют, — это было бы уже шарлатанство; сказать же безбожнику нечего: и не знает он ничего духовного, и не верит ему.

Вот эти факты.

«Мне лично приходилось наблюдать, — говорит известный психиатр проф. П. Ковалевский[16], — хронических

-264-

слабоумных, много лет пребывавших в этом состоянии, не помнивших ни отца, ни матери, ни детей, ни даже своего имени, которые за несколько минут (30-120) до смерти вполне ясно и отчетливо вспоминали о семье, о делах и вели правильный и разумный разговор. Egger говорит, что более, чем 1/4 умирающих маниаков перед смертью возвращаются в сознание и разумность. Даже тупоумные и идиоты в момент смерти представляют просветление сознания, в течение которого они проявляют необычные для них память и разумность...

Это явление изменения душевного состояния в *предсмертном состоянии* [курсив автора] не составляет достояния исключительно душевнобольных, — оно бывает и у душевно здоровых с затяжным исходом и агонией...

Иногда происходят в памяти такие обострения, которые поражают окружающих. Так, Fere наблюдал больного, который, вследствие истощения находясь в предсмертном состоянии, заговорил на непонятном окружающим языке, — оказалось, что это он заговорил по-фламандски, причем в течение последних лет жизни он совершенно не помнил этого языка...

Этот момент прояснения сознания перед смертью у хронических душевнобольных имеет весьма важное судеб-но-психиатрическое значение, которое в иных случаях может давать повод к возникновению вопроса о гражданской правоспособности данного лица в момент смерти и исполнении его воли».

Зачем бы полному идиоту за несколько минут до совершенного «прекращения сознания», по мнению безбожников, становиться вполне здоровым и умственно развитым человеком, и почему бы этому случаться так часто, и откуда бы самые

силы и способности взялись, которых не имелось и тогда, когда физически организм был силен и крепок, если бы предсмертные минуты не давались Богом человеку для последней подготовки к переходу в вечность и к Страшному Суду, где с него спросят отчет за проведенную жизнь. Милосердие Божие дает возможность в эти минуты даже идиоту одуматься, привести в порядок свои мысли, оглядеть разумным взглядом всю свою прошедшую жизнь, найти в ней недочеты и грехи и воздохнуть к Богу со слезами предсмертного раскаяния за вольные и невольные ошибки и прегрешения.

-265-

А затем это просветление показывает, что безумие есть болезнь, устранить или продолжить которую силен один Бог, а не зависит исключительно от какого-нибудь «пигментно-жирового перерождения ганглиозных клеток» или «гиперемии мозговых оболочек». Придет время, и — все встанет на свое место и начнет исполнять свое назначение, хотя по естественным законам этого бы и не должно уже быть.

Представленная выше картина смерти дает понятие о таковой в отношении человека, до некоторой степени «среднего», — ни отчаянного грешника, ни великого праведника. Что же касается последних, то состояние предсмертное и в момент смерти у них сильно разнится от указанного; и насколько славно отшествие из этого мира душ праведных, настолько страшно для грешника. Здесь сбывается слово пророка Давида: *Смерть грешника люта...* (Пс. 33, 22.)

Приведу в качестве примера блаженной кончины смерть преп. аввы Сисоя Великого.

Когда он стал умирать и сидели вокруг него отцы и братия, просияло лицо его, как солнце, и говорит он им: «Вот авва Антоний пришел». И опять просияло лицо его еще более, и сказал: «Вот лик апостолов пришел». И удвоился свет лица его, и вот он как бы говорит с кем. Сказали же ему старцы: «С кем разговариваешь, отче?» И сказал: «Вот ангелы пришли взять меня, и прошу, чтобы позволили мне покаяться немного». Говорят ему старцы: «Не имеешь ты нужды каяться, отче». Сказал же им: «Поистине, не знаю о себе, полагал ли я начало». И узнали все, что он уже совершен. И опять вдруг сделалось лицо его, как солнце, и ужаснулись все. И он говорит им: «Вот Господь пришел и говорит: *несите ко Мне сосуд избранный пустыни».* И тотчас предал дух. И сделался как молния, и наполнилось все место благоуханием[17].

Таких и подобных ему случаев в житиях святых рассказывается немало, и они стоят совершенно независимо от места, эпохи, национальности этих святых, потому что, по апостолу, *Иисус Христос вчера и сегодня и во веки Тот* же[18] (Евр. 13, 8).

То, что я говорил выше о представлении смерти как о «нелепом явлении», при котором на тело человеческое смотрят как на простую падаль[19] (а св. Церковь, наоборот, тело всякого умершего, даже грешника, именует «мощами»!)[20],

-266-

относится только к «культурным» людям, дошедшим до крайней степени извращения своей богоподобной природы и опустившимся до скотоподобного состояния. Но человечество на всех ступенях и во всех возрастах своей жизни носило в себе уверенность, что добрая смерть есть законный удел людей, что умереть даже по внешности «честно», «славно», «красиво» — а если бы можно, то

так, как умирали святые, — необходимо человеку как таковому. Отсюда придание человеку по смерти благообразного выражения (закрытие глаз, рта), впрыскивание средств, препятствующих гниению, замораживание, бальзамирование — для того, чтобы уничтожить предательские и зловещие признаки «недостоинства» человеческого: тления, гниения, разложения. Отсюда желание сделать саму обстановку смерти «красивой». Если люди мира сего лишены благодатного дара чувствовать себя в последние минуты сильными, распространять вокруг себя отблески небесного света и благоухание райских садов, то их, пусть прибитый, но все же богоподобный дух не может примириться со своим унижением, и хочет, по крайней мере для стороннего взгляда, показать себя красивым, блестящим, и создает поддельную обстановку величественной смерти. Но и этого он иногда не в силах достигнуть, а если что и делает, то получается жалко, уродливо, по-шутовски.

Так, Тацит[21] передает, что мать знаменитой своим чудовищным распутством Мессалины, находившаяся при ней в последние минуты жизни, советовала ей, чтобы она хоть «красивой смертью» несколько загладила свои преступления (т. е. советовала ей «красиво» покончить жизнь самоубийством), потому что, кроме этой «красивой смерти ей ничего больше не остается — neque aliud, quam morti decus». Но, прибавляет Тацит, «дух, растленный похотями, не мог предпринять ничего достойного похвалы» («Sed a nimo per libidines corrupto nihil honestum inerat»).

Еще вспоминается мне случай, о котором я где-то когда-то читал в периодической печати. Речь идет о молодом человеке и девушке, решивших умереть вместе «красивой» смертью. Конечно, легко догадаться, что дело имело романическую подкладку: невозможность удовлетворить, «по не зависящим от них обстоятельствам», свою страсть и сочетаться для прикрытия ее браком. Я изложу конец их истории в двух словах: они заказали «свадебный» ужин, уб-

-267-

рали стол и ложе цветами и в подвенечных костюме и платье окончили жизнь самоубийством. Получилась бутафорная инсценировка, возбуждающая омерзение, жалость, ужас, но никак не являющаяся делом «honestum», достойным похвалы — хотя бы в понимании язычника Тацита.

Перейдем теперь к лютой смерти грешников.

Я не буду много приводить примеров из церковной истории; скажу только, что обычно смерть застигает грешников тогда, когда о ней они совершенно не думают, очень часто в момент самого совершения ими греха, и нередко сопровождается тяжелыми и страшными мучениями.

Так, в Четьях-Минеях, под 6 октября, рассказывается, что некий нечестивый язычник, военачальник Асклипиот, однажды во время пира и мерзостных наслаждений упал на пол и, корчась в жестоких мучениях, вопил: «Горе мне! Где боги языческие, которым я поклонялся? Где Зевс? Где Меркурий?.. Горе мне, ибо не существуют они и не помогут мне... А я ныне отхожу на страшный суд единого истинного Бога, служителей Которого я гнал». Затем он начал рвать зубами свое тело, жевать язык и в таких жестоких муках испустил дух.

О многих исторических лицах можно сказать, что если они и не умирали таким же жалким образом, то все же смерть их заставала врасплох (как далеко это от почти всегдашнего предузнания праведниками своей кончины!) и при обстоятельствах, с точки зрения строгого христианина, позорных и необычных.

1. Так, известный художник Ге, друг Л. Толстого, пропагандировавший в своих картинах современное антихристианское направление, выступающее в пользу естественных наук против всего сверхъестественного[22], умер... но лучше, вместо меня, об этом расскажет сама отечественная печать.

«Реалист — отрицавший в искусстве всякую приподнятость и мелодраматичность, — он умер при таком мелодраматическом нагромождении странных случайностей, какое может подтасовать только действительная жизнь, но на изображение которого не решится ни один художник», — наивно сознается биограф.

«В двенадцатом часу ночи (на 2 июня 1894 года), в дождь и грозу, он подъехал на подводе к своему хутору, отстоявшему всего на пять верст от станции железной доро-

-268-

ги. Он вез из Нежина приобретенные им там корабельные часы, с глухим башенным боем. Часы были заведены и шли, в силу своей конструкции, несмотря на тряскую дорогу. Подъехав, он стал стучать в окно, разбудил сына, велел расплатиться с возницей и пошел к себе в комнату. Там он поставил часы на стол и стал любоваться своим приобретением. Но вдруг он почувствовал себя дурно, так что без помощи сына не смог добраться до постели. Он стал задыхаться, застонал, начал жаловаться, что ему мало воздуха. Сын распахнул окно, и из сада ворвались дождь и мгла сырой ночи. Страдания умирающего вырвали из его груди ужасный крик. На этот крик кинулась к окну огромная дворовая собака и, поняв, что ее хозяин в агонии, подняла удручающий вой на весь дом. Сын художника, не желая бежать кругом дома и звать на помощь, сорвал с запоров заколоченную дверь, которая вела прямо на лестницу; приставленные к дверям цинковые или железные листы с грохотом обрушились по ступеням и перебудили весь дом. Все сбежались. Крики Ге стихли, а собака все выла, гром прокатывался по небу, и ветер с дождем врывался в комнату. И вдруг в это время на столе забили полночь корабельные часы длинным погребальным звоном, который гудел, казалось, бесконечно и под звуки которого и угасла жизнь художника...»[23]

2. Ужасный конец поэта Фета должен заставить трепетать самих безбожников, должен заставить их поверить в потусторонний мир и его обитателей. Выписываю данные из статьи писателя Бориса Садовского, специалиста по жизни и творчеству этого поэта.

Осенью 1892 г. Фет переехал из деревни в Москву и здесь заболел. «Слабость, между тем, усилилась до такой степени, что врач заметил однажды Марье Петровне (жене. — Еп. Варнава) о необходимости причастить больного. Марья Петровна ответила, что Афанасий Афанасьевич не признает никаких обрядов и что грех этот (остаться без причастия) она берет на себя*.(*Фет был убежденным атеистом. Когда он беседовал о религии с верующим Полонским, то порой доводил последнего, по свидетельству его семьи, до слез. — Прим. Б. Садовского.)

Утром 21 ноября больной, как всегда бывший на ногах, неожиданно пожелал шампанского. На возражение жены,

-269-

что доктор этого не позволит, Фет настоял, чтобы Марья Петровна немедленно съездила к доктору за разрешением. Пока торопились с лошадьми, он не раз спрашивал: скоро ли? и сказал уезжавшей Марье Петровне: "Ну, отправляйся же,

мамочка, да возвращайся скорее". Когда Марья Петровна уехала, Фет сказал секретарше: "Пойдемте, я вам продиктую". — "Письмо?" — спросила она. — "Нет", и тогда с его слов г-жа Ф. написала сверху листа: *"Не понимаю сознательного преумножения неизбежных* страданий*. *Добровольно иду к неизбежному".* Под этими строками он подписался собственноручно: "21 ноября. Фет (Шеншин)"**. (Вот он, гордый вопрос о смысле страданий. А что Господь терпел, и святые за Ним? — Еп. Варнава. Мы видели эту записку на листе обыкновенной беловатой бумаги невысокого качества. Почерк самого Фета ясен и определенно-тверд; ничто не указывает, что писал это умиравший. — Прим. Садовского.

Садовской путается здесь. Дальше в примечании он говорит, что Фетом овладело умоисступление — как будто это извинительнее, — и заканчивает: умер в полном сознании (?!). Я понимаю «умоисступление» в святоотеческом смысле, как состояние отчаявшегося сознательного грешника. — Прим, еп. Варнавы.)

На столе лежал стальной разрезальный ножик, в виде стилета. Фет взял его, но встревоженная г-жа Ф. начала ножик вырывать, причем поранила себе руку. Тогда больной пустился быстро бежать по комнатам, преследуемый г-жой Ф. Последняя изо всех сил звонила, призывая на помощь, но никто не шел. В столовой, подбежав к шифоньерке, где лежали столовые ножи, Фет пытался тщетно открыть дверцу, потом, часто задышав, упал на стул со словом: «Черт!» Тут глаза его широко раскрылись, будто увидав что-то страшное; правая рука двинулась приподняться, как бы для крестного знамения, и тотчас же опустилась. Он умер в полном сознании»[24].

3. Про итальянского поэта Аретино, которого за талант кощунственно называли «божественным», но о порнографическом содержании стихов и драматических произведений которого говорят уже самые заглавия их, как, например, «Бродячая девка» (в подлиннике прямо названа: «Puttana

-270-

errante»), «Сладострастные сонеты» («Sonetti lussuori»), рассказывают, что он так расхохотался над скабрезным и похабным анекдотом, до коих был большой охотник, что упал со стула и тут же умер[25].

4. Примечательна также смерть безбожника и похабника (ср. его «Les bijoux indiscrets»), знаменитого французского энциклопедиста Дидро. «Он сидел, опершись на локоть, съев за две минуты перед этим абрикосу. На предостережение жены он отвечал [помянув выразительно «черного» — что я оставлю без перевода]: "Mais que diable de mal veux-tu que cela me fasse?" Через несколько времени жена снова заговорила с ним, но он уже не отвечал». Пошел в преисподнюю за «черным»[26].

5. Еще два слова об одном кощуннике и нечестивце. Ла-Метри, тоже, как и первый, «идеолог» «Великой» французской революции, умер от обжорства, «съевши у французского посланника, милорда Тирконеля, целый пирог, начиненный трюфелями...» А сообщает про это не кто иной, как Вольтер, в своих «Мемуарах»[27].

6. Поучительна для христианина и смерть императора Петра I: Господь для очищения всех известных его грехов послал ему «нестерпимую каменную болезнь», в которой он при «двенадцатидневном страдании неумолчно кричал, и тот крик далеко слышен был», как говорит современник, «и потом скончался...»[28]

Не будем обобщать и оправдывать свои страсти, если услышим и то, что болезнь и смерть, постигающая кого-либо, не соответствует степени греховности или праведности того человека. Бывает даже наоборот — праведник умирает иногда мучительною смертью, а грешник безболезненно. «Пути и суды Божий для нас непостижимы: пред ними надобно только благоговеть, а постигнуть их нельзя. Св. Афанасий Великий говорит: "Многие праведники умирают злою смертью, а грешники безболезненною, тихою". В доказательство этого он рассказывает следующий случай. Один монах-отшельник, славный чудотворениями, жил со своим учеником в пустыне. Однажды случилось ученику пойти в город, в котором был начальник злой, не боявшийся Бога, и увидел он, что этого начальника погребают с большой честию и множество народа сопровождает его

-271-

гроб. Возвратившись в пустыню, ученик нашел своего святого старца растерзанным гиеною и стал горько плакать о старце и молиться Богу, говоря: "Господи, как славно помер тот злой властитель, а этот святой, духовный старец за что подвергся такой горькой смерти, будучи растерзан зверем?" Когда он плакал и молился, явился ему ангел Господень и говорит: "Что плачешь о своем старце? Тот злой властитель имел одно доброе дело, за которое в награду он и удостоился такого славного погребения, а по переходе в другую жизнь ему уже больше нечего ожидать, кроме осуждения за худую жизнь. А твой наставник, честный старец, во всем угодил Богу, и, будучи украшен всякою добротою, он, однако ж, как человек, имел один малый грех, который такою смертью очищен, прощен, и отошел старец к вечной жизни совершенно чистым" (Пролог, 21 июля).

Однажды некоторый человек упал в реку и утонул. Одни говорили, что за грехи свои погиб, а другие, что такая смерть случайно последовала. Блаж. Александр спросил об этом великого Евсевия. Евсевий ответил: ни те и ни другие не узнали истины. Если бы всякий получал по делам своим, то весь мир погиб бы. Но диавол не есть сердцеведец. Усмотрев человека, приближающегося к смерти, он расставляет ему сети искушений, чтобы подвергнуть его смерти: возбуждает его на ссору или на другое худое дело, великое или малое. По козням его, иногда от малого удара или от другой маловажной причины человек умирает; или влагает мысль перейти реку во время половодья или в другую напасть старается ввести его без всякой нужды. Случается, что иных бьют без милости, почти до смерти, или оружием ранят, и они умирают; а иногда и от легкого удара умирают. Если кто в жестокий холод зимою отправится в дальний путь с явною опасностью замерзнуть, то сам будет виновником своей смерти. Если же отправится в хорошую погоду, на дороге вдруг застигнет его непогода, от которой некуда укрыться, и он погибнет, то такой умирает мученическою смертью. Или: если кто, надеясь на свою силу и ловкость, хочет переправиться чрез быструю и бурную реку и утонет, по своей воле подвергся смерти (и будет осужден как самоубийца). Если же кто, видя, что река такая не опасна, другие переходят благополучно, по следам их и сам пойдет, и в это время диавол за-пнет ему ноги, или иначе как споткнется и утонет, то такой умрет мученическою смертию (Пролог, 23 марта).

-272-

Когда грешники умирают лютою смертию, то за мученическую кончину получают прощение грехов или облегчение мучений в будущем. А когда

праведники подвергаются нечаянной, мученической смерти, то за это им увеличивается награда в будущей жизни.

Св. Афанасий Великий говорит: многие праведные жизнь свою проводят в продолжительных, жестоких болезнях, а грешные иногда умирают мирно и скоро, без страданий. Св. Григорий говорит: часто благочестивые подвергаются большим скорбям и томлению и прежде, и во время смерти: потому что имеют некие малые грехи, чтобы очиститься от них. Ибо нет праведника, который бы не имел какого-нибудь греха; и нет грешника, который бы не имел чего-нибудь доброго, за что в награду он и удостаивается мирной кончины. Но, получив здесь всю награду, в будущей жизни тем строже будет осужден за худые дела (Пролог, 30 апреля).

В одном солунском монастыре некая девственница, подвергшись искушению от диавола, не стерпела, ушла в мир и жила распутно несколько лет. Потом, образумившись, она решила исправиться и возвратиться в прежний монастырь на покаяние. Но едва только дошла до ворот монастыря, упала и умерла. Одному епископу Бог открыл о смерти ее, и тот видел, как святые ангелы пришли, взяли душу ее, а бесы вслед них шли и спорили с ними. Святые ангелы говорили, что она столько-то лет служила нам, душа ее наша. А бесы говорили, что она и в монастырь-то вступила с леностью, как же вы говорите, что она покаялась? Ангелы отвечали: Бог видел, что она всеми мыслями и сердцем приклонилась к доброму, потому и принял покаяние ее. Покаяние зависело от ее доброй воли, а жизнью Бог владеет. Бесы с посрамлением удалились (Пролог, 14 июля).

Преп. Афанасий Афонский прославился благочестием, святостью и чудотворениями; но Бог, по непостижимым для нас судьбам, назначил ему несчастную, по-видимому, смерть и заранее открыл ему, что он с пятью учениками своими будет задавлен сводом церковного здания. Святой Афанасий намеками говорил об этом и в последнем поучении братии, как бы прощаясь с ними, и, после поучения, поднявшись с пятью избранными учениками на верх постройки, тотчас был задавлен обрушившимся зданием (Четьи-Минеи, 5 июля).

-273-

Св. Златоуст говорит: "Если увидишь, что праведник терпит злую кончину, не упадай духом: ибо несчастия уготовляют ему светлый венец. Бог наказывает некоторых на земле, чтобы облегчить им тамошнее наказание, или совсем освободить их от оного, когда видишь, что некоторые или при кораблекрушении погибли, или задавлены домом, или потонули в реке, или другим насильственным образом окончили жизнь, между тем, как иные, подобно им или еще хуже, грешат, однако остаются невредимыми, не смущайся и не говори: отчего эти согрешающие одинаково не пострадали одинаково? Бог попускает одному быть убитым, облегчая тамошнее наказание ему, или пресекает феховность его, чтобы, продолжая жизнь нечестивую, не собирал для себя большее осуждение. А другому не попускает такой смерти, чтобы, наученный казнию первого, он сделался благонравнее. Если же вразумляемые не исправляются, виновен не Бог, а беспечность их" (Беседа 2 о Лазаре)»[29].

В заключение упомяну еще об одном чуде божественном, говорящем, что даже такое явление, как смерть, от коей никто не может защититься, находится в руках Господа, которую Он, когда хочет, посылает и, когда хочет, отстраняет, по Его же слову: *Аз убию и жити сотворю; поражу и Аз исцелю, и несть иже измет от руку Моею...* (Втор. 32, 39.) Речь идет о возможности смерти одного лица за другое с

тем, чтобы последнее, выздоровев от смертельной болезни, еще продолжало жить столько времени, сколько положено было в Совете Божием прожить первому[30].

§ 2. Страшный суд и открытие Царства славы*.

(*Далее следует текст, составленный из Мф. 24,29-31; 25,31 -46; Откр. 21,1-4, 9-11,19,21-27; 22,1-6, 8,10-16.)

И вдруг, после скорби дней тех[1], солнце померкнет, и луна не даст света своего[2], и звезды спадут с неба, и силы небесные по-колеблются[3]. Тогда явится знамение Сына Человеческого на небе; и тогда восплачутся все племена земные, и увидят Сына Человеческого, грядущего на облаках небесных с силою и славою великою. И пошлет Ангелов Своих *с* трубою громогласною; и соберут избранных Его от черных ветров, от края небес до края их.

-274-

Когда же приидет Сын Человеческий во славе Своей и все святые Ангелы с Ним: тогда сядет на престоле славы Своей; и соберутся пред Ним все народы; и отделит одних от других, как пастырь отделяет овец от козлов; и поставит овец по правую Свою сторону, а козлов по левую.

Тогда скажет Царь тем, которые по правую сторону Его:

— Приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира. Ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне.

Тогда праведники скажут Ему в ответ:

— Господи! Когда мы видели Тебя алчущим, и накормили? или жаждущим, и напоили? Когда мы видели Тебя странником, и приняли? или нагим, и одели? Когда мы видели Тебя больным, или в темнице, и пришли к Тебе?

И Царь скажет им в ответ:

— Истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне.

Тогда скажет и тем, которые по левую сторону:

— Идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его. Ибо алкал Я, и вы не дали Мне есть; жаждал, и вы не напоили Меня; был странником, и не приняли Меня; был наг, и не одели Меня; болен и в темнице, и не посетили Меня.

Тогда и они скажут Ему в ответ:

— Господи! Когда мы видели Тебя алчущим, или жаждущим, или странником, или нагим, или больным, или в темнице, и не послужили Тебе?

Тогда скажет им в ответ:

— Истинно говорю вам: так как вы не сделали этого одному из сих меньших, то не сделали Мне.

И пойдут они в муку вечную, а праведники в жизнь вечную.

И увидел я новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уже нет. И я, Иоанн, увидел святой город Иерусалим, новый, сходящий от Бога с неба, приготовленный как невеста, украшенная для мужа

своего. И услышал я громкий голос с неба, говорящий: се, скиния Бога с человеками, и Он будет обитать с ними; они
-275-
будут Его народом, и Сам Бог с ними будет Богом их. И отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее прошло.
...И пришел ко мне один из семи Ангелов, у которых было семь чаш, наполненных семью последними язвами, и сказал мне:
— Пойди, я покажу тебе жену, невесту Агнца.
И вознес меня в духе на великую и высокую гору, и показал мне великий город, святой Иерусалим, который нисходил с неба от Бога.
Он имеет славу Божию. Светило его подобно драгоценнейшему камню, как бы камню яспису кристалловидному... Основания стены города украшены всякими драгоценными камнями... А двенадцать ворот — двенадцать жемчужин: каждые ворота были из одной жемчужины. Улицы города — чистое золото, как прозрачное стекло. Храма же я не видел в нем; ибо Господь Бог Вседержитель — храм его, и Агнец.
И город не имеет нужды ни в солнце, ни в луне для освещения своего; ибо слава Божия осветила его, и светильник его — Агнец. Спасенные народы будут ходить во свете его, и цари земные принесут в него славу и честь свою. Ворота его не будут запираться днем; а ночи там не будет. И принесут в него славу и честь народов; и не войдет в него ничто нечистое и никто преданный мерзости и лжи, а только те, которые написаны у Агнца в книге жизни.
И показал мне чистую реку воды жизни, светлую, как кристалл, исходящую от престола Бога и Агнца. Среди улиц его, и по ту и по другую сторону реки, древо жизни, двенадцать раз приносящее плоды, дающее на каждый месяц плод свой; и листья дерева — для исцеления народов. И ничего уже не будет проклятого; но престол Бога и Агнца будет в нем, и рабы Его будут служить Ему. И узрят лице Его, и имя Его будет на челах их. И ночи не будет там, и не будут иметь нужды ни в светильнике, ни в свете солнечном, ибо Господь Бог освещает их; и будут царствовать во веки веков.
И сказал мне:
— Сии слова верны и истинны... Я, Иоанн, видел и слышал сие... И сказал мне:
— ...Се, гряду скоро, и возмездие Мое со Мною, чтобы
-276-
воздать каждому по делам его. Я есмь Альфа и Омега, начало и конец, Первый и Последний. Блаженны те, которые соблюдают заповеди Его, чтобы иметь им право на древо жизни и войти в город воротами. А вне — псы и чародеи, и любодеи, и убийцы, и идолослужители, и всякий любящий и делающий неправду.
Я, *Иисус,* послал Ангела Моего засвидетельствовать вам сие в церквах.
Ей, гряду скоро! Аминь.
ЕЙ, ГРЯДИ, ГОСПОДИ ИИСУСЕ!
-277-